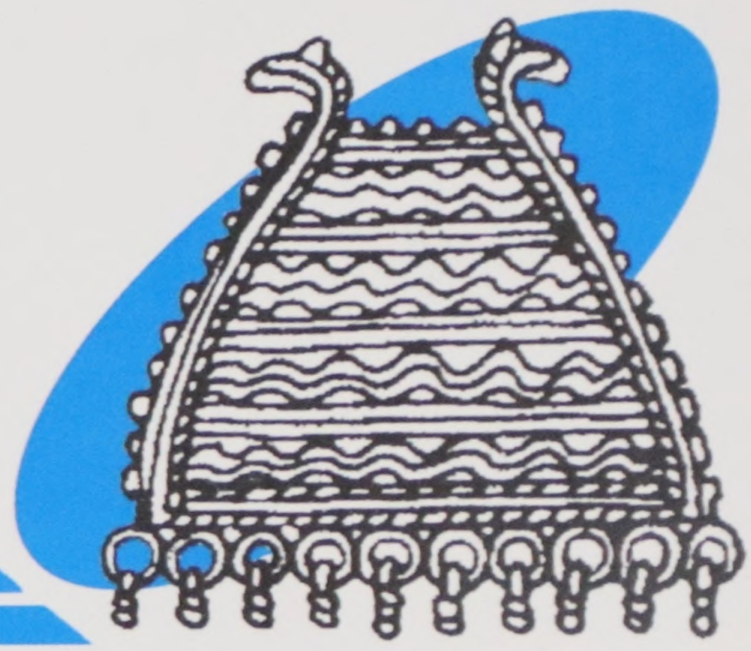
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2012

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2012, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Э.И. Пекшеева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Некрасова Г.А. Приблизительно-местный, приблизительный инессив или же жилищно-местный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка) 3

Кузнецова М.Н. Марийский диалектный словарь Эдена Беке (история создания) .. 11

Сануков К.Н. Политические репрессии 1930-х годов в отношении финно-угорских народов России 22

Горинова Н.В. Драма А.Лужикова «Ыджыд висьӧм» («Большая болезнь»): тема двойничества 29

Попов Н.С. Особенности почитания православных святых марийцами в XIX – начале XX вв 40

СООБЩЕНИЯ

Акшиков А.Г. Новая расшифровка руничной надписи на камне, обнаруженном в п. Юрино Марийской АССР в 1958 году 54

Сергеев О.А., Федосеева Н.А. Выпускники-марийцы Казанской учительской семинарии 59

Войтович А.А. Структурные особенности свадебных песен луговых мари 76

Сергеев О.А. Василий Захаров – первый учитель марийского языка при Казанской учительской семинарии 82

ПЕРСОНАЛИИ

Молотова Т.Л. К юбилею Г.А. Сепеева 89

Стрелкова О.Б., Титова О.В. К юбилею нашего учителя В.К. Кельмакова 97

Лаврентьев Г.И. Юбилей Д.Е. Казанцева 101

Мустаев Е.Н. К юбилею З.К. Ивановой 104

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Гаврилова В.Г. Рец.: Kielet kohtaavat. SKS, 227. – Helsinki, 2009. – 340 s. 107

Аккиева С.И. Рец.: Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Вып. 1: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2003. – 160 с.; Молодежь Республики Марий Эл // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып.2. – Йошкар-Ола, 2007. – 172 с.; Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Вып. 3: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2008. – 176 с.; Молодежь Республики Марий Эл (Реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл). Вып 4: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2009. – 160 с.; Молодежь Республики Марий Эл (семья и школа). Вып.5: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2010. – 234 с. 114

Мокшина Е.Н. Рец.: М.Е. Евсевьев. Жизнь мордвы в фотографиях. Фотоальбом / сост. А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин, Т.А. Шигурова. – Саранск: Мордов. кн.изд-во, 2004. – 176 с.; Фотолетопись мордовского села (100 лет из жизни села Волгапино): этнограф. фотоальбом / Этнографический музей МГУ им. Н.Н. Огарева и др., автор-сост. Н.Ф. Мокшин. – Саранск: Тип. «Красс. Окт.», 2009. – 200 с.; Т.Н. Федянович. Мордва. Этнографический альбом. Материалы мордовской этнографической экспедиции 1953–1969. – М.: Наука, 2011. – 166 с. 124

ХРОНИКА

Бочкарева Н.Н. Международная научно-практическая конференция «Музей и культурное наследие в социокультурном пространстве регионов России и финно-угорского мира», посвященная 125-летию со дня рождения Тимофея Евсеевича Евсеева 129

Мустаев Е.Н. Памяти Ивана Григорьевича Иванова 131

Кузнецова М.Н. Памяти Габора Берецки 135

Сведения об авторах 138

«Финно-угроведение», 2012, № 1

СТАТЬИ

Галина Некрасова
Сыктывкар

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО-МЕСТНЫЙ, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ИНЕССИВ ИЛИ ЖЕ ЖИЛИЩНО-МЕСТНЫЙ?
(о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка)

Категория падежа в большинстве финно-угорских языков относится к многочленным грамматическим категориям. В пермских языках она объединяет более десяти противопоставленных форм, которые отражают сложность грамматической семантики этой категории. Количество падежей в удмуртских диалектах варьируется от 12 до 21. В срединных говорах, а также в части северных и южных функционирует 15 падежей. Во многих периферийно-южных (кукморском, буйско-танып ском, красноуфимском) и некоторых южных (кырыкмасских и др.) говорах количество падежей сократилось до 12–13: вышли из употребления адвербиаль, аппроксиматив, ограничено употребление терминатива (1, с. 117–118). В красноуфимском говоре насчитывается только 12: отсутствуют адвербиаль, аппроксиматив и элатив (2, с. 96–97). В отдельных северных говорах и бесермянском наречии количество падежей возросло до 21 в результате грамматикализации послелогов с основой *дин* ‘у, около, при, возле’ (3, с. 167; 4, с. 90–91; 5). Свойство послелогов к грамматикализации объясняется тем, что они наделены таким же грамматическим значением, что и падежи. Послелоги обобщают в своей грамматической семантике лексические значения слов, входящих с ним в типовые грамматические сочетания. Поэтому они, являясь вариативным средством дифференциации смысловых отношений между полнозначными компонентами словосочетаний, в отдельных финно-угорских языках переходят в падежные суффиксы. Процесс грамматикализации характеризуется значительными хронологическими рамками, ибо языковая единица не может приобретать или же терять сразу все свойства. Она постепенно входит в периферию падежной системы с другого языкового параметра, перемещаясь к центру и приобретая свойства падежности. Динамическое развитие падежных противопоставлений создает необходимость выработки не только критериев для определения грамматического статуса подверженной изменениям

языковой единицы, но и введения для нее соответствующего термина. При наименовании новых лингвистических понятий исследователь кодирует научный поиск наиболее приемлемыми с его точки зрения терминами. Поэтому новым языковым единицам нередко даются дублетные термины, в которых заложена не только информация о понятии, но и различная его интерпретация. Термин может выступать как репрезентант определенной концепции, но при его создании необходимо учитывать предъявляемые к терминам и терминосистемам требования, которые были сформулированы еще в работах Д.С. Лотте (6, 7). Основными из них являются краткость, однозначность, мотивированность, простота, согласование с другими имеющимися в терминосистеме терминами, т.е. системность.

В финно-угроведении разрабатывались исходные положения разграничения падежа и послелога, дискуссировался статус отдельных языковых единиц (8, с. 38–42; 9, с. 127–131; 10; 11, с. 179 и др.), тогда как вопросы лингвистической терминологии продолжают оставаться практически вытесненными на периферию научных дискуссий. В рамках настоящей статьи рассматриваются дублетные термины, предложенные для наименования падежей послеложного образования, функционирующих в северноудмуртских диалектах, ибо неустойчивость их формы и невыполнение требований общепринятости диктует нормализацию, то есть унификацию, направленную на упорядочение содержания термина, и оптимизацию, имеющую целью выбор оптимальной формы термина.

Изучение падежей послеложного образования прошло уже несколько этапов: фиксация суффиксов с уточнением ареала их функционирования, определение семантики суффиксов, грамматического статуса и выбор названия. Начало фиксации суффиксов падежей, определения их семантики и грамматического статуса относится к концу XIX в. В исследованиях этого и в первой половине последующего периодов были зафиксированы только два суффикса – *-н'е* и *-н'ин*, которые получили различную интерпретацию (табл. 1). Суффикс *-н'е* рассматривался как пока-

Таблица 1

Фиксация суффиксов падежей послеложного образования

Wiedemann F.	Емельянов А.И.	Fuchs F.	Вахрушев В.М.	Серебренников Б.А.	Тепляшина Т.И.
Аллатив	Латив	Аллатив II	*-н'э*	Вступительный падеж (иллатив)	Приблизительный падеж (аллатив)
Адессив	Локатив	Адессив II	*-н'ын*	Родительный падеж (адэссив)	
			-н'ыс'		
			-н'ыс'эн		
			-н'ити		
			-н'оз'		

затель *аллатива* (Ф. Видеман, Ф. Фукс, Т.И. Тепляшина), *латива* (А.И. Емельянов) или же *иллатива* (Б.А. Серебренников); суффикс *-n'in* – как показатель *адессива* (Ф. Видеман, Ф. Фукс, Б.А. Серебренников) и *локатива* (А.И. Емельянов) (12, с. 117, 119; 13, с. 135–136; 14, с. 120, 123; 15, с. 79–80; 3, с. 170). Впервые все суффиксы с коаффиксом *-n'* были зафиксированы В.М. Вахрушевым (16, с. 236), который отметил падежный характер суффиксов, но не указал конкретный грамматический статус каждого из них.

Вопрос о статусе суффиксов с коаффиком *-n'* и необходимости их наименования впервые был поднят Т.И. Тепляшиной (17, с. 285–287). Определив семантику падежей как «пространственные отношения около кого-(чего-)либо», исследователь называет их *приблизительно-местными*. Терминоэлемент *приблизительно-* явился дифференциальным признаком, отличающим названия падежей послеложного образования от названий других местных падежей (табл. 2). Трактовка падежей как *приблизительно-местных* нашла продолжение в работах Л.Л. Карповой (4, с. 85–86; 18, с. 61) и В.К. Кельмакова (1, с. 118–119), названия же отдельных падежных единиц подверглись некоторой корректировке: В.К. Кельмаковым были введены латинские соответствия русским названиям падежей, Л.Л. Карповой – русско-латинские термины, представляющие собой словосочетания определительного типа, где в качестве определения к латинскому названию использовано прилагательное *приблизительный* (табл. 2).

Таблица 2

Названия падежей послеложного образования

Тепляшина Т.И., Кельмаков В.К.	Карпова Л.Л.	Кельмаков В.К., Некрасова Г.А.	Максимов С.А.
Приблизительно-местный	Приблизительный инессив	Инессив II	Жилищно-местный
Приблизительно-исходный	Приблизительный элатив	Элатив II	Жилищно-исходный
Приблизительно-вступительный	Приблизительный иллатив	Иллатив II	Жилищно-входный
Приблизительно-отдалительный	Приблизительный эгрессив	Эгрессив II	Жилищно-отдалительный
Приблизительно-переходный	Приблизительный пролатив	Пролатив II	Жилищно-переходный
Приблизительно-предельный	Приблизительный терминатив	Терминатив II	Жилищно-предельный

С.А. Максимов (5, с. 194–195) предложил назвать падежи послеложного образования *жилищно-местными*, отметив, что они «…обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-) либо

и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище) принадлежащий кому-либо и т. д.» (табл. 3). В соответствии с названием группы были образованы и названия для каждой из падежных единиц.

Таблица 3

Падежи послеложного образования

Показатель падежа	Семантика падежа
-н'ын	нахождение (в доме) у Х: *кол'а-н'ын* 'у Коли, в доме (жилище) Коли'
-н'ыс'	направление движения из дома Х: *кол'а-н'ыс'* 'из дома (жилища) Коли'
-н'э	направление движения в дом Х: *кол'а-н'э* 'к Коле, в дом (жилище) Коли'
-н'ыс'эн	направление движения от (с) дома Х: *кол'а-н'ыс'эн* 'от (с) дома (жилища) Коли'
-н'ыти	движение по личной территории Х, движение с посещением дома Х: *кол'а-н'ыти* 'по территории Коли, по Колиному двору'
-н'оз'	направление движения до дома Х: *кол'а-н'оз'* 'до дома (жилища) Коли'

Таким образом, для наименования удмуртских падежей послеложного образования предложено четыре варианта названий, которые различаются не только по форме, но и по содержанию от названий других местных падежей. Названия падежей послеложного образования созданы по следующим моделям:

1) русское название падежа с терминоэлементом *приблизительно-*,

2) латинское название падежа с терминоэлементом *приблизительный*,

3) латинское название падежа с цифрой II,

4) русское название падежа с терминоэлементом *жилищно-*.

В каждом случае предложенные названия выдерживают принцип системности: отмечается образование единиц одной терминоподсистемы по единой словообразовательной модели, что соответствует характеристике термина в плане синтактики. При создании терминов использованы словообразовательные модели, имеющие прозрачную внутреннюю структуру. В основе названий лежат уже имеющиеся, ставшие традиционными, наименования падежей, которые входят в новый термин в качестве основного элемента (1), что придает новым названиям согласованность с другими имеющимися в терминосистеме терминами:

(1) *местный* → *приблизительно-местный, жилищно-местный,*
исходный → *приблизительно-исходный, жилищно-исходный,*
инессив → *приблизительный инессив, инессив II,*
элатив → *приблизительный элатив, элатив II.*

По своей семантике падежи послеложного образования относятся к местным, поэтому в их названии должны найти отражение признаки, связывающие их с другими местными падежами, а также отличающие от них. При классификации языко-

вых единиц, выражающих пространственные отношения, учитываются два параметра – *локализация* и *ориентация*. *Локализация* указывает на область пространства относительно ориентира, в которой находится участник ситуации, *ориентация* – взаимоотношение между описываемым объектом и ориентиром (19, с. 13–15). Ориентации обозначаются названиями локативных падежей, например, *эссив* маркирует местонахождение, *латив* – конечный пункт движения, *элатив* – исходный пункт движения, *пролатив* – трассу. Для обозначения локализаций используются преимущественно латинские предлоги в русской транслитерации, например, *ин-* – внутренняя часть ориентира, *ад-* – боковая поверхность ориентира. В каждом из предложенных в качестве названий падежей послеложного образования нашли отражение параметры *локализация* и *ориентация*; одни из названий (названия с терминоэлементами *приблизительный*, *приблизительно-* и *жилищно-*) образованы по схеме: *локализация 2 + локализация 1 + ориентация*, другие (латинские названия с цифрой II) – по схеме: *локализация* (= локализация 1) + *ориентация*. В каждом из соотносимых названий семантика *ориентации* и *локализации* (= локализация 1) совпадает, для их обозначения использованы традиционные русские и латинские названия падежей (2):

(2) *местный = инессив,*
вступительный (входный) = иллатив,
исходный = элатив,
отдалительный = эгрессив,
переходный = пролатив,
предельный = терминатив.

Для отражения в названии падежа семантики *локализация 2* предложены терминоэлементы *приблизительный*, *приблизительно-* и *жилищно-*, в которых проявляется разная интерпретация семантики падежей. Названия с терминоэлементами *приблизительный* и *приблизительно-* актуализируют локализацию «рядом, около ориентира». Такую локализацию выражают приблизительно-местные падежи коми языка, показатели которых образовались в результате контаминации суффикса аппроксиматива с суффиксами других местных падежей (3) (20, с. 63–64):

(3) импроксимэссив *-лан'ын: кэркалан'ын* ‘около дома’,
экспроксиматив *-лан'ыс': кэркалан'ыс'* ‘со стороны дома’,
импроксимлатив *-лан'ӧдз: кэркалан'ӧдз* ‘до места рядом с домом’,
аппроксиматив II *-лан'ӧ: кэркалан'ӧ* ‘в сторону дома’.

Поэтому элементы *приблизительный* и *приблизительно-* в русских названиях падежей коми и удмуртского языков могут вызывать ложные ассоциации о семантической идентичности падежей послеложного образования удмуртских диалектов и падежей с коаффиксом *-лан'* коми диалектов, тем самым дезориентировать пользователей терминосистемой. В латинских терминах с цифрой II *локализация 2* не конкретизирована, однако наличие в языке падежных единиц с одинаковым названием, но с разными цифрами свидетельствует о нетождественности их семантики. Из предложенных терминоэлементов *жилищный* точнее

отражает семантику *локализация 2*: «место проживания лица» → *жилищный*, но этот элемент сохраняет коннотацию общеупотребительного слова. Ввиду того что в теоретических работах по финно-угорским языкам отмечается тенденция использования латинских лингвистических терминов, в качестве терминоэлемента, отражающего семантику *локализация 2*, можно было бы предложить сегмент *домус*, означающий пространственный концепт «дом»: *домус-иллатив, домус-инессив, домус-элатив, домус-терминатив, домус-эгрессив* и *домус-пролатив*. В таком случае название группы падежей необходимо оставить прежним – *жилищно-местные*.

Однако в случае падежей послеложного образования следует учесть еще один факт, а именно то, что они отличаются от других местных падежей лексической сочетаемостью, употребляясь только в контексте с местоимениями (личными, взаимно-личными, усилительно-личными, указательными, притяжательными, вопросительно-относительными) и одушевленными существительными со значением «лицо» (4, с. 85–86; 5, с. 202). Эти падежи выражают пространственные отношения через лицо, поэтому локализацию 2 можно определить как «дом Х; личная территория Х» (дом/территория, принадлежащая лицу). Следовательно, падежи послеложного образования участвуют в выражении не просто пространственных, а пространственно-посессивных отношений. По своей семантике они сближаются с встречающимися в коми языке послелогами с основой *орд-* (о чем также: 21, с. 173). Удмуртские словоформы, оснащенные суффиксами падежей послеложного образования, передаются на коми язык послеложной конструкцией, ср., например, срчеп. ***sos'ed-n'e*** и кз. ***sos'ed ordö*** 'к соседу (в дом соседа)': срчеп. ***Sos'edn'e*** *gine vetloz* 'К соседу только [он] сходит' (4, с. 87) и кз. ***Сосед ордö*** *сійö сӧмын петалö* 'тж'.

Если исходить из пространственного концепта локализации «ориентир в обладании у лица», то падежи послеложного образования можно назвать *посессивно-местными** (или *лично-местными*) по аналогии с названиями других местных падежей, ср., *внутреннеместные, внешнеместные, приблизительноместные, поверхностноместные*. В названии каждого из падежей группы должен быть терминоэлемент, моделирующий значение посессивности. Таким может быть элемент *посессивный*, которому в русле моделирования понятий локализации условными ярлыками на латинской основе соответствует сегмент *poss* (*посс*), означающий пространственный концепт «ориентир под контролем, в обладании у одушевленного» (о типологии пространственных концептов и системы ярлыков см.: 22, с. 202; 19). Отсюда следует, что терминоэлементом, отражающим семантику локализации 2 падежей послеложного образования, логически должен быть *посс-домус*: *посс-домус-иллатив, посс-домус-инессив, посс-домус-элатив, посс-домус-терминатив, посс-домус-эгрессив* и *посс-домус-пролатив*. Однако в случае использования отмеченного терминоэлемента нарушается требование кратко-

---

* Здесь уместно отметить, что послелоги с основой на *орд-* в коми языке квалифицируются как *посессивно-местные* (ина-асалан) (23, с. 471).

сти термина, поэтому один из ярлыков можно опустить, оставив только *посс* или же *домус*. Предложенные нами варианты названий падежей обсуждались в устной беседе с исследователями удмуртского языка доктором филологических наук, профессором В.К. Кельмаковым и доктором философии Л.Л. Карповой. Элемент *домус* был оценен как сложный для термина, *посс* – как возможный терминоэлемент.

Анализ названий падежей послеложного образования удмуртского языка показал, что новые термины испытывают глубокое воздействие человеческого фактора, которое распространяется не только на область семантики и синтактики, но и на сферу прагматики, что проявляется в выборе той или иной интерпретации языковой единицы. Лингвистическая терминология как сознательно регулируемая человеком сфера языка открыта для введения новых терминов, но поиск удобной в использовании формы терминов, в которой непосредственно или косвенным образом были бы отражены основные признаки называемого понятия, должен быть завершен их унификацией и кодификацией.

СОКРАЩЕНИЯ

кз. – коми-зырянский язык

срчеп. – среднечепецкий диалект удмуртского языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кельмаков В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. – Ижевск, 1998.

2. *Насибуллин Р.Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. – Ижевск, 1978.

3. *Тепляшина Т.И.* Язык бесермян. – М., 1970.

4. *Карпова Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. – Тарту, 1997.

5. *Максимов С.А.* О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Вопросы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сб. науч. тр. – Ижевск, 1999.

6. *Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. – М., 1961.

7. *Лотте Д.С.* Как работать над терминологией. Основы и методы. – М., 1968.

8. *Зайцева Н.Г.* Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова). – Петрозаводск, 1981.

9. *Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. – М., 1982.

10. *Маркус Е.Б.* О статусе комитатива и терминатива в водском языке // Конф. по уральским языкам, посвящ. 100-летию К.Е. Майтинской. Тез. – М., 2007.

11. *Oinas F.J.* The Development of some postpositional Cases in Balto-Finnic Languages. – Helsinki, 1961. – (MSFOu 123).

12. *Wiedemann F.J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – St. Petersburg, 1884.

13. *Fuchs D.R.* Grammatikalischer abriss // Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathe mit Glossar. – Helsinki, 1954.

14. *Емельянов А.И.* Грамматика вотяцкого языка. – Л., 1927.

15. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. – М., 1963.

16. *Вахрушев В.М.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Зап. Удм. НИИ. Вып. 19. – Ижевск, 1959.

17. *Теплышина Т.И.* О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristatum. Turku 20-27. VIII. 1980. – Turku, 1981. P. VI.

18. *Карпова Л.Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. – Ижевск, 2005.

19. *Великорецкий А.А.* Пространство в современных западногерманских и русском языках: Опыт построения метаязыка // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – М., 2002.

20. *Некрасова Г.А.* Вежлӧг перым кывъясын: форма, вежӧртас, артманног (Падеж в пермских языках: форма, значение, происхождение). – Сыктывкар, 2004.

21. *Baker R.* The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. – Helsinki, 1985. – (MSFOu 189).

22. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. – СПб., 2003.

23. Ӧнія коми кыв. Морфология / В.М. Лудыкова, Г.А. Некрасова, Э.Н. Попова, Г.В. Федюнева, Е.А. Цыпанов. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000.

Galina Nekrasova

APPROXIMATELY-LOCATIVE, THE APPROXIMATE INESSIVE OR HOUSING LOCATIVE?

(on the names of postpositional formation cases of the Udmurt language)

The problem of formation of linguistic terminology is considered actual for modern linguistics. The doublet terms used in the theoretical literature for the name of cases of postpositional formation of the Udmurt language are analyzed. Aspiring to establishment of exact conformity between the content and the form of terms, the author proposes her variant of names of cases.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ ЭДЕНА БЕКЕ
(история создания)

Введение. Эден Беке выдающаяся личность в венгерском языкознании, классик международного финно-угроведения родился 20 мая 1883 г. в городе Комаром и умер 10 апреля 1964 г. в Будапеште. Научная деятельность ученого тесно связана с марийским языком, с изучением истории и культуры марийского народа. Проблемам марийского языка, фольклора и этнографии он посвятил 22 работы (1, с. 464–473). Будучи еще молодым, он выпустил грамматику марийского языка (*Cseremisz nyelvtan*, Budapest, 1911). которая является актуальной и в настоящее время.

В годы первой мировой войны по заданию Венгерской Академии наук Эден Беке собирал языковой и фольклорный материал у солдат марийской национальности, оказавшихся в австро-венгерском плену. Работу по фиксации материала он начал в марте 1916 года и завершил в конце октября 1918 г. При жизни Эдену Беке удалось опубликовать материал в следующих изданиях:

1) Gesänge russischer Kriegsgefangener, aufgenommen und herausgegeben von Robert Lach. I., 3. *Tscheremissische Gesänge*. Transkription und Übersetzung ins Ungarische von Dr. Ö.Beke. Übersetzung der Texte aus dem Ungarischen ins Deutsche von Christine Rohr. – Akademie der Wissenschaften in Wien. 56. Mitteilung der Phonogrammarchivs-Kommission. – Wien und Leipzig, 1929.

2) *Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde*. – Oslo Etnografiske Muzeum. Bulletin 4. – Oslo, 1931.

3) *Texte zur Religion der Osttscheremissen* // Sonderabdruck aus der Zeitschrift *Anthropos*. – Anthropos. Band XXIX, 1934.

4) *Tscheremissische Märchen aus dem Kreise Jaransk* // Annales Litterarum Societatis Estonicae 1937. II. – Tartu (Erste Mitteilung).

5) *Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen*. – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne (MSFOu), LXXVI. – Suomalais-ugrilainen Seura. – Helsinki, 1938.

6) *A cseremiszek (marik) népköltészete és szokásai I.* (Volksdichtung und Gebräuche der Tscheremissen [Mari] I). Akadémiai Kiadó. – Budapest, 1951.

7) *Mari szövegek*. I. kötet (Tscheremissische Texte. Band I). Akadémiai Kiadó. – Budapest, 1957.

8) *Mari szövegek*. III. kötet (Tscheremissische Texte. Band III). Akadémiai Kiadó. – Budapest, 1961.

9) *Mari szövegek*. IV. kötet (Tscheremissische Texte. Band IV). Akadémiai Kiadó. – Budapest, 1961.

Эденом Беке были подготовлены для издания тексты II тома и материалы диалектного словаря марийского языка. Они долгое время пролежали в издательстве Академии наук. Хотя словарь, например, периодически включался в план издания, но из-за объемности материала и неоднократной критики, поступающей в адрес словаря, его публикация из года в год откладывалась. Первый том словаря появился в 1997 г., через 33 года после смерти ученого. Относительно II тома марийских текстов следует заметить, что к нему было написано предисловие и одновременно дополнен список информантов. По словам Э. Беке, именной список респондентов был потерян во время второй мировой войны, чем объясняется отсутствие инициалов «мастеров марийского языка» в изданных материалах. Позже список нашелся, и отсутствующие имена информантов были даны в предисловии ко II тому марийских текстов (ксерокс письма Э. Беке Академии наук от 20 июня 1955 г.). В архиве Академии наук, где после смерти ученого хранились его материалы, были затеряны и предисловие, и часть текстов (из 63 текстов был найден только 41). По этой причине в настоящее время очень трудно восстановить список марийских солдат-респондентов; см. приложение 1.

Посмертно изданы:

10) *Mari szövegek*. II. kötet (Tscheremissische Texte. Band II). – Bibliotheca Ceremissica I. –Szombathely, 1995.

11) *Mari nyelvjárási szótár* (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus 1–9. Unter Mitarbeit von Zsófia M.Velenyák und József Erdõdi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von János Pusztay. – Bibliotheca Ceremissica IV. – Savariae, 1997–2001.

Общие замечания о диалектном словаре Э. Беке. Над своим монументальным трудом Эден Беке проработал 40 лет. Словарь является трехъязычным. Марийские слова и примеры переведены на венгерский и немецкий языки. Перевод на венгерский язык сделан самим академиком, на немецкий – известным финно-угроведом, специалистом по этнографии, отличным знатоком немецкого языка Йожефом Эрдёди.

Для марийского языкознания словарь Эдена Беке имеет неоценимое значение. Богатый лексический и грамматический материал отражает целую эпоху жизни марийского народа, состояние его материальной и духовной культуры до Октябрьской революции. Поэтому словарь является бесценным источником для изучения не только истории развития лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса марийского языка, исторической диалектологии, но и этнографии и фольклора марийского народа данного периода. Словарные статьи содержат многочисленные примеры, которые не вошли в ранее изданные тома марийских текстов (см. список выше) и представляют собой исключительно богатое дополнение к ним, что дает возможность:

а) составить цельную картину об отдельно взятом диалекте*;

б) многосторонне изучить фонетическую систему марийских говоров и при этом применить методы внутренней реконструкции;

в) выявить историю развития гласных и согласных внутри диалектов;

г) более точно определить границы говоров и на основе этого пересмотреть современную классификацию марийских наречий и говоров;

д) выявить ареал тюркских заимствований;

е) выявить грамматические явления, характерные для отдельных говоров и наречий, проследить их географическое распространение;

ж) проследить систему развития падежных окончаний, выявить древние формы, их функции;

з) понять структуру марийского предложения, т.е. расширить и углубить знания в области синтаксиса;

и) данные использовать при составлении атласа марийских диалектов;

к) глубже изучить фольклор и этнографию марийского народа и т.д.

Профессор Габор Берецки, один из крупнейших современных венгерских исследователей марийского языка, по праву называет словарь энциклопедией марийского народа (2, с. 34). Наряду с лексикой издание содержит богатый этнографический и фольклорный материал. Кто знаком с его содержанием, тот не мог не заметить, насколько основательно и детально информанты описывали, например, приготовление пива, рассказывали о божествах или свадебных ритуалах и т.д. Одной из характерных черт словаря, как считает Г. Берецки, является «не регистрация огромного количества новых, до сих пор еще неизвестных марийских слов, а множество грамматических примеров». «Для Беке, – продолжает Г. Берецки, – показ грамматического строя марийского языка являлся таким же важным, как и показ словарного состава. И это он делал сознательно, ... после издания словаря на его основе необходимо было написать новую грамматику марийского языка» (3, с. 25).

По мнению Г. Берецки, словарь является удивительным и своеобразным трудом академика, единственным источником многих уже позабытых или исчезнувших явлений из жизни марийского народа. Удивительным, во-первых, с точки зрения сбора материала, т.к. материал собирался не на марийской земле, а в Будапеште. «Объезд такой огромной территории, которую Беке охватил цепью деревень, местами рождения своих информантов, даже при современных средствах передвижения занял бы достаточно много лет» (4, с. 17). Во-вторых, словарь выходит за рамки подобной традиционной работы, т.к. Э. Беке, например, при названии марийского праздника дает его «подробное описание во всех говорах, его празднование, а иногда приводит и марийские языческие молитвы, которые читались в этот день» (там же, с. 17).

---

* Э.Беке переводит венгерский термин «nyelvjárás» словом «диалект» и дает объяснение, почему считает данный термин для словаря наиболее подходящим и почему рядом с названием уезда приводит наименование населенного пункта (письмо Э. Беке Академии наук от 20 июня 1955 г.). Автором статьи в качестве синонима используется термин «говор».

В предисловии к одному из своих изданий Э.Беке отмечает, что «в целях исследования … выбрал марийцев из 29 различных местностей. Среди них одного представителя пермского диалекта, 3 – бирского, 3 – малмыжского, 4 – уржумского, 3 – царевококшайского (теперь: йошкар-олинского), 2 – чебоксарского, 5 – яранского, 1 – ветлужского и 7 – козьмодемьянского диалектов» (5, с. 5). В словаре представлены говоры марийцев 5 губерний и 9 уездов: Красноуфимского уезда Пермской губернии, Бирского уезда Уфимской губернии, Малмыжского, Уржумского, Яранского уездов Вятской губернии, Царевококшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского уездов Казанской губернии, Ветлужского уезда Костромской губернии. Э. Беке удалось отразить языковое богатство всего ареала марийского языка со всеми его диалектами и говорами. Многочисленные примеры дают яркое представление о материальной, духовной и культурной жизни марийского народа конца XIX и начала XX веков.

Названия марийских диалектов в словаре Э.Беке отличаются от современных. Основой для их наименования ученый использует названия уездных центров: **P** = Пермь = Пермский, **B** = Бирск = Бирский, **M** = Малмыж = Малмыжский, **U** = Уржум = Уржумский, **C** = Царевококшайск = Царевококшайский (сейчас: Йошкар-Олинский), **Č** = Чебоксары = Чебоксарский, **J** = Яранск = Яранский, **V** = Ветлуга = Ветлужский, **K** = Козьмодемьянск = Козьмодемьянский. Границы говоров он проводит по границам административных единиц, например, **CÜ** обозначает говор деревни *Ӱшӱттӱр* Царевококшайского уезда Казанской губернии и т.д. (см. приложение 2). Э.Беке говорит о 20 диалектах марийского языка (6, с. VI). Диалекты располагает в направлении с востока на запад, т.к. говоры современного восточного наречия он считает первичными, наиболее полно сохранившими древние черты марийского языка.

Э.Беке в одном из предисловий к марийским текстам подчеркивает: «… наряду с богатым словарным и грамматическим материалом я записал тексты следующего характера: 281 сказку и легенду, 580 песен, 1177 пословиц и поговорок, 658 загадок, 1268 суеверий и примет, 270 данных о язычестве мари, 76 коротких молитв, 12 заклинаний, заговоров, 4 описания жертвоприношений, 4 описания праздничных обычаев, 4 описания похоронных традиций, 7 описаний свадеб, 2 описания из повседневной жизни, 2 описания из пчеловодства, 2 описания приготовления смолы, 1 автобиографию» (7, с. VI). Относительно текстов разных жанров Э.Беке отмечает: «Естественно, марийские тексты служат в первую очередь в интересах изучения языкознания, но в то же время они содержат ценный материал по этнографии и фольклору» (6, с. VII). С этим нельзя не согласиться. Поэтому известный финский ученый, финно-угровед Эркки Итконен характеризует его деятельность словом «mächtig» (мощно). Он пишет: «Von den heute (подразумеваются 50-е годы – *прим. авт.*) lebenden Erforschern der tscheremissischen Sprache ist Prof. Ö.Beke zweifellos am bekanntesten. Er hat auch eine sehr große Zahl von Sprachproben aufgezeichnet…» («Среди живущих в настоящее время исследователей марийского языка профессор Эден Беке, без сомнения, является самым известным. Он запи-

сал также огромное количество языкового материала...») (8, с. 36–47). Ниже приводится отзыв на диалектный словарь из материалов фонда Э.Беке (на венгерском языке): «A neves finnugornyelvész, Beke Ödön 1916–1918-bam gyüjtött anyagából készitet szótár. Háromnyelvü: mari (cseremisz)–magyar–német. Immár nyelvtörténeti értékü. Magyarázó szótár is, mivel a szavak fordításán túl példamondatokkal világitja meg a szavak szemantikáját, szintaktikai használatát. Frazeolygiát is közöl. Adatai 28 nyelvjárásból valók. Anyagát tekintve egyike a leggazdagabb uráli szótáraknak» («Словарь составлен из материала, собранного известным финно-угроведом Э.Беке в 1916–1918 годах. Трехъязычный: марийско-венгерско-немецкий. Уже имеет историческое значение для языкознания. Является и толковым словарем, т.к. кроме переводов слов он объясняет их семантику и синтаксическое употребление на базе многочисленных примеров. Приводит и фразеологизмы. Данные происходят из 28 диалектов. С точки зрения материала является одним из самых богатых среди уральских словарей») (неразборчивая подпись – *прим. авт.*).

История создания словаря* . Выше отмечалось, что Э.Беке приступил к сбору языкового материала в марте 1916 года. Он был солдатом на фронте, после ранения и военного госпиталя в 1916 г. его направили на службу в Будапешт. В январе 1915 г. Эдену Беке было отправлено из Академии наук письмо с предложением сотрудничать в изучении языков военнопленных финно-угорского происхождения. В письме сообщается, что Академия наук направила с этой целью запрос министру военных дел о переводе Э.Беке после выздоровления на дальнейшую службу в лагерь для военнопленных в Эстергоме (из письма Эдену Беке от Жигмонда Шимони от 12 января 1915 г.). Академии наук в Будапеште и Центру восточной культуры в Венгрии, т.н. Туранскому обществу, уже в первые годы войны было известно о том, что в лагерях для военнопленных на территории Австро-Венгрии содержатся солдаты – носители родственных и тюркских языков. При содействии главного военного командования в Вене во все лагеря для военнопленных были разосланы официальные письма Центра с просьбой выявить среди военнопленных из России лица финно-угорских и тюркских национальностей и представить списки с указанием их места рождения, уезда и губернии. Но из имеющихся в наличии рукописных и печатных материалов фонда Э. Беке выясняется, что в ответных письмах не всегда указывалось место рождения военнопленного или прилагаемый к письму список просто отсутствует. По данным Э. Беке, только в лагере для военнопленных в Эстергоме содержались 73 мордвина, 56 марийцев, 39 удмуртов, 2 зырянина, 91 чуваш, 16 татар и 39 башкир. Но со временем они были распределены по другим лагерям. К началу сбора удмуртского языкового материала из 39 военнопленных-удмуртов, например, осталось только 11 человек (из рукописного варианта доклада Э. Беке «Изучение финно-

---

* При написании использованы ксероксы рукописных и печатных материалов фонда Э.Беке, переданные для МарНИИЯЛИ профессором Габором Берецки.

угорских языков в венгерских лагерях для военнопленных», представленного Финно-угорскому обществу в Хельсинки 19 сентября 1936 г.)*.

С июня 1916 г. Э.Беке занимается фиксацией марийского языкового материала у военнопленных, рассредоточенных в Будапеште (уведомление Академии наук от 12 июня 1916 г.). В марте 1917 г. получает разрешение Министерства военных дел на посещение лагерей для военнопленных, находящихся на территории Венгрии в таких населенных пунктах, как Кенермезё, Шоморья, Дунасердахей, Надьмедер, Болдогассонь, Остффиассоньфа (в данном лагере содержалось 38 военнопленных марийской национальности – список военнопленных от 22 октября 1917 г.), Шопронняк, Залаэгерсег, Хаймашкер и Чот. Туранское общество, со своей стороны, выдает Э.Беке справку, что он по заданию общества изучает языки военнопленных восточного происхождения и что общество просит об оказании ему действенной поддержки в выполнении данной научной и культурной работы (справка от 19 ноября 1917 г. за подписью секретаря Туранского общества).

Э.Беке пишет, что предложение о сборе материала у военнопленных марийской национальности было для него исключительно заманчивым, тем более что совсем недавно им была выпущена грамматика марийского языка. Грамматику он составил на базе опубликованных словарей и текстов, т.е. материала, собранного другими финно-угроведами. А сейчас ему была предоставлена возможность изучать живой марийский язык, и он надеялся, что в ходе работы может выявить новые, пока еще неизвестные и не исследованные говоры.

Э.Беке разрешили работать с носителями марийского языка в послеобеденное время, а в первой половине дня ему приходилось нести военную службу. Но со временем он был освобожден от несения воинской обязанности (письмо Управления военных дел в Венгрии от 18 мая 1918 г.) и мог носить гражданскую одежду (служебное удостоверение от 29 января 1918 г.).

Первым информантом был представитель одного из уржумских диалектов Данил Лебедев из Петрушина (**UP**). Э. Беке называет его «отважным, храбрым человеком», одним из самых талантливых информаторов. По сравнению с другими марийскими военнопленными, Д. Лебедев умел читать и писать. Э.Беке записал от него 80 сказок, 76 из которых опубликованы в журнале Финно-угорского общества (MSFOu LXXVI, 1938; см. список опубликованных при жизни Беке трудов выше – № 5). Кроме того, Д. Лебедев продиктовал 33 песни, 196 поговорок и пословиц, 119 загадок, 181 суеверие, 8 коротких молитв, 23 текста, связанные с народными верованиями, 1 описание похорон, 2 описания свадьбы и свою автобиографию (7, с. VIII). По словам Э. Беке, он был освобожден от работ на целый день, занимался записями своих текстов, которые потом после обеда прочитывал Эдену Беке вслух.

Второй информант также оказался жителем одной из деревень Уржумского уезда (**UJ**). (По всей вероятности, респондент в списке Э.Беке фигурирует под

---

* Доклад под названием «Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern» опубликован в журнале JSFOu, XLIX (Helsinki, 1937–1938).

именем *Кузьминич Михайлов*. Сомнения вызывает имя *Кузьминич*, которое может указывать на отчество или слияние имени с отчеством [Кузьма Ильич?], но не на имя). От него Э. Беке записал достаточно богатый материал. Третий был родом из Яранского уезда. Э. Беке называет его «удивительным» человеком, т.к. его рассказы посвящены пчеловодству, похоронным традициям и обрядам марийцев и т.д. Вполне вероятно, что третий информант является одним из источников текстов о язычестве и народных традициях, опубликованных в Осло (см. выше – № 2). Яранские говоры, представленные в данном издании, являются переходными к восточным диалектам, т.е. в списке диалектов они выступают под названиями **JK, JP, JŠ** (см. 5, с. IX). Военнопленные, так как им разрешалось по воскресеньям гулять по городу, находили своих земляков и приводили их к Беке. Так со временем у Э.Беке появились еще 2 информанта, один был с малмыжской стороны, а второй – носителем одного из бирских диалектов. Военнопленный из Бирска был к тому же язычником, очень интересным человеком. Его рассказы о марийском язычестве опубликованы в журнале *Anthropos* (см. выше – № 3). В дальнейшем к работе подключились 2 новых представителя бирских диалектов, 2 малмыжских, 2 уржумских, 2 яранских, 1 из Перми, 6 из Козьмодемьянского, 3 из Царевококшайского, 2 из Чебоксарского уездов и 1 из Костромской губернии, носитель ветлужского говора. Э. Беке подчеркивает, что 29 информантов появились у него не одновременно, а постепенно, в разное время. В самом начале работы военнопленные были прикреплены к различным объектам в разных частях Будапешта, Э.Беке приходилось ездить из одного конца города в другой, что отнимало много драгоценного времени. Позднее военнопленных собрали для работы на одном заводе, что значительно облегчило сбор языкового материала.

Э.Беке пишет в своих записях, что войти в контакт с военнопленными было очень трудно, тяжело было добиться их доверия. Они боялись, что у них хотят узнать военные тайны. Поэтому Э.Беке приходилось много рассказывать о языковом родстве, приводить однокорневые слова, показывать свою грамматику марийского языка, читать им вслух опубликованные на марийском языке тексты. Э.Беке постоянно заверял их, что его интересуют только сказки, легенды, обычаи марийского народа, язык и что все это делается в научных целях. Особенно трудно было с язычником, который никак не хотел раскрывать тайны народной веры. Но постепенно лед недоверия растаял, марийцы начали чувствовать в нем своего друга. Естественно, Э. Беке пишет, что начал обращаться с ними уже не как с военнопленными, а как с родственниками. Так как жизнь была трудная, он помогал им хлебом, сахаром, чаем, кофе, табаком. Каждую неделю давал им карманные деньги, чтобы они могли купить себе необходимые товары. Он пригласил их к себе домой и угостил, как гостей.

Относительно своих информантов Э.Беке пишет, что многие из них плохо владели или почти совсем не владели русским языком, поэтому в целях более точного определения значения отдельного слова он просил их составлять примеры с рас-

сматриваемыми словами. Он руководствовался старой истиной о том, что слово живет в предложении. Если названия определенных предметов, отдельные имена числительные и наречия мог перевести на русский язык даже человек, почти не знающий иностранного языка, то намного сложнее дело обстояло с многочисленными именами прилагательными и глаголами. Если Э.Беке не мог определить значения слова, то задавал своим информантам все новые и новые вопросы. И когда замечал, что его «мастера языка» не уверены в употреблении слова, он откладывал это слово «в сторону» и на другой или третий день снова возвращался к нему.

Большинство информантов охотно отвечали на все его вопросы, но имелись среди них и такие, которые не желали сотрудничать, объясняя это усталостью, и были готовы дать только фонетический вариант слова в своем говоре. Были и такие, которые не умели составлять связанный текст. Но все же было большой удачей то, что среди марийских военнопленных имелись интеллигентные люди, большие знатоки языка, фольклора и этнографии своего народа, и что имелся выбор среди носителей языка, поэтому нашлись соответствующие люди – представители почти всех диалектов. Благодаря им Э.Беке удалось собрать огромный словарный материал (9 томов) и многочисленные тексты разного жанра для 10 томов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Velenyák M. Zsófia. *Beke Ödön tudományos munkássága* // NyK 65. – Budapest, 1963.

2. Margarita Kuznecova, *Szubjektiv megjegyzések Beke Ödön Mari nyelvjárási szótáráról* // Beke-Szimpózium. Beke Ödön *Cseremisz nyelvjárási szótár*ának megjelenése alkalmából. Szombathely, 2001. december 13. / Материалы конференции, посвященной диалектному словарю Эдена Беке. Сомбатхей, 13 декабря 2001 г. Szerkesztette / Редакторы: Margarita Kuznecova, Pusztay János. – Bibliotheca Ceremissica. Tomus VI. – Savariae, 2004.

3. Bereczki Gábor, *Utószó Beke Ödön Mari nyelvjárási szótárához* // Beke-Szimpyzium. Beke Ödön *Cseremisz nyelvjárási szótár*ak megjelenése alkalmából. Szombathely, 2001, december 13 / Материалы конференции, посвященной диалектному словарю Эдена Беке. Сомбатхей, 13 декабря 2001 г. Szerkesztette / Редакторы: Margarita Kuznecova, Pusztay János. – Bibliotheca Ceremissica. Tomus VI. – Savariae, 2004.

4. Bereczki Gábor, *Köszöntő Beke Ödön Mari nyelvjárási szótára első kötetének megjelenése alkalmából* // Beke-Szimpózium. Beke Ödön *Cseremisz nyelvjárási szótár*ának megjelenése alkalmából. Szombathely, 2001. december 13. / Материалы конференции, посвященной диалектному словарю Эдена Беке. Сомбатхей, 13 декабря 2001 г. Szerkesztette / Редакторы: Margarita Kuznecova, Pusztay János. – Bibliotheca Ceremissica. Tomus VI. – Savariae, 2004..

5. Beke Ödön, *A cseremiszek (marik) népköltészete és szokásai I.* (Volksdichtung und Gebräuche der Tscheremissen [Mari] I). – Budapest, Akadémiai Kiady, 1951

6. Beke Ödön, *Mari szövegek* I. kötet (Tscheremissische Texte. Band I). – Budapest, Akadémiai Kiadó, 1957.

7. Ödön Beke, *Tscheremissische Marchen, Sagen und Erzählungen* // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne (MSFOu), LXXVI. Suomalais-ugrilainen Seura. – Helsinki, 1938.

8. Erkki Itkonen, *Materialveröffentlichungen aus dem Gebiet der tscheremissischen Sprache* // FUFA 31. – Helsinki, 1953–1954.

Приложение 1

Список информантов Эдена Беке с указанием их места рождения*.

Пермь (1):

?(Иван Валентьевич Великоев) – P – *Сарси (Сарсаде)*

Бирск (3):

Василий Андриянов – B – *Вашинга (Старо-Объебаш)*

?(Мади Ядгаров или *Илимбай Иликбаев)* – BJ – *Старайаш*

?(Эленет Элмурзин) – BJp – *Красный Ключ (Йошкар-памаш)*

Малмыж (3):

? – M – *Старинонengер (Тошто-ял)*

? – MK – *Карманкино (Моркы-ял, Мортыл)*

? – MM – *Мамаково (Изи-малмыж)*

Уржум (4):

*(?)*Кузминич Михайлов – UJ – *Средний Ядыкбиляк (Ядыкплак)*

Данил Лебедев – UP – *Петрушин (Печан-Починга)*

?(Счихов/Щихов Филипп) – US – *Нижняя Сюкса (Сӱксе)*

?(Владимир Яковлевич Кириллов) – USj – *Сабу-ял*

Царевококшайск (3):

Федор Ивайков – CČ – *Чихайдарово*

Игнатий *(Никитович)* Никитин – CK –*Кӱкш-нур*

Кирилл Николаев – CÜ –*Ӱшӱть-тӱр*

Чебоксары (2):

Григорий *(Николаевич)* Николаев – Č – *Куго-Моламас*

Кузьма Кириллов – ČN – *Сминцы (Нур-сола)*

Яранск (5):

Николай Ахтулов – JO – *Отюково (Отьык-сала)*

?(Герасим Андреевич Речкин) – JK – *Кубер-сола*

?(Петр Ефимович Жданов) – JP – *Покшта*

?(Николай Трофимович Токтеров) – JŠ – *Шуар-мучаш*

Дмитрий Рыбаков – JT – *Туршо-мучаш*

---

* Имена и фамилии информантов, названия деревень приводятся по данным Э.Беке. В скобках курсивом даны фамилии (иногда отчества) по спискам, составленным в лагерях для военнопленных. Отдельно в скобках под вопросительным знаком приводятся фамилии (имена, отчества) из списков военнопленных на основе названий населенных пунктов.

Среди документов имеется запись текста от Михаила Яковлева, место рождения не указано. В имеющихся списках военнопленных такой фамилии нет.

Ветлуга (1):

Илья *(Алексеевич)* Никитин – V – *Арба*

Козьмодемьянск (7):

Яков *(Иванович)* Архипов – KA – *Архипкино*

Григорий Александров – KJ – *(Йола-сал) Еласы*

Владимир *(Андреевич)*

Симанов (*Симонов*) – KK – *Замятино (Кыткы-ныр)*

Василий Сидаров *(Сидоров)* – KM – *Микряково (Мичăк-ныр)*

Гаврил *(Семенович)* Семенов – KN – *Высоково (Нер-мычаш)*

Павел *(Яковлевич)* Саников *(Сануков)* – KŠ – *Шиндир-ял*

Григорий *(Ефимович)*

Салданай (*Салданаев*) – KČ – *Чуманёво*

Приложение 2

Сокращения названий диалектов в словаре Эдена Беке

P = P – *дер.* ***Сарси*** *(Сарсаде) Красноуфимского уезда Пермской губернии*

B = B – *дер.* ***Вашинга*** *(Старо-Объебаш) Бирского уезда Уфимской губернии*

= BJ – *дер.* ***Стараяш*** *(Старайăш) Бирского уезда Уфимской губернии*

= BJp – *дер.* ***Красный Ключ*** *(Йошкар-памаш) Бирского уезда Уфимской* губернии

M = M – *дер.* ***Старинонengер*** *(Тошто-ял) Малмыжского уезда Вятской губернии*

= MK – *дер.* ***Карманкино*** *(Моркы-ял) Малмыжского уезда Вятской губернии*

= MM – *дер.* ***Мамаково*** *(Изи-малмыж) Малмыжского уезда Вятской губернии*

U = UJ – *дер.* ***Средний Ядыкбиляк*** *(Ядыкплак) Уржумского уезда Вятской губернии*

= UP – *дер.* ***Петрушин*** *(Печан-Починга) Уржумского уезда Вятской губернии*

= US – *дер.* ***Нижняя Сюкса*** *(Сӳксе) Уржумского уезда Вятской губернии*

= USj – *дер.* ***Сабу-ял*** *Уржумского уезда Вятской губернии*

C = CИ – *дер.* ***Чихайдарово*** *Царевококшайского уезда Казанской губернии*

= CK – *дер.* ***Кукш-пур*** *Царевококшайского уезда Казанской губернии*

= CЬ – *дер.* ***Ӳшӳть-тӳр*** *Царевококшайского уезда Казанской губернии*

Č = Č – *дер.* ***Куго-Моламас*** *Чебоксарского уезда Казанской губернии*
= ČN – *дер.* ***Смынцы*** *(Нур-сола) Чебоксарского уезда Казанской губернии*
J = JO – *дер.* ***Отюково*** *(Отьык-сала) Яранского уезда Вятской губернии*
= JK – *дер.* ***Кубер-сола*** *Яранского уезда Вятской губернии*
= JP – *дер.* ***Покшта*** *Яранского уезда Вятской губернии*
= JŠ – *дер.* ***Шуар-мучаш*** *Яранского уезда Вятской губернии*
= JT – *дер.* ***Туршо-мучаш*** *Яранского уезда Вятской губернии*
V = V – *дер.* ***Арба*** *Ветлужского уезда Костромской губернии*
K = KA – *дер.* ***Архипкино*** *Козьмодемьянского уезда Казанской губернии*
= KJ – *дер.* ***Еласы*** *(Йола-сал) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии*
= KK – *дер.* ***Замятино*** *(Кыткы-ныр) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии*
= KM – *дер.* ***Микряково*** *(Мичäк-ныр) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии*
= KN – *дер.* ***Высоково*** *(Нер-мычаш) Козьмодемьянского уезда Казанской губернии*
= KŠ – *дер.* ***Шиндир-ял*** *Козьмодемьянского уезда Казанской губернии*
= KČ – *дер.* ***Чуманёво*** *Козьмодемьянского уезда Казанской губернии.*

Margarita Kuznetsova

FOR THE HISTORY OF THE CREATION OF EDEN BEKE'S DIALECT DICTIONARY

The article is devoted to Mari dialect dictionary of academician Eden Beke (Ödön Beke). The paper emphasizes enormous importance of dictionary for Mari linguistics, ethnography and folklore, gives a brief history of Eden Beke's work on the dictionary. Feature of the dictionary is that Eden Beke collected material from the Mari prisoners of war, located in the First World War in captivity in the Austro-Hungarian monarchy. Informants of E. Beke were 29 Mari soldiers from different dialects of the Mari language.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1930-х ГОДОВ В ОТНОШЕНИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ

Когда говорят о политических репрессиях в СССР, часто просто называют 1937 год. Конечно, государственный террор применялся с первых дней советской власти, но применялся в разные годы с разной интенсивностью. На 1937-й пришелся апогей Большого Террора. Это явление нашей истории в условиях многонациональной страны коснулось всех народов. Не могло оно миновать и финно-угорские народы.

В конце 1920-х И.В. Сталин выдвинул «теорию» об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма. При этом указывалось, что в национальных республиках и областях классовая борьба проявлялась в форме «буржуазного национализма». А последнему приписывалось «смыкание с зарубежными интервенционистскими силами» для расчленения СССР (1, с. 76–84). В национальных регионах к выражению «враг народа» обязательно присоединялись слова «буржуазный националист».

Показательна политика советского руководства в отношении Финляндии и финно-угорских народов России. Обвинения в «буржуазном национализме» в финно-угорских регионах были тесно связаны с «финляндским фактором».

Как известно, в декабре 1917 года Советское правительство вынуждено было признать независимость Финляндии. Хотя после этого была предпринята попытка осуществить там «пролетарскую» революцию и спровоцирована гражданская война, Финляндия отстояла свою независимость. В ходе этих событий определенные силы в Финляндии пытались осуществить распространявшуюся с начала XX века панфинистскую идею «Великой Финляндии», имея в виду расширение ее территории за счет Восточной (Русской) Карелии.

В октябре 1920 года между Советской Россией и Финляндией был заключен мирный договор. Но взаимоотношения между соседними странами и после этого многие годы оставались напряженными. С финской стороны наблюдались попытки вооруженным путем пересмотреть вопрос о Восточной Карелии. В Финляндии официально стало действовать Карельское академическое общество, придерживавшееся идеи «Суур-Суоми» («Великой Финляндии»), причем заявления некоторых его деятелей вызывали подозрение в стремлении расширить ее территорию путем присоединения территорий даже восточнее Карелии.

В 1920-х годах финские ученые, особенно объединенные вокруг Финно-Угорского Общества, по инерции пытались продолжать изучение своих восточных родственников, поддерживать связи с научными кругами финно-угорских регионов СССР, хотя делать это становилось год от года труднее, ибо Советский Союз все более отгораживался от других стран, становился более закрытым обществом.

Советские ученые, помня о плодотворном сотрудничестве российских ученых с финскими учеными в конце XIX – начале XX века, стремились со своей стороны продолжить или восстановить былые контакты. В частности, активно и результативно стало работать основанное в феврале 1925 года Ленинградское общество изучения культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). На местах, в финно-угорских автономных областях, были созданы краеведческие общества, которые тоже стремились сотрудничать с финскими и эстонскими коллегами.

Все это вызывало недовольство и подозрительность у руководящих партийно-советских органов, у ОГПУ. В их недрах в соответствии со сталинскими установками об усилении классовой борьбы и смыкании местных «буржуазных националистов» с зарубежными интервенционистскими силами на рубеже 1920–1930-х годов стала разрабатываться версия о том, что «фашистская» Финляндия готовит нападение на Советский Союз с целью захвата территорий до Урала с помощью своей агентуры среди карел, коми, марийцев, удмуртов, мордвы.

В финно-угорских регионах России преследования на национальной почве и шпиономания были начаты раньше, чем в других местах, в отношении других народов. Уже на рубеже 20–30-х годов здесь развернулись репрессии против национальной гуманитарной интеллигенции, ратовавшей за возрождение своих народов и установление тесных общественно-культурных связей с родственными народами Финляндии, Эстонии, Венгрии. Была проверена и раскритикована деятельность ЛОИКФУНа, ему были приписаны главные направления и задачи, среди которых на первом месте была: «Борьба с фашистскими притязаниями Финляндии и других стран в отношении территориальных захватов в СССР и против антисоветских клеветнических кампаний в буржуазных республиках» (2, с. 156).

В ОГПУ СССР стала разрабатываться версия, что в Финляндии существует широкая сеть антисоветских организаций под видом научных обществ и что они готовят в финно-угорских регионах СССР «пятую колонну».

В центральной печати появилась серия разгромных статей (3; 4).

В частности, М.Ю. Пальвадре в пространной статье с характерным названием «Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма» писала, что этнографическая наука в Финляндии «вполне открыто встала на службу империалистическим захватническим идеям в соседней с нами Финляндии, где некоторые общества с фашистами во главе, наравне с фашистскими организациями сводят свою работу в основном к тому, чтобы «научно» доказать право Финляндии на обладание территорией от Ботнического залива до Новгорода и Урала. Это означает стремление к захвату части (и какой части!) территории Советского Союза с огромными природными богатствами в виде лесов, горных ископаемых и т.д. Это

означает желание хищной буржуазии подчинить себе множество народностей, самостоятельность и расцвет (экономический и культурный) которых им были обеспечены только Октябрьской революцией... Идея Великой Финляндии до Урала является лозунгом буржуазной этнографической науки в Финляндии» (3, с. 29).

В 1930 году в связи с обсуждением политических уроков «дела Промпартии» на пленумах обкомов ВКП(б) в Марийской, Удмуртской, Коми автономных областях, в Карельской АССР были названы фамилии многих старых («буржуазных») специалистов, получивших образование и начавших просветительскую деятельность еще до революции, после нее ставших «внутренними эмигрантами» и продолжавших работать на ниве культуры и просвещения. И указывалось: мы их вынуждены были использовать, а теперь есть свои, советские, марксистско-ленински подкованные молодые кадры, поэтому «попутчики» должны быть отстранены от работы с людьми и общественной жизни.

При этом проявилась особенность, связанная с «финляндским фактором». Жертвы политических репрессий из среды финно-угорской интеллигенции дополнительно к прозвищу «буржуазные националисты», как правило, еще объявлялись агентами и шпионами «фашистской Финляндии» (иногда – Эстонии), стремившимися оторвать свои народы и территории их проживания от Советского Союза и присоединить к Финляндии или – как минимум – образовать Федерацию финно-угорских народов под протекторатом Финляндии. При этом в искаженном виде преподносилась история изучения и пропаганды финно-угорского родства, провокационно использовались факты научных связей и сотрудничества ученых по изучению языка, этнографии, культуры родственных народов.

Первым крупным сфабрикованным процессом было «дело федералистов» в Марийской автономной области (5).

В конце января – начале февраля 1931 года известный ученый-языковед В.М. Васильев, руководитель Марийского отделения Восточного педагогического института Л.Я. Мендияров, директор Марийского областного музея Т.Е. Евсеев, историк, преподаватель педагогического техникума Ф.Е. Егоров, директор этого техникума Н.И. Иванов, специалист молочного дела, преподаватель сельскохозяйственного техникума А.Ф. Сайн и другие беспартийные интеллигенты, пользовавшиеся большой популярностью в народе, были арестованы по обвинению в «национализме», в «организации контрреволюционной группировки» и сотрудничестве с финской и эстонской разведкой.

Членов «группы Мендиярова-Васильева» обвиняли в том, что они вместе с «националистами» из других финно-угорских народов якобы хотели Марийскую автономную область и другие финно-угорские территории (Коми, Карелию, Удмуртию, Мордовию) оторгнуть от СССР и присоединить к Финляндии или создать Финно-Угорскую Федерацию под протекторатом Финляндии. Поэтому они имели еще одно название – «группа федералистов».

Их национализм виделся в изучении истории, языка, фольклора, этнографии родного народа, в стремлении сохранить и пропагандировать (в частности, через

музейные экспозиции и этнографические очерки) народную самобытность; их обвиняли в «панфинизме» за то, что в своих статьях и лекциях они подчеркивали родство марийцев с финнами, эстонцами, венграми.

Вместе с тем против них выдвигалось вполне реальное обвинение в том, что они проявляли недовольство малорезультативной политикой Комунистической партии и Советского государства по отношению к финно-угорским и другим нерусским народам, возмущались насильственной коллективизацией и опустошительной вырубкой лесов, что подрывало природную среду обитания и традиционные занятия марийского и других финно-угорских народов. Это сочеталось у них с выражением симпатий к Финляндии, к историческому опыту успешного развития финского народа.

Т.Е. Евсеев «признавался 1 апреля 1931 года: «Я был сторонником тех правопорядков, которые я наблюдал в Финляндии и симпатизировал им, а не порядкам Советского Союза. Трезво сравнивая культурность, общую грамотность населения, вежливость и услуги, которые я видел во время своей поездки в Гельсингфорс от финнов, я невольно сравнивал политический строй Финляндии с советским строем и, сознаюсь, мои симпатии были на стороне первого».

От него требовали признания в шпионском характере связей, в обсуждении с финскими «фашистами» вопроса об образовании Финно-Угорской Федерации. Т.Е. Евсеев все это отрицал, настаивал на исключительно научном характере сотрудничества с финнами: «Со стороны гельсингфорсских ученых никаких предложений и намеков присоединиться угро-финским племенам в одно целое не было. Шпионажной работой не занимался вовсе, хотя связь с Финно-Угорским Обществом имел с 1906 года, т.е. ровно 25 лет... Политического и экономического характера разговоры не имелись...»

И другие долго отрицали шпионский характер своих связей с финнами и эстонцами, но после почти годичного пребывания в тюрьме сначала в Йошкар-Оле, затем в Нижнем Новгороде подписали «признания», что являются финскими агентами.

В обвинительном заключении по «делу федералистов» было записано:

«В феврале месяце 1931 года полномочным представительством ОГПУ по Нижегородскому краю была вскрыта и ликвидирована на территории Марийской автономной области контрреволюционная шпионская группа из национал-шовинистической части марийской интеллигенции, руководимая из-за кордона.

Программно-политические установки группы, пути и методы решения поставленных ею задач представляют особый интерес, поскольку конечной целью группы являлось отторжение Марийской автономной области от СССР и создание под финляндским протекторатом Единой Финно-Угорской Федерации. Идея создания подобной «Федерации», как это точно установлено, инспирировалась фашистскими кругами Финляндии и Эстонии, с которыми участники группы поддерживали тесную связь, осуществляемую как через Финскую и Эстонскую Миссии в Москве и Финское Генеральное Консульство в Ленинграде, так и путем периодических поездок членов контрреволюционной группы за границу.

Наряду с пропагандой идеи Финно-Угорской Федерации, участники группы вели по заданиям финских и эстонских кругов активную шпионскую и разведывательную работу».

После почти годичного содержания в тюрьме «федералисты» были на три года высланы из Марийской автономной области.

После завершения этого «дела», практически без перерыва, в феврале 1932 года было начато более широкое по охвату дело «Союза освобождения финно-угорских народов» (СОФИН), по которому проходили удмуртские и коми интеллигенты и один мордвин во главе с видным ученым и выдающимся поэтом Кузебаем Гердом (К.П. Чайниковым). В обвинительном заключении по нему было написано: «Программно-политические установки организации и ее деятельность ставили своей конечной целью отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание Единой Финно-Угорской Федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии». Контакты удмуртских, коми, марийских ученых с финскими в обвинительном заключении по делу СОФИН интерпретированы так, будто они договаривались, что «восточно-финские народы должны будут поддержать Финляндию во время ее столкновения с СССР, конкретно эта помощь должна выражаться в вооруженном выступлении на Урале, Каме и Севере СССР» (6, с. 208).

В 1933 г. с подобными обвинениями было инспирировано дело «О контрреволюционной организации национал-шовинистической интеллигенции в Коми области»: «Будучи глубоко враждебной к Советской власти, организация ставила своей целью ее свержение путем вооруженного восстания и объединения угро-финских народов СССР в самостоятельную буржуазно-демократическую республику под протекторатом Финляндии» (7, с. 43).

В развертывании антифинляндской пропагандисткой кампании особая роль отводилась Карелии, имея в виду, что она граничит с Финляндией и что в ней в начале 1930-х годов проживало 15 тысяч финнов, $^{2}/_{3}$ из которых составляли эмигранты из Финляндии. В 1932–33 гг. была проведена специальная операция по «ликвидации контрреволюционного заговора финского Генерального штаба в Карелии». В партийных документах тогда отмечалось: «Финские фашисты» для достижения своей главной цели – захвата Карелии – создали на территории республики «целую сеть повстанческих групп», назначением которых было «практическое осуществление восстания» с целью присоединения Карелии к Финляндии. Они были изъяты. Только в одном Ухтинском районе было арестовано 715 человек, которые якобы готовили вооруженное восстание с целью присоединения Карелии к Финляндии. А в целом по республике было «изъято» 1350 финнов – «всякого рода шпионов» (8, с. 116).

Но в 1935 году Карельский обком ВКП(б) отмечал: «Ликвидированные в 33 г. повстанческие организации усилиями финских разведывательных органов возрождаются вновь». Тогда были высланы финны и карельские «буржуазные националисты» из Петрозаводска и проведена очистка 22-километровой пограничной по-

лосы. Особый отдел Ленинградского военного округа сфабриковал дело «О заговоре, подготовляемом разведкой финского Генерального штаба» (9, с. 515–516). «Очистка» территории и массовые репрессии были проведены не только в Карелии, но и в отношении ингерманландских финнов в Ленинграде и Ленинградской области. Еще в период массовой коллективизации и раскулачивания оттуда было выселено 15 тысяч финнов. В 1930–1936 гг. как «социально-опасные элементы» из пограничной зоны были этапированы в Сибирь и Среднюю Азию 50 тысяч ингерманландцев; при этом закрыты 300 финских школ, педтехникумы, лютеранские церкви, все культпросветучреждения, национальный театр, газеты и журналы (10, с. 132).

Всё это было своего рода «артподготовкой» в преддверии задуманной войны против Финляндии и преследовало цель психологической подготовки общественного мнения.

В 1937–1938 гг. по приказам Н.И.Ежова по стране проходило изъятие «финского контингента» (а также польского, немецкого и др.). В городе Ленинграде и области в процессе массового Большого Террора было репрессировано 15% финского населения. А численность народа ижора сократилась с 17 тысяч в 1926 году до 7,7 тысячи по переписи 1939 года (11, с. 288).

Во всех финно-угорских регионах были «раскрыты» «контрреволюционные буржуазно-националистические шпионско-диверсионные организации, руководимые из-за кордона», т.е. из Финляндии, в том числе и в Калининской области – «Карельская националистическая шпионская организация». Неизменным пунктом обвинения в этих «делах» было стремление присоединить земли финно-угров России к Финляндии. Видный марийский ученый и общественный деятель В.А. Мухин по этому поводу писал на имя Н.И. Ежова: «Посмотрите на карту: как можно Марийскую республику или Удмуртию присоединить к Финляндии?» (12, с. 60). Но логика и здравый смысл, даже некое правдоподобие не интересовали тех, кто осуществлял террор против народа.

Начиная с «дела федералистов» и продолжая Большим Террором, был нанесен удар по идее финно-угорской общности и солидарности. Научные связи не только финно-угроведов СССР со своими коллегами из Финляндии, Венгрии, Эстонии и других стран, но и внутри СССР надолго были парализованы. Только с хрущевской «оттепели» научные и культурные связи в финно-угорском мире стали восстанавливаться, а по-настоящему они развернулись только с падением в СССР и бывших его республиках тоталитарного строя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. О так называемом «национал-уклонизме» // Известия ЦК КПСС. 1990, № 9.

2. Ленинградское общество изучения культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН) // Советская этнография. 1931, №1–2.

3. *Пальвидре М.Ю.* Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма // Советская этнография. 1931, № 1–2.

4. *Худяков М.* Финская экспансия в археологической науке // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931, № 11–12.

5. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Республике Марий Эл. Арх. дело № 1761.

6. *Куликов К.И.* Дело СОФИН. – Ижевск, 1993.

7. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.1. – Сыктывкар, 1998.

8. Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1993.

9. *Такала Ирина* Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Historia Fenno-Ugrica I-2. – Oulu, 1996.

10. *Гильди Леонид* Государственный геноцид финнов в СССР// VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland. 29 July – 3 August 2000. Abstracts.

11. *Миренко В.И.* Ижоры в советское и постсоветское время // VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland. 29 July – 3 August 2000. Abstracts.

12. *Сануков К.Н.* Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. – Йошкар-Ола, 2000.

Ksenofont Sanukov

THE POLITICAL REPRESSION OF THE 1930s AGAINST THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA

The political repression of the 1930s in the Soviet Union sharply touched the Finno-Ugric peoples. In the early 1930s were carried out «the case of the Federalist», «the case of the SOFIN», etc. In 1937 in all the Finno-Ugric regions «bourgeois-nationalist organization» were invented and eliminated, allegedly created by the Finnish intelligence and become a reflection of the task of the armed Finno-Ugric regions of the Soviet Union and the accession of Finland.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Наталья Горинова
Сыктывкар

ДРАМА А. ЛУЖИКОВА «ЫДЖЫД ВИСЬӦМ» («БОЛЬШАЯ БОЛЕЗНЬ»): ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА

Тема двойничества в пьесе поэта и драматурга коми Александра Лужикова **«Ыджыд висьӧм»** («Большая болезнь», 1997) явилась следствием развития в творчестве этого писателя образа двойника, актуального для его стихотворений, представленных в сборниках «Ме тэнӧ радейта» («Я тебя люблю», 1989) и «Енэжшӧрса ордым» («Небесный путь», 1994). В этих стихотворениях тема двойника – итог размышлений поэта А.Лужикова о своем характере, своей дисгармоничности, своих постоянных метаниях между добром и злом. В драме «Ыджыд висьӧм» тема двойничества усложняется: автор в пьесе изображает встречу героя сразу с несколькими его двойниками. Двойники в пьесе – один из художественных способов отображения разорванности, противоречивости сознания творческой личности, живущей в стесненных и непреодолимых обстоятельствах.

Двойник (человек, имеющий полное сходство с другим) – давно разрабатываемая тема в художественной литературе. К ней обращались Н.Готорн, Дж.Джеймс, Ф.М. Достоевский, У.Б. Йитс, А. де Мюссе, Э.По, Э.Т.А. Гофман, Р.Стивенсон, О.Уайлд, Г.К. Честертон. Конечно, разработка этой темы имеет более давнюю историю. Двойник встречается в мифах, сагах, сказках многих народов мира. «У египтян связывался с учением о «ка». Это часть души, имеющая сходные формы с человеком. Немцы именуют двойника «двойным идущим». Согласно шотландским преданиям, двойник является для того, чтобы схватить человека и толкнуть его к гибели. У евреев появление двойника служило знамением обретения пророческого дара…» (Борхес). Из фольклора тема двойника перекочевал в художественную литературу. Еще во времена античности писатели обращались к этому образу, пример тому – «Метаморфозы» Овидия. Но свою художественную полноту тема двойника получает в период романтизма (XVIII–XIX вв).

Особое место тема двойника получила в творчестве писателей-романтиков: они проявляли настойчивый интерес к иррациональным глубинам психики человека. Душа человека представлялась ими как сгусток противоречивых мыслей, страстей и желаний, как соединение «ангела и зверя». Поэтому в романтическом герое совмещены прямо противоположные качества. С одной стороны, это «одинокий бунтарь», для которого характерны «неприятие мира, мирового порядка, пессимис-

тическая переоценка этических и религиозных норм». С другой, – «романтический бунтарь сохраняет в себе жажду гармонии, воссоединения с миром, тоску по утраченной простоте и целостности…» (1, с. 8). Разлад личности, ее сознания, распад ее целостности в произведениях романтиков, в свою очередь, приводит к раздвоению личности, провоцируя появление двойников романтических героев.

В дальнейшем двойник приобретает различные модификации: «1) идентичное «я» (тень, отражение), которое обеспечивает постоянство бытия и будущее; 2) предшествующее «я» (молодость личности); 3) «я» противостоящее или дьявольское, смертельная ипостась или часть «я», оторванная от бытия, которое ее утверждает. Отсюда мотив безумия, раздвоение персонажа; 4) реальное или притворное рабство персонажа (Мефистофель, Санчо Панса, Лепорелло, Сганарель); 5) паранои-ческое удвоение; 6) амплуа: «любовник», «конфидент», «лицемер», «предатель», «слуга»…» (2, с. 108). Разрабатывая различные модификации двойника, писатели стремятся художественно раскрыть признаки своего времени, которое чаще всего оказывается кризисным, переломным. Как утверждают исследователи, феномен двойничества более всего актуализируется в переломные моменты культурно-исторического развития, что обусловлено общей неустроенностью, кризисом общественного сознания… Трагизм, неустроенность, пронизывающие всю атмосферу эпохи, обостряет кризис сознания. Неустойчивость мира, неравновесие не может не отразиться на мироощущении писателей, их мировидении. В их творчестве настойчиво звучат настроения потерянности, одиночества, растерянности перед жизнью, ощущения утраты внутренней целостности (3, с. 128).

Конец XX века также является переломным моментом культурно-исторического развития. Отношения между личностью и средой вновь осложняются, разрастается конфликтная ситуация между обществом и человеком. Феномен двойничества, как один из аспектов кризисного состояния эпохи, как показатель ощущения утраты внутренней целостности, вновь актуализируется, подтверждением чему служит драма писателя коми Александра Лужикова «Ыджыд висьӧм». Драматург, обращаясь к теме двойничества, выявляет устойчивость этого художественного явления, его глубину в раскрытии кризиса времени и личности.

Первое, в чем реализуется тема двойничества в драме «Ыджыд висьӧм», – это наличие в жизни героя двух миров. Двоемирие – характерный признак романтического искусства, породившего тему двойника. Писатели-романтики представляли действительность низкой, поэтому стремились любыми способами бежать от нее. Чаще всего они спасались от нее уходом в мир грез, в мир, который они сами создают в воображении. Таким образом, в литературе романтизма происходит своеобразное «раздвоение мира» – разделение его «на мир реальный и идеальный» (1, с. 8). Для драмы А.Лужикова раздвоение мира в сознании главного героя пьесы также характерно. Здесь есть мир реальный, в котором главный герой драмы Шондібанов (досл. Солнцеликий) Мӧсей Иванович является писателем, лауреатом премий, секретарем партийной организации, орденоносцем. В этом мире он уважает и ценит свою работу, свое положение в обществе, свою страну и тех, кто им

руководит. Но есть другой мир – нереальный, существующий в сознании героя. Здесь Шондібанов ненавидит все, чему он следует в действительности. Он понимает бесчеловечность некоторых законов своего государства, он видит жестокость и беспощадность существующего социального устройства по отношению к личности. Но страх быть арестованным не позволяет Шондібанову открыто высказать свои мысли. Выход своим эмоциям герой находит в поэзии: в стихотворениях он может быть самим собой и может свободно раскрывать свои мысли и чувства. Герой, таким образом, живет двойной жизнью. В реальности, в общественной жизни он следует установкам государства, а в душе (или в мире «идеальном»), в своих стихах ненавидит их, мечтая освободиться от давления государства. Вот одно из созданных им стихотворений:

Кӧть и ачым муна пемыд вӧрті
лолӧй лэбӧ югыд енэж шӧрті.
Му выв олӧм абу мортлӧн ловлы,
тані ловлы сэтшӧм гажтӧм овлӧ! –
сійӧн лолӧй енэж шӧрӧ качис.
Но ӧд, но ӧд татчӧ кольччи ачым...
Ӧтнам муна пемыд шуштӧм вӧрті:
Лолӧй лэбӧ югыд енэж шӧрті.

Хоть иду по темному лесу
моя душа летит в светлом небе.
Земная жизнь не для души человека,
здесь душе так тоскливо бывает! –
поэтому моя душа поднялась в небеса.
Но ведь, сам я остался здесь...
Один я иду по темному мрачному лесу:
Душа моя летит по светлому небу.

(Здесь и далее перевод наш – Н.Г.) (4, с. 192).

Жизнь в современном мире воспринимается Мӧсеем не иначе как блуждание в темном лесу. Цель этой метафоры – отразить мучительное существование Шондібанова в обществе, которое стремится подавить человека, лишить его независимости. Душа героя отъединена от него и в то же время от того социального устройства, в котором живет герой. Эта оторванность души – подтверждение чистоты ее хозяина, его непричастности к тому злу, которое творится на земле. Нравственная чистота мешает ему смириться с происходящими негативными явлениями, поэтому он «блуждает» среди них в поисках света.

Мир «идеальный» в жизни героя реализуется в его творчестве: именно в поэзии он может быть самим собой и может свободно раскрывать свои мысли, чувства.

«Принадлежность» двум мирам не может не сказаться на физическом состоянии личности. По мнению некоторых исследователей, сознание таких людей также начинает раздваиваться, они близки к умопомешательству. Например, герои Достоевского, измученные и задавленные средой, начинают страстно мечтать: до самозабвения, до того, что их фантазия начинает им казаться действительностью. Исследователи называют это состояние персонажей Достоевского «предшествующим этапом шизофрении», «промежуточной зоной между здоровьем и психической болезнью» (5, с. 7). Следствием душевной дисгармонии героев Достоевского становится появление их двойников. Центрального персонажа драмы А.Лужикова Шондібанова «блуждания» между двумя мирами, постоянно скрываемые им мысли и чувства приводят к сильному эмоциональному напряжению. Герой сам пони-

мает свое болезненное состояние, даже ставит себе диагноз. Он обозначен автором в названии драмы – «Большая болезнь». На первый взгляд, оно кажется не совсем правильным: и на коми, и на русском языках обычно говорят о тяжелой болезни («сьӧкыд висьӧм»). Но здесь речь идет не столько о физическом недуге, сколько о нездоровье духа – о постоянном страхе потерять свою жизнь, свое положение в обществе, как было в Советской России со многими открыто выражавшими свою позицию писателями. Герой называет свой страх эпилепсией: как и во время припадка этой болезни, человек испытывает конвульсивное состояние. Как раз «большим» называется один из видов эпилепсии, отличающийся от обычной более грозной симптоматикой (потерей сознания и контроля над собой). К такому состоянию приходит в конце драмы центральный персонаж пьесы, именно таким делает его социальная действительность. И как в случае с персонажами Достоевского, следствием нервного расстройства Шондібанова становится появление во сне героя некоего Гражданина Икс, двойника Мӧсея.

Чаще всего двойники являются олицетворением злого начала в человеке. По исследованиям Е.Нечаевой, «проблема двойничества напрямую связана с проблемой демонизма, когда внутри человека выявляется существующий некий зависимый от него демон… Тема двойника имеет истоком и христианское определение дьявола, который есть то зло, что не имеет собственно генетического начала, но является только падением того, что первоначально было добрым» (1, с. 16). В драме А.Лужикова двойник Шондібанова также является воплощением не самых лучших черт своего «хозяина». Однако в отличие от героев-двойников, например, Гофмана или Достоевского, Гражданин Икс не так подл и низок. В пьесе он выступает как преуспевающий американский бизнесмен. Проблема двойника героя в том, что его интересуют только деньги: «Шыбит гижан уджтӧ, Мӧсей. Шыбит. Гижан удж помсьыд гачтӧгыд колян. Шыбит гижныӧ, Мӧсей. Аслам фирмаӧ босьта тэнӧ. Морт моз кутан овны!» («Бросай ты свое писательство, Мӧсей. Бросай. Из-за этой писанины без штанов останешься. Бросай писать, Мӧсей. Возьму тебя в свою фирму. Будешь жить как человек!») (4, с. 192), «Ок, аддзывлін кӧ тэ, кыдзи сэні, бугор саяс олӧны!» («Ох, видел бы ты, как там, за бугром живут!») (4, с. 192). Гражданин Икс, как двойник Шондібанова, олицетворяет собой приверженность своего хозяина материальным ценностям, хотя сам Мӧсей утверждает обратное, – что его волнуют вопросы правильного устройства общества, справедливого суда, братолюбия…

Иногда писатели изображают встречу героя сразу с несколькими двойниками. Вспомним о том, что в романе Достоевского «Преступление и наказание» двойников Раскольникова несколько: Свидригайлов, Лужин, Лебезятников. Для пьесы А.Лужикова «Ыджыд висьӧм» так же характерно столкновение героя сразу с несколькими персонажами-двойниками. В драме большинство персонажей не имеет собственных имен. Автор дает имена Шондібанову и его семье (жене и матери), остальные – прокурор, судья, милиционер – безымянны. Гражданин Икс – тоже не имя. Так его называют автор в ремарках и судья, потому что, по словам последне-

го, «фамилия, имя и отчество пострадавшего не установлены». Отсутствие имен объединяет в какой-то мере прокурора, судью и милиционера с Гражданином Икс. Не иначе как «гражданин» обращаются в пьесе еще несколько раз и к судье, что снова позволяет провести аналогию между Гражданином Икс и судьей. Если учесть, что действие драмы совершается во сне главного героя, и противоборство полярных сил происходит внутри него, то безымянных персонажей можно рассматривать в более условном плане: прокурор, судья, милиционер, как и Гражданин Икс – это тоже двойники Шондібанова. Но если двойники Раскольникова – Свидригайлов, Лужин, Лебезятников – отличаются друг от друга лишь разной степенью воплощения идеи героя о вседозволенности, маргинальная суть их характеров – одна, то не так в произведении А.Лужикова, здесь предлагается иная трактовка. Его персонажи-двойники различны: по крайней мере, Гражданин Икс отличается от других двойников Шондібанова. Все они – результат ущемления личности героя, но Гражданин Икс олицетворяет собой его желания, мечты, идеи. Остальные двойники Шондібанова персонифицируют собой некий суд, осуществляемый героем над самим собой, некий самоконтроль, позволяющий Мосею не проявлять особой свободы в своих стихах и тем самым не рисковать жизнью.

Первым в пьесе появляется милиционер. Он постоянно выискивает в поведении Шондібанова то, что противоречит законам государства. Милиционер ждет удобного момента, чтобы в чем-либо уличить главного героя и арестовать его. На психологическом уровне в милиционере персонифицируется своеобразный комплекс самоконтроля Шондібанова, который позволяет не выходить за рамки закона. Прокурор в драме способен внушить герою страх, и это – его главное оружие. Именно его реплики напугали Шондібанова и заставили героя изменить отношение к Гражданину Икс. Речь прокурора отличают краткость, непоколебимость, убежденность. Схема его вопросов к подсудимому и свидетелям проста: под страхом ареста найти преступление там, где его не было. Прокурор в душе Шондібанова становится своего рода антисовестью Мцсея, все время напоминающей ему о последствиях его творчества и заставляющей перестать обличать государство в стихах. Роль судьи как двойника Шондібанова в пьесе невелика. Он не произносит длинных речей, не пугает подсудимых. Из всех его функций в сцене суда наиболее существенно вынесение приговора. Это судья осуждает Шондібанова и Гражданина Икс на десять лет тюремного заключения. Двойники героя – прокурор, судья, милиционер – производят обратные его совести действия: заставляют молчать о неправильности общественного устройства. Появление этих двойников в пьесе выявляет отношение героя к самому себе: не кто иной, как сам Шондібанов следит за своей речью и поступками, подобно милиционеру; не кто иной, как сам Мосей осуждает себя за вольные мысли, пугает себя десятью годами тюремного заключения, подобно прокурору; не кто иной, как сам главный герой читает себе приговор, уподобившись судье.

Судебная система, воплощенная в драме А.Лужикова в образах двойников героя, превращает самого Шондібанова в своего подчиненного и, более того, он при-

обретает черты своих двойников. Так, в пьесе судья выносит Шондібанову и Гражданину Икс приговор – десять лет тюремного заключения, однако исполнения этого приговора не происходит. Шондібанова никто не арестовывает, Гражданин Икс на некоторое время исчезает, его поисками власти не занимаются. Ожидание ареста приводит главного героя к абсурдной ситуации – Мӧсей сам, своими руками превращает свою квартиру в тюрьму: «Шондібановлӧн патера. Жырйыс тюрма камера кодь – ӧшиньяссӧ решеткаалӧма. Диван пыдди ӧу нар. Уль пӧвысь вӧчӧм, краситтӧм пызан сулалӧ. Краситтӧм лабич да джекъяс» («Квартира Шондібанова. Комната похожа на тюремную камеру – окна с решетками. Вместо дивана нары. Стоит некрашеный стол из досок, некрашеные скамья и стулья») (4, с. 190). Кроме того, Шондібанов одет как заключенный: на нем фуфайка, валенки, тельняшка. Все это указывает на признаки сумасшествия героя. Однако, если учитывать, что все это происходит во сне Мӧсея и что прокурор, судья, милиционер – двойники Шондібанова, т.е. он сам себе вынес приговор, то по логике он сам должен его и исполнять. Таким образом, как бы ни были абсурдны поступки героя А.Лужикова, они объясняются его раздвоенностью: он – приговоренный, он же – исполнитель приговора.

Далее в пьесе следует неожиданное появление Гражданина Икс. Оказывается, все это время он был в эмиграции в Америке. Пребывание за границей наложило отпечаток на его характер – он стал преуспевающим бизнесменом. Шондібанов не радуется успехам своего друга, наоборот, они его раздражают. Это раздражение доходит до крайней степени, и Шондібанов убивает Гражданина Икс. Поступок Мӧсея, на первый взгляд, кажется нелогичным. Финансовое благополучие Гражданина Икс – еще не повод лишать его жизни. Однако поступок Шондібанова необходимо рассматривать в контексте происшедших прежде событий: ранее двойники судили его, затем он сам «заключил» себя в тюрьму, исполнив приговор, вынесенный судом. Далее, убивая Гражданина Икс, он продолжает роль исполняющего приговор – только уже в качестве палача, осуществляющего смертную казнь. С самого начала пьесы А. Лужикова механизм суда запущен, и он должен завершиться, приговор должен быть реализован.

Таким образом, следующие за предательством поступки Шондібанова говорят о том, что он сам становится составной частью ненавистного ему суда – тюремным надзирателем и заключенным одновременно, а затем палачом. Он становится в один ряд со своими двойниками, теряя свои личностные качества. Шондібанов выбирает путь своих двойников. Казалось бы, судебный процесс по делу его драки с Гражданином Икс должен был бы еще больше усугубить неприязнь Шондібанова к суду: встреча со своими двойниками – милиционером, судьей и прокурором, – их манеры, приказной тон, уличение в придуманном преступлении, – должны были содействовать еще большему возмущению героя. Но в итоге он уподобился своим двойникам, судье и прокурору, стал одним из них. Видение своего двойника превратило его в палача.

Некоторые писатели, подвергая своих героев столкновению с двойниками, приводят их к духовному возрождению. Например, двойничество в романах Досто-

евского «воспринимается как неотъемлемая часть опыта героя, как способ найти самого себя и глубже понять мир», что позволяет герою преодолеть двойничество и обрести целостность (5, с. 18). Герой А.Лужикова выбирает иной путь, он избирает позицию своих двойников и так и не обретает цельности. Он продолжает страдать от внутреннего раздвоения. Драма «Ыджыд висьӧм» не ставит точку в испытаниях Шондібанова. Дело в том, что герои Достоевского после встречи с двойниками поняли антигуманность своих замыслов и отказались от них. Герой А.Лужикова так и не преодолел того, что вызвало появление двойников – свой страх. Его переживания, обусловленные ожиданиями судебных разбирательств в реальной действительности, перемещаются в сферу его снов. Вылечиться герою от «большой болезни» и в то же время обрести цельность поможет только одно – избавление от страхов. Шондібанов не обладает в достаточной степени духовными силами, чтобы преодолеть свои страхи. Поэтому его жизнь, как и его сны, по окончании драмы останутся неизменными.

Различия героев Достоевского и А.Лужикова связаны с общим несовпадением тех направлений, в рамках которых творили эти авторы. «Писатели-реалисты (к числу которых относится Достоевский), трезво и прямо глядя на действительность, не отворачиваясь от ее дурных и темных сторон, как известно, всегда стремятся сохранить у читателя ощущение неистребимости добра» (6, с. 383). Литература реализма предполагала самосовершенствование героя, постижение им гуманного смысла бытия, его обращение к духовным ценностям, жизнь героя обретает смысл в других людях, средство преодоления абсурдности его бытия – любовь к человеку, гуманное отношение к другому человеку. Другие художественные направления конца XX века (часто объединенные исследователями в одно художественное явление культуры – «постмодернизм») раскрывают совершенно иные идеи. В целом эти направления варьируют в своих концепциях идею: «человек не выдерживает давления мира и становится постчеловеком» (2, с. 311). Таким образом, духовная инертность героя А.Лужикова – вполне закономерное явление литературы рубежа веков. Характер Шондібанова, не справляющегося со своим духовным недугом, носит признаки современника. Герой понимает, что действительность не способствует нормальному развитию личности, его поэтическая натура протестует против неправомерности общественного порядка. Но Мцсей не в силах активно содействовать изменению социальных законов. Противоборство героя А.Лужикова со средой, не выражаемое открыто, переходит в область его душевных переживаний, но и там он все время переполнен чувством страха, но и там он боится своих мыслей. Ему вполне соответствует наименование «постчеловек».

Разрабатывая тему двойничества, А.Лужиков обращается к вопросу становления характера коми. Полное имя героя пьесы – Шондібанов Мӧсей Иванович, что удивляет Гражданина Икс: «Овыд – коми. Шондібанов. Вичыд – роч. Иванович. А вот нимыд еврейяслӧн ног – Моисей. Коді тэ? Коми? Али роч?.. А колӧкӧ тэ еврей?» («Фамилия твоя – коми. Шондібанов. Отчество – русское. Иванович. А вот имя как у евреев – Моисей. Кто ты? Коми? Или русский?.. А может быть, ты

еврей?») (4, с. 176). А.Лужиков, наделяя Шондібанова экзотическим именем, отчеством и фамилией, привлекает к ним внимание зрителя. Тем самым автор раскрывает мысль о сближении современных наций. Сегодня редкий человек является представителем строго определенной национальной культуры; чаще в характере современника «собрано» сразу несколько культур. Это, в свою очередь, тоже раскрывает двойственность натуры современного человека. Он, возможно, сам того не осознавая, использует ценности, нормы, различные поведенческие традиции многих народов. Драмагург обосновывает эту мысль поведением главного героя во сне. Мысли, поступки, действия Шондібанова во сне подчинены некоторым шаблонам, сюжетным ситуациям как широко известным, так и узко локальным.

Наиболее явственны в пьесе библейские реминисценции, отправляющие зрителя к евангельскому сюжету о предательстве Иуды, суда над Христом. В драме сопоставляются Пилат и прокурор. В пьесе прокурор, как Пилат когда-то Христа, осудил невиновных – Шондібанова и Гражданина Икс, – приговорив их к лишению свободы. Обоих объединяет их функция на суде – они производят судебное разбирательство. Как и Пилат, прокурор в пьесе представлен решительным, строгим, авторитетным. Предательское начало Иуды наблюдается и в характере Шондібанова: он предает ни в чем не повинного Гражданина Икс суду. Невиновность последнего, его жертвенность (он берет на себя вину Шондібанова) позволяет сопоставить его со Спасителем.

Евангельский сюжет в сновидении Мӧсея переплетается с элементами коми народной мифологии. Согласно представлениям коми, каждый человек имеет двойника, так называемого «орта» (можно перевести как «душа человека»), который появляется в момент его рождения и сопутствует ему до самой смерти. «Орт» находится вне тела и предстает перед своим хозяином перед его смертью (7, с. 268). Гражданин Икс соотносится с «ортом». Его появление как во сне, так и в жизни Мӧсея становится предзнаменованием смерти Шондібанова. В пьесе не говорится о его смерти. В финале Шондібанов рад, что он критиковал правительство только во сне, и ему ничего не угрожает. Но до этого во сне он, будучи не трезвым, начинает читать свои стихи совершенно незнакомому человеку. Возможно, накануне случилось то же самое наяву. И теперь его ждет арест, а затем и расстрел. Поэтому «орт» появляется уже не во сне, а наяву.

Считается, что «орг» иногда предсказывает, какой смертью умрет его хозяин (7, с. 268). В драме «орт» перед Шондібановым появляется три раза, и каждый раз как-то меняет внешний вид, оставляя неизменными в своей одежде некоторые элементы. В первый раз он был «чукрасьӧм шляпаа, киссьӧм кӧма, кузь плащ пасьталӧма, но дӧрӧмтӧм» (в помятой шляпе, в прохудившейся обуви, одет в длинный плащ, но без рубашки) (4, с. 173). Несмотря на не совсем опрятный внешний вид Гражданина Икс, в этой одежде он, в первую очередь, напоминает шпиона из детективного сериала. Возможно, он следит за людьми, вызывающими подозрение у властей. Прежде всего на это указывают шляпа и длинный плащ. Несколько лет спустя Гражданин Икс явится к Шондібанову, имея более приличный вид, но сохра-

нив атрибуты шпиона: «Пырӧ шляпаа, бур паськӧм-кӧлуя мужичӧй. Ӧчкиа. Киас дипломат» («Входит мужчина в шляпе, в хорошей одежде. В очках. В руке дипломат») (4, с. 191). И в третий раз он оказывается опять в шляпе, в длинном плаще, но без рубашки. Отсутствие имени у Гражданина Икс тоже подталкивает к этой мысли. Секретность службы сыщиков не позволяет им открываться окружающим, обычно им дают кодовые имена, вроде: «Гражданин Икс». Поведение Гражданина Икс напоминает поведение шпиона. Войдя в квартиру Шондібанова незамеченным, он «кыйкъялӧ – видзӧдӧ гӧгӧрыс да сэсся бӧр кӧсйӧ петны...» (озирается – смотрит вокруг и хочет обратно выйти...) (4, с. 173). После того, как Мӧсей его обнаружил, он почти сразу (после первой рюмки) начинает задавать собеседнику компрометирующие вопросы. Гражданин Икс осведомлен о «запрещенных» мыслях и стихах героя, поэтому пытается вызвать Шондібанова на откровенность, чтобы уличить его. На то, что Гражданин Икс все-таки не сыщик, а «орт», указывает отсутствие на нем рубашки. Анормальность внешнего вида – один из признаков «того» мира. Одежда «орта» (шляпа, плащ) в данном случае указывает, какой смертью умрет Шондібанов – за ним придут сыщики, и он бесследно исчезнет.

Таким образом, в драме А. Лужикова, точнее, во сне Шондібанова, обыгрываются два мифологических сюжета. Эти сюжеты, не имеющие во сне героя законченности, вполне могут осуществиться в его реальной жизни, т. е. завершиться наяву. Надо отметить, что оба сюжета в различных вариациях раскрывают мотив смерти. Предательское начало, отмеченное в характере героя, позволяет увидеть аналогию со смертью евангельского персонажа Иуды. Возможно, одолеваемый чувством страха Шондібанов предаст кого-либо (или уже предал) и, не выдержав мук совести, подобно Иуде, покончит жизнь самоубийством (во сне он так и поступает – убивая двойника, убивает себя самого). Или, возможно, Шондібанов станет жертвой доносов (во сне на него донесла его жена Мария), его арестуют и расстреляют. Обыгрываемые в драме сюжеты различных мифологий выявляют обреченность личности в современном обществе, ее незащищенность от институтов власти. Человеку нет спасения от их жестокости, от их несовершенных, античеловечных, равнодушных к человеку законов.

Таким образом, в драме «Ыджыд висьӧм» тема двойничества реализуется не только в героях-двойниках. Она развивается и в сюжетно-композиционном плане: в ней явно различимы сюжеты двух мифологических преданий. Можно сказать, сюжет драмы А. Лужикова так же двоится, как и ее герой.

Тема двойничества позволяет драматургу раскрыть понимание им специфики отношений человека и власти в некоторые исторические периоды. А.Лужиков устами своего героя констатирует: определенным этапам истории России свойственно особенно жестокое обращение власти к человеку. Приведем слова Шондібанова: «Россиясӧ, мортӧс моз жӧ, ыджыд висьӧмыс личӧдлас да бара босьтӧ! Перестройка! Демократия! Ыджыд висьӧм тайӧ! Кымынысь тадзи вӧлі Россияыскӧд?.. Пугачев! Горбачев! Ленин! Сталин! Петр Великий! Иван Грозный! Воласны, висьмӧдасны Россиясӧ дай мунасны, быттьӧ эз и вӧвны... Тшыкӧдчысьяс! Олӧм гутӧ-

дысьяс!» («Россию, как человека, тяжелая болезнь то отпустит, то снова прихватит! Перестройка! Демократия! Тяжелая болезнь это! Сколько раз так было с Россией?.. Пугачев! Горбачев! Ленин! Сталин! Петр Великий! Иван Грозный! Придут, доведут до болезни Россию и уйдут, будто их и не было... Колдуны! Переворачивающие жизнь с ног на голову!») (4, с. 191). В монологе Шондібанова фамилии шести значимых исторических лиц сведены попарно благодаря рифмующимся окончаниям: Пугачев-Горбачев, Ленин-Сталин; последняя пара – Петр Великий-Иван Грозный – объединяется общим синтаксическим построением: существительное + прилагательное. Таким образом, на политиков, внесших во время своего правления более или менее положительные моменты в жизнь России, переносятся характеристики исторических деятелей, часто негативно оцениваемых историками. Горбачев, как и Пугачев, видится разбойником, Ленин, как и Сталин, – тираном-убийцей, Петр Великий, подобно Ивану Грозному, – душегубом. В выстраивании Шондібановым имен исторических деятелей парами угадывается стремление автора объяснить историю России средствами художественной образности – образами двойников. Указанные исторические лица в драме воспринимаются как двойники, конечно, внешне они не похожи, но их связывают беспощадность, деспотизм... В разные периоды истории России они словно копируют действия друг друга. Исследователи нередко связывают эти имена.

Таким образом, тема двойничества пронизывает всю драму А. Лужикова «Ыджыд висьӧм». Обращение драматурга к данной теме выявляет художественные возможности образов двойников в изображении современной действительности, в раскрытии социальных проблем конца XX века, во многом переломного и кризисного, расколотости сознания современника. Обращение автора к этой теме обусловлено стремлением раскрыть внутренний мир человека, познать его психику, исследовать влияние среды на человеческое сознание. Тема двойника позволяет показать драматургу сложные взаимодействия человека и окружающего мира, отношение советского человека к власти, к другому человеку, к самому себе, раскрыть понимание автором истории России. Автор «расщепил» своего героя на несколько персонажей, что позволило ему показать деградацию современника, отсутствие цельности его характера как результат негативного влияния общества на него, а также неспособность человека противостоять установкам несовершенного государства. Тема двойничества в драме, воссоздавая протест творческой души против быта, против угнетающей действительности, отражает сознание самого А.Лужикова. В какой-то мере его герои стали его же собственными двойниками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Нечаева Е А.* Поэтика демонического в творчестве Э. Т. А. Гофмана. Автреф. дис... канд. филол. наук. – М., 2002.

2. *Борев Ю Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М.: ООО Издательство Астрель, ООО Издательство Аст, 2003.

3. *Ставровская И.В.* Мотив двойничества в русской поэзии начала XX века: И. Анненский и А. Ахматова. Дис... канд. фил. н. – Иваново, 2002.

4. *Лужиков А.* Ыджыд висьӧм // Арт. – 1997. – № 1.

5. *Михалева А А* Герой-двойник и структура произведения: Э. Т. Гофман и Ф. М. Достоевский. Дис… канд. филол. наук – М., 2006.

6. *Корман Б О.* Избранные труды. Теория литературы. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006.

7. *Лимеров П.Ф.* Орт // Мифология Коми / Науч. ред. В. В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999.

Natalia Gorinova

A. LUZHIKOV'S DRAMA «YDZHYD VISYÖM» («BIG DISEASE»): THE THEME OF DUALITY

Theme of duality pervades the whole drama of A. Luzhikov «Big disease». Message of the playwright to the topic reveals the artistic possibilities of images of twins in the image of contemporary reality, in the disclosure of the social problems of the late XX century, largely turning and crisis, split consciousness of contemporaries. Contacting the author to this subject is due to the desire to reveal the inner world of man, to know his mind, to investigate the influence of the environment on human consciousness. Twin subject allows the playwright to show the complex interactions of man and the world, the attitude of the Soviet man in power, to another person, the history of Russia.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Никандр Попов
Йошкар-Ола

ОСОБЕННОСТИ ПОЧИТАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫХ МАРИЙЦАМИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В отечественной историографии в последние годы большое внимание стало уделяться изучению культа святых (1; 2; 3; 4). Поклонение святым – посредникам между людьми и Богом, свидетельствующим своей праведной жизнью явление благодати Божией на земле, было и остается неотъемлемой частью православной духовности. Исследование этого многогранного историко-культурного феномена позволяет реконструировать основные элементы православного уклада жизни, духовные устремления и наиболее значимые ценности и нормы поведения верующих, глубже понять своеобразие народной религиозности.

В данной статье сделана попытка определить особенности проявления культа православных святых среди марийцев, выявить круг наиболее почитаемых народом покровителей.

Традиция почитания православных святых и их иконописных образов на территории Марийского края сложилась сравнительно недавно, что обусловлено относительно поздним приобщением марийцев к православию. Массовое крещение народа состоялось лишь в начале XVIII века, а православные традиции в быту мари стали закрепляться в основном только со второй половины XIX века. Значительная часть крещеных продолжала поклоняться дохристианским божествам и духам. К тому же в традиционных религиозных воззрениях марийцев нашли отражение некоторые представления о святости, сформировавшиеся в результате этнокультурных контактов с татарами-мусульманами, что естественно накладывало свои отпечатки на формирующийся культ православных святых.

Православное население Марийского края входило в состав двух епархий: Казанской и Вятской, каждая из которых имела своих духовных покровителей. Так, в Казанской епархии почитали святителей: архиепископов Казанского и Свияжского Гурия, Германа и епископа Тверского Варсонофия; мучеников: Авраамия Болгарского, Иоанна, Петра и Стефана; преподобных казанских Иоанна и Нектария, Гавриила Седмиезерного. Всеобщим почитанием в епархии и за ее пределами пользовались чудотворные иконы Божьей Матери: Казанской, Смоленско-Седмиозерной, Грузинской. Вятская же епархия имела своих святых покровителей: вятского чудотворца преподобного Трифона, блаженного Прокопия Христа ради юродивого,

Леонида Устьнедымского. В 1383 году была обретена чудотворная Великорецкая икона святого Николая Чудотворца. Широкую известность получили чудотворные иконы с образами Спаса Нерукотворного, Преображения Господня («Спас колотый»), Божьей Матери «В скорбех и печалех утешение» (5).

В отдельных уездах и благочинных округах Марийского края существовали свои местночтимые иконы, подвижники православной веры.

Принято считать, что истоки культа святых лежат в почитании предков и героев, а его формирование происходит в условиях перехода от политеизма к монотеизму. Святые, как очистившиеся от страстей, получившие от Бога дар видения истинного состояния души, еще при жизни выделялись прозорливостью, способностью творить чудеса. Своей праведной жизнью, подвигом во имя веры они демонстрировали не только социальные идеалы, интересы и потребности верующих, но и безграничную преданность Богу и исповедуемой ими религии. Мистические свойства и способности этих людей проявлялись и после их смерти. В России достойным почитания считали тех, кто проявил себя святостью жизни, примером благочестия или христианским самоотвержением и удостоился знамением благодати над мощами (6, с. IV).

Примеры мистифицированного отражения духовных идеалов людей можно встретить уже в архаических мифах о культурных героях, участвующих в мироустройстве в качестве демиурга и предка. Они представляются богоизбранными носителями чудодейственной силы.

В дохристианской религии народа мари мир представлялся как единый богочеловеческий коллектив. Согласно мифам, человека создал «Кугу Юмо» (Великий Бог). Он же наделил его способностью постигать замысел божий, познавать и творить мир, обеспечивать свое существование в соответствии с божественными установками и наказами предков. Марийцы верили, что открытые душой, умудренные опытом жизни люди, постигшие тайны природы и общества, могут общаться с божествами, пророками «пиамбар» (ср. мусульманск. «пайгамбар») и духами, предвидеть будущее. Такие люди, обычно достигшие преклонного возраста, представлялись как богоизбранные носители чудодейственной силы и почитались в обществе как святые (шнуй ен). После смерти таких людей могли почитать как кереметей (ср. мусульман. «карамат» – святой).

Марийцы предполагали, что между первопредками и Юмо существовала кровно-родственная связь. Мифы утверждают, что этому способствовала женитьба марийца-охотника на небесной девушке – пастушке «Юмын ӱдыр» (дочь Юмо), ставшей впоследствии олицетворением образа праматери народа (7, с. 124–132). Однако *Юмын ӱдыр*, несмотря на небесное происхождение, не стала почитаться в качестве божества. По мнению Ю.А.Калиева, ее образ в перевоплощенном виде нашел отражение в почитании хозяйки жилища «кудӧрткува» (7, с. 140–141).

Посредниками между людьми и божествами, защитниками интересов людей, в традиционной религии мари выступают чаще всего предки-мужчины, как, например, марийский богатырь Чумбылат. Его еще называют «Курык кугыза» (Старик

горы), «Поро Лемде курык кугыза» (Добрый Немдинский горный старик) или «Кугурак» (Старейшина). Существовала вера, что знатный мариец женился на дочери небесного пророка «пиамбар» (8, с. 62–64). Народ уважал богатыря за его силу, ратные успехи, мудрость, способность общаться с божествами, творить чудеса. Перед смертью богатырь обещал помогать своим соплеменникам и слово свое сдержал: не раз выходил на поле боя на своем богатырском коне и отражал атаки врагов. Место предполагаемого захоронения почитаемого племенного вождя стало сакральным. Туда можно было подходить лишь с благоговейным почтением, обязательно следовало принести в святилище какую-либо жертву. Марийцы считали «Кугурака» посредником (витньызе – докладчик) в отношениях между людьми и «Куту Юмо», исполнителем его воли. В настоящее время во время молитвы его уже называют «Курык куту Юмо» (Великий, в значении могучий, бог горы).

Статусом духов – хранителей местности наделялись также почитаемые при жизни старейшины земляческих объединений. Каждая территориальная группа имела своего покровителя – «кугыза», в честь которого совершались жертвоприношения. Некоторые предки, давшие начало семейно-родственной группе и установившие традицию поклонения «керемету», после смерти якобы и сами обретали статус керемета – покровителя патронимического объединения.

Сакральные, сверхъестественные качества могли приобрести не только положительные, но и отрицательные герои. Так, по представлениям горных мари, беглые солдаты, убитые за разбой, превратились во вредоносных духов местности «вадышей», а дети жадного богача – в «злых кереметей» (9 с. 54–56).

Представления марийцев о возможности достижения человеком божественных качеств в корне отличались от православного учения о святости. Православие признавало лишь культ одного истинного Бога и запрещало поклоняться и служить каким-либо другим божествам. В отличие от дохристианских верований Церковь почитает святых не как богов, а как угодников божьих. Согласно православному учению, святость является призванием человека. Чтобы обрести ее, человеку надлежало не только познать Бога, уподобиться Ему, но и вступить в новую жизнь со Христом и во Христе путем очищения, божественного освящения и преображения (10, с. 105–122).

Осознать, осмыслить суть христианского учения о святых простым необразованным людям было нелегко. К тому же в христианстве существовал целый сонм святых. Святыми считались апостолы, мученики, ветхозаветные праотцы и пророки, предстоятели местных церквей (святители), благоверные, преподобные, подвижники благочестия (блаженные) и бессребреники, отдавшие жизнь ради блага других, победившие страсть сребролюбия. Особое место среди православных святых занимает почитание Пресвятой Богородицы.

Церковь и миссионеры прилагали немало усилий для утверждения культа святых в сознании марийских крестьян. В ходе регулярных торжественных богослужений приходское духовенство старалось обращать внимание на духовный подвиг мучеников, праведников и угодников, сумевших достичь благодати Божия и состо-

яния святости, прославившихся чудесами, пророчествами, исцелениями, нетленными мощами, и подтвердивших на собственном примере благодатную силу Божию. Воздавая надлежащее почтение верным слугам Бога, восхваляя их духовные подвиги, Церковь призывала верующих стремиться к святости и безгрешной жизни, жить в соответствии с заповедями Божьими, надеяться и верить в Его милость в ходе своего спасения.

Однако суть богослужений, проводимых на старославянском языке, оставалась недоступной для понимания еще не усвоивших русский язык марийцев. Поэтому приходилось проводить дополнительные беседы, рассказывать на доступном для понимания марийцев языке жития святых, разъяснять отличительные черты почитания святых от поклонения божествам.

В ходе этой миссионерской деятельности наметилась тенденция сознательного сближения дохристианских культов с христианскими. Сближение ветхозаветных праотцов с предками мари, древних космогонических мифов о сотворении мира с ветхозаветными мифами о потопе и последующей истории человечества привело к подмене понятий. Крестьяне начали забывать отличительные особенности своих мифов и преданий, религиозных воззрений о божествах. Авраама, Ноя, Моисея они стали считать своими первопредками, определившими дальнейшую судьбу народа (11). Им стало казаться, что между дохристианскими божествами и православными святыми нет существенных различий. Так было положено начало для постепенного вытеснения из сознания верующих почитаемых древнемарийских божеств и замещения их православными святыми.

Большое внимание уделялось сближению аграрного культа с годовым кругом православных праздников. В дни дохристианских праздников с жертвоприношениями, особенно после завершения весенних полевых работ, во время колошения хлебов, перед осенними посевами, священнослужители старались провести в марийских деревнях напольные молебны с водосвятием (12, л. 2; 13, л. 61; 14, л. 2). Иногда иконы приносились непосредственно в священные рощи мари. Подобные обрядовые действия также способствовали сближению культов языческих божеств с почитанием православных святых.

При утверждении культа святых большое значение придавалось поклонению христианским святыням: мощам святых угодников и иконам, помогающим познать Бога и наставлять в вере. Частички мощей святого, зашитые в антиминсы, должны были символизировать святость места, на котором воздвигался храм. В Марийском крае доля храмов, освященных в честь православных святых и Богородицы, в начале XX века превышала 70%. Причем доля церквей из этого числа, носящих имя Богородицы, достигала 30%. Примерно столько же процентов составляла доля храмов, воздвигнутых в честь святого Николая Чудотворца.

Большую роль в формировании культа святых играли иконы. По образному выражению патриарха Германа, «икона, – образ святой плоти господа» (15). Иконы не только отображают первообраз (16, с. 221), но и позволяют душе молящегося взобраться, словно по лесенке, к первообразу (17). Икона имеет своим назначени-

ем чудотворение. Чудодейственная сила, по мнению Н.М.Тарабукина, действует на верующего не от иконы непосредственно, а через икону (17).

Широкую известность в крае получила явленная в 1647 году чудотворная икона Пресвятой Богородицы со святыми женами-мироносицами. Обретение иконы послужило поводом для основания Мироносицкой пустыни (18, с. 6–10). Святой образ марийцы стали почитать под именем «У Юмо» (Новый Бог). Паломничество к чудотворному образу в Мироносицкой пустыни совершалось в день явления иконы 1 (14) мая, в неделю прославления жен-мироносиц и в день Владимирской иконы Божьей Матери. Возле монастырской часовни два раза в год проводилась ярмарка, во время которой беспрерывно служились молебны Божьей Матери и святым женам Мироносицам (19, л. 5 об.). Среди марийцев получил распространение обычай жертвовать «Новому Богу» овец, телят, шерсть, полотно, хлеб. Крестные ходы с этой чудотворной иконой совершались не только в городе Царевококшайске, но и в ближайших городах (Чебоксары, Цивильск, Козьмодемьянск).

В городе Царевококшайске в Воскресенском соборе почитался образ Спасителя – икона в сребропозлащенной ризе, принесенная по преданию стрельцами из Москвы при основании города. В Троицком храме марийцы предпочитали молиться перед резным образом Спасителя, сидящего в темнице. По преданию, он был пожертвован церкви стрельцами в 1695 году (20, л. 1).

В Царевококшайском Богородице-Сергиевском общежительном женском черемисском монастыре верующие поклонялись иконе Божией Матери, именуемой «Достойно есть». Крестьяне марийских деревень приглашали духовенство с этой иконой, а также с образами пророка Илии, святого великомученика Пантелеймона для проведения водосвятных молебнов (21, л. 49).

В Царевококшайском уезде в селе Большие Шапы чудотворной считалась икона Спасителя, которая была обнаружена марийцами на березе в сороковых годах XVIII века. На месте явления иконы была построена часовня в честь Божьей Матери и Введения во храм Нерукотворного образа Спасителя (22, л. 2).

Как видно, среди почитаемых святынь Царевококшайского уезда Казанской губернии выделялись образы Богородицы и Иисуса Христа. Почитание образа Божьей Матери было характерно и для горных мари. В Козьмодемьянском Троицком женском монастыре особой чудодейственной силой наделялась Афонская икона Божией Матери Скоропослушницы (23, л. 3). В Троицкой же церкви г. Козьмодемьянска имелась почитаемая жителями Козьмодемьянского, Васильсурского, Княжинского, Нижегородского и Макарьевского уездов икона Божией Матери Страстная Одигитрия с помещенными при ней древними иконами Николая Чудотворца и архистратига Михаила. Эти иконы ежегодно с 3 по 26 июля (ст. стиля) проносили крестным ходом в селе Палец Нижегородской губернии (24, л. 13–13 об.). В этой же церкви верующие почитали икону Божией Матери Троеручницы, которая была принесена из Афона Киландарсской обители в 1664 году (25, л. 1150 об.).

У горных мари особым почитанием пользовались большая и малая Владимирские иконы Божией Матери церкви села Владимирского (26, л. 144). С эти-

ми иконами регулярно проводились крестные ходы в г. Козьмодемьянске и в окрестных селах и деревнях.

В мужском Михайло-Архангельском монастыре Козьмодемьянского уезда верующие предпочитали молиться перед иконами Божьей Матери Скоропослушницы и святого великомученика Пантелеймона. Монашествующие периодически проводили с этими иконами крестные ходы по деревням (27, л. 22).

В Казанском уезде предпочитали проводить крестные ходы с чудотворной Грузинской иконой Божьей Матери Раифской пустыни, и Смоленской иконой Божьей Матери Седмиозерной пустыни.

В марийских селах и деревнях Вятской епархии широкую популярность получили крестные ходы с иконами Великорецкого образа святителя Николая, Спаса Нерукотворного, а также святого Архистратига Михаила, вырезанного на камне и Тихвинской Божьей Матери. Во время ежегодного, так называемого «понизового» крестного хода, начинавшегося в городе Вятке с конца августа и продолжавшегося до ноября месяца, богослужения с этими иконами совершались во всех приходских церквях епархии, в том числе в октябре месяце в Яранском и Уржумском уездах. В это же время в епархии проводился монастырский крестный ход.

Большую роль в утверждении культа святых на местах играли богослужения, совершаемые в христианских часовнях. Они устанавливались, как правило, в местах явления чудотворных икон, в приходских кладбищах, отдаленных от церквей деревнях или возле почитаемых местным населением целебных источников и в некоторых священных рощах. В каждой часовне имелись свои почитаемые иконы, перед которыми при массовом стечении народа совершались богослужения с водосвятными молебнами. Местное население, как это видно на примере Уржумского уезда, предпочитало приобретать для часовен почитаемые образы икон Богородицы (Казанской, Владимирской, Тихвинской Божьей Матери), святителя и чудотворца Николая, апостола Андрея Первозванного, архангела Михаила, преподобного Сергия Радонежского, Савватия Соловецкого, Иосифа Многолюбезненного, Иоанна Предтечи, Серафима Саровского, равноапостольного царя Константина и царицы Елены, князя Александра Невского, святителей Гурия, Германа и Варсонофия, Василия Великого, Власия и Модеста, мучеников Космы и Дамиана, Флора и Лавра, Георгия Победоносца, великомученицы Евдокии и Параскевии и т.д. (см. табл.).

Перечисленный перечень святых в целом реально отражает духовные и религиозно-нравственные предпочтения населения всего Марийского края. В целом это небольшой круг почитаемых покровителей (28), если иметь в виду, что Православная церковь поминает свыше двух тысяч святых. В этом списке не видим и многих покровителей Казанской и Вятской епархий, в том числе вятского чудотворца преподобного Трифона, блаженного Прокопия Христа ради юродивого, Леонида Устьнедымского. Культ этих святых не получил широкого признания в Марийском крае.

Из таблицы видно, что наибольшим почитанием у местного населения, как и у всех православных в России, пользовалась Богородица. Марийцы ее называли «Шочын Ава» (Богиня рождения). Молитвы, посвященные Богородице, знали в

Таблица 1

Часовни и почитаемые святыни Уржумского уезда
(составлено по Клировым ведомостям за 1915 год)

Название села	Местонахождение и время основания	Название часовни или перечень выставленных	Отмечаемые праздничные дни и поминаемые святые в икон часовнях
Большой Шокшем	Д.Коростели, 1884	Рождества Богородицы	Праздник Рождества Богородицы, Никольские праздники
Верхушнур	На упраздненном кладбище, 1850	кладбищенская	Прп. Сергий Радонежский, Мчч. Флор и Лавр
Елеево	Д.Нижний Сеснур,	Не определено	Явление Казанской иконы Пресв. Богородицы, Перенесение мощей кн. Александра Невского
	Д.Иштыра 1911	Покрова Пресвятой Богородицы	Покров Пресв. Богородицы, вмч.Георгий, 10 пятница по св. пасхе
Елембаево	Д.Елембаево, 1850	Флора и Лавра, Андрея Первозванного	Мчч.Флор и Лавр, ап. Андрей Первозванный
Зашижмье	Поч. Большое Онучино, 1874	Не определено	Препод. Савватий Соловецкий, Прп. Иосиф Многолюбезненный
	Поч. Красный Ключ, 1894	Вознесения Господня	День Вознесения Господня, Мчч. Косма и Дамиан
	Столб возле д. Ахматэнер, 1876		Перенесение мощей свт. Николая (весенняя Никола)
Илеть	Часовни отсутствуют		
Казанское	Д.Мурзанаево, 1887		Праздники в честь Владимирской иконы Божьей Матери, Спаса
	Поч. Шабык, 1901	Ик.: Воскресения Христова, Казанск. Божьей Матери, Сергия Радонежского	Прп. Сергий Радонежский, Прп. Аркадий Новоторжский, 13 дек.
Косолапово	Д.Пумари, 1890	Иконы: Николая Чудотворца и Параскевы	9 пятница по пасхе
	Д.Часовне, 1881	Феодосия Черниговского и Казанской Божьей Матери	Явление иконы Казанск. Божьей Матери, Празднование Казанск. иконе Божьей Матери
Кугушень	Часовни отсутствуют		
Куженер	2 часовни		
Кукнур	Д.Коноши и Костыли, 1793	Параскевы Пятницы, икон 5	9 неделя по пасхе

	Д. Красный Яр, 1904	14 икон, 2 лампады	Собор Арх. Михаила, Равноап. Царь Константин и матерь его царица Елена
	Конаково, 1910	19 икон	Праздненство Спасу и Пресв. Богородице, Свт. Филипп, митропол. Московск., Серафим Саровский
Куиран Сола	Часовни отсутствуют		
Куракино	Часовен нет		
Куршаково	Кладбищенская, 1901		
	Селенур, 1912	Во имя Сретения Владимирской иконы Б.Матери	
Мамсинер	Часовни отсутствуют		
Манылово	Часовни отсутствуют		
Мари Сола	Поч Ершово. 1904	Ик.:Вознесение Господне, Б.Матери-Неопалимая Купина, чудо преображения Михаила , св.Георгия Победоносца, хоругви	Вмч. Георгий Победоносец, ап. Фома
	По речке Шабе, 1890	Ик.: Преображенья, Казан. Б.Матери, свм. Ильии, Почаевской Б.Матери	Преображение Господа Бога Иисуса Христа
Новый Торъял	Д.Обалыш	Василия Великого, Рожд. Пресвятые Богородицы	Свт. Василий Великий, Рождество Пресвятой Богородицы
	Д.Каменный Ключ, 14 верст, 1838	Свят.Гурия и Варсонофия, Власия и Модеста	Обретение мощей свтт. Гурия и Варсонофия, свт. Модеста
	По речке Песчанке, в 8 верст	Каз.Бож.Матери, Воздвиженье Креста Господня	Явление иконы Казанской Богородицы, Воздвиженье Креста Господня
Русский Шой	Д.Шойдум, 1840-е, возобновлена в 1903 году	Спасителя, Покрова Пресв Богородицы, Николая Чудотворца	
Салтакъял	На приходском кладбище, 1852, в 1900 перестроена	В честь Флора и Лавра Ик. Каз.Бож.Мат, Михаила, Николая, свм.Флора и Лавра	В Радуницу и Троицкую субботу Усекновение главы Иоанна Крестителя, Мчч. Флор и Лавр
Сернур	На удельном кладбище		
	Д.Б.Сердеж, 1875	Иконы Спасителя, Б.Матери, свм.Георгия, свм. Власия Модеста, свм. Параскевы, свм. Пантелеймона, прп. Серафима Саровского	Во второе воскр. после 1 октября (свт Власий и Модест), вмч. Георгий Победоносец, 10 пятница по пасхе

	Д.Ведоснур, 1902	Казанской Божьей Матери, Бориса и Глеба, Николая, Ильи, Михаила, Пантелеймона	Явление Казанской иконы Божьей Матери, Празднование Казанской иконе Божьей Матери, Перенесение мощей кнн. Бориса и Глеба, Рождество пр.Иоанна Предтечи
Старый Торьял	Кладбищенская, 1873, перестр-1898	Иконы: Погребение И.Христа, Нерукотворный образ Христа, Параскевы Пятницы. Гавриила	Покровская и Дмитриевская суббота
	Д.Русская Шуя, 1880	Св.Дм.Архипа, кн.Алекс. Невского, Константина и Елены, Соловецких чудотворцев. Спасителя	Апп. Архип и Филимон, Равноап. Царь Константин и матерь его царица Елена, Перенесение мощей Александра Невского
Токтай-Беляк	При церкви, 1886	Иконостас со св. иконами Параскевы и 12 праздников	9 пятница после пасхи
	Д.Подгорная 1886, ремонтиров 1912	Икона Александра Невского	Перенесение мощей кн.Александра Невского
Толмань	Поч. Малый Толмань (Олени)	Иконы.:Рождества Пресв. Богородицы, свм. Георгий	Рождество Пресвятой Богородицы, вмч. Георгий Победоносец
	Д.Урбенская, 1868	Сошеств св. Духов на апостолов, Б.Матерь Скорбящая	День сошествия .Святого Духа ; Вмч. Екатерина
	Д.Исаково, 1853	Иконы: свт.Василия Великого, Божьей Матери «Тихвинская»	Свт. Василий Великий; Празднество в честь Тихвинской иконы Божьей Матери
	Поч. Мокосеевский, 1882	Господа Вседержателя и Иоанна Предтечи, Б.Матери «Казанская», Трех святителей	Рождество пр. Иоанна Предтечи, Празднование Казанской иконе Божьей Матери ,Собор свт. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Прмц. Евдокии, Перенесение мощей кн. Александра Невского
Тумью-Мучаш	Д.Верхушнур, в старом селе, перестр. в 1871	В честь свт.Иоанна Милостивого	Свт. Иоанн Милостивый, в четверг седьмой недели по св. пасхе
Хлебниково	Часовни отсутствуют		
Черемиский Билямор	Церковь-школа в Б.Нолях с 1892		

Черемис-ский Турек	При селе с 1888 камен		Перенесение мощей свт Николая, свт. Николая (зимнего), Прмц. Евдокия , Перенесение мощей кн. Александра Невского
Шанер	Д.Казенный Васташгуй,1881	В честь Тихвинской иконы Божьей Матери	Преображение Господня, Преподобного Тита и Тихв. Божьей Матери, Похвала Пресвятой Богородицы, Тихвинской иконы Божьей Матери
Шора			
Юледур	Кладбище 1850, отремонт в 1904	Спаса, Божьей Матери, Власия и Модеста	
	При поч. Поповом, 1856, ремонт в 1897		
	Д.Памашъял, 1881	Божьей Матери, Рождества Христова, Воздвиженья Св. Креста	
Юмочка	Часовни отсутствуют		

основном только горные марийцы и те, кто обучались в церковно-приходских, земских, министерских начальных училищах, миссионерских школах и школах грамотности. Основная часть марийцев поклонялась ей как марийскому божеству (29, л. 3 об., 348 и др.). В священных рощах ей периодически приносились жертвы, однако икону Богородицы выставляли перед жертвенным алтарем лишь в редких случаях. Ее поминали во всех случаях жизни. Особым уважением богиня пользовалась у женщин. Во время молебнов на полях икону Божьей Матери приносили обязательно (30, л. 1). Выбор этой иконы, видимо, был обусловлен существующими среди марийцев представлениями о благотворном влиянии богини на плодородие полей и благополучие в семье и хозяйстве.

Большим почитанием у женщин пользовалась икона Скорбящей Божьей Матери. Ей молились женщины после родов,называя «Икшыве пӱршӧ юмо» – божество создатель и предопределитель детей (29, л. 3). Иконе Взыскания погибших молились в случае поиска утопленников, а перед иконой Нечаянная радость ставили свечу в случае горя и несчастья.

Святого покровителя сельскохозяйственного труда Николая Чудотворца марийцы почитали как «Микол Юмо». В народном сознании он воспринимался как покровитель земледелия и урожая, заступник людей во время дальних путешествий, защитник на войне. Ему, как свидетельствуют некоторые авторы, поклонялись даже некрещеные марийцы (29, л. 169–170). Часть верующих мари в православной религии выделяла только культ этого святого и, как отмечал В.М.Васильев, считала,

что все иконы в церкви – это изображения бога «Микол юмо» (31, с. 55). Крестьяне Николая угодника отождествляли с марийскими божествами «Курык кугу юмо» (Великое горное божество), «Кӱшыл кугыза» (Верховный старик), «Сот тӱня кого юмо» (Великое божество светлого мира), «Каба юмо» (Божество неба) и др.(9, с. 42; 29, л. 169–170). Такое разнообразие представлений о почитаемом святом свидетельствует о том, что марийцы православному святому приписывали одновременно качества земного и небесного божества, определяли его как посредника (пророка) между людьми и богами. Наделение святого качествами «великого горного божества», покровителя и защитника интересов людей и земных существ перед небесным божеством является одной из характерных особенностей религиозных представлений луговых мари. Интересно, что и у удмуртов культ этого святого тесно увязывался с почитанием удмуртских богатырей (32, с. 165). Такое отождествление святого, по всей вероятности, опиралось на традиционные представления русских крестьян о нем как национальном герое, защитнике русского народа (33, с. 95).

В верованиях мари «Микол юмо» выступал как покровитель полей. Ему молились во время весеннего праздника «ага пайрем» (праздник пашни). Сроки проведения праздника нередко приурочивались к празднику весеннего Николы, известного в православном календаре как день перенесения мощей святого Николая Мир Ликийского. В конце XIX – начала XX века во многих деревнях Уржумского уезда на «ага пайрем» приглашали священника с иконами, разрешали проводить водосвятный молебен и окроплять святой водой принесенную богам пищу. После молебна продолжали молиться по своему обычаю, призывали марийских богов прийти в согласие с христианскими святыми (34, л. 55; 29, л. 116, 122 об.). Священники знали об этих молениях, но преодолеть традиции не сумели.

Другим, не менее почитаемым святым у марийцев был святой Петр. Его марийцы называли «Петро Юмо», в честь которого проводили жертвоприношение домашнего скота. В день святых Петра и Павла отмечался традиционный праздник «сӱрем».

В Ильин день повсеместно отмечался праздник нового урожая (У кинде пайрем). Илья пророк в сознании верующих отождествлялся с дохристианским божеством грома (35, с. 170). Его также называли «Илень Юмо». При поклонении в церкви божеству грома марийцы, как и местные русские крестьяне, ставили свечи перед иконами Михаила-Архангела, Петра и Павла и ветхозаветного Моисея. Крестьяне Казанской губернии верили в то, что управление над громом и молнией в течение лета переходит от Ильи-пророка к Моисею, а затем и Михаилу Архангелу.

Некоторые дохристианские божества одновременно могли быть приравнены к разным святым. Так, божество «Кугурак» в сознании верующих отождествлялось с Николаем Чудотворцем, образом Иоанна-воина, пророком Моисеем, священномучеником Георгием Победоносцем и др. (29, л. 3 об.). Ивана-воина и Кугурака сближает их причастность к военным действиям. При отождествлении божества со святыми обращалось внимание на их иконографию. Святой Георгий у яранских мари был известен как божество «Иргече» (утреннее солнце). Его также называ-

ют «Той санта» (медный лоб), «яра имне» (всадник), «писе» (быстрый) или «Курык кугу юмо» (большое горное божество). Моисей, как и «Кугурак» считался покровителем и защитником своего народа, посредником в общении с Богом.

Отмеченные примеры показывают, что при отождествлении святых с марийскими божествами учитывались выполняемые ими функции. Однако сверхъестественные покровители наделялись многими функциями. Зачастую в локальных группах выделяли свои, характерные только для местного божества, функции. Это вело к формированию образов местных синкретизированных божеств и духов. Например, у горных мари святого Михаила Архангела называли «Кӱртньӧ водыж» (железный дух), которого представляли в образе всадника (9, с. 259). Луговые же марийцы Михаила Архангела называли великим ангелом «Кугу сукчо» (29, л. 3 об.). Аналогичных примеров можно привести много. Важно отметить то, что у горных мари христианские святые сближались со значительно меньшим числом дохристианских божеств. Они при обращении к святым предпочитали называть их христианскими именами. Луговые мари, ставя свечки перед образами святых, обращались к ним как к своим божествам не только в церкви, но и в священной роще.

Марийцы, как и русские крестьяне, некоторых святых называли покровителями домашнего скота. Святые Василий Великий, Флор и Лавр, Власий отождествлялись с марийским божеством «Вольык юмо» (божество скота). Покровителем лошадей, домашнего скота считали Георгия Победоносца. Однако жертвоприношений в честь этих святых марийцы не проводили. Чаще всего они ограничивались тем, что ставили свечи перед их иконами или же молились в роще божеству «Вольык Юмо».

В жизни православных марийцев большое значение придавалось проведению престольных праздников, посещению часовен, посвященных православным святым. В дни престольных праздников обычно в селах устраивались ярмарки, после которых проводились семейно-родственные и общедеревенские празднества. Так же торжественно отмечались дни массового посещение часовен. В часовни марийцы ходили молиться и по совету знахарей и колдунов. Чаще всего ходили к святым местам в надежде на получение исцеления. Моление носило характер языческого жертвоприношения (9, с. 280).

В народном сознании культ православных святых был тесно связан с народным аграрным календарем, приметами об изменении погоды, повседневными обычаями и традициями. По дням православных святых определялись оптимальные сроки начала сельскохозяйственных работ, перспективы на получение урожая, будущее благосостояние семьи. В дни почитания святых в больших населенных пунктах проводились ярмарки и базары, которые позволяли крестьянам реализовать результаты своего труда, приобрести орудия и средства производства. Такое переплетение религиозных традиций с экономической и хозяйственной деятельностью в сознании людей постепенно создавало впечатление о покровительстве святых, вселяло уверенность в будущее.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о постепенном утверждении культа святых среди марийцев. Восприятие новых религиозных представлений осуществлялось в основном на основе сближения с существовавшими верованиями в дохристианских божеств. Большое распространение в религиозной практике марийцев получило почитание Богородицы, святого Николая Чудотворца, апостолов Петра и Павла, Ильи пророка, которые почитались как божество Юмо.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Макашина Т.С.* Святые Козьма и Дамиан в русском фольклоре // Живая старина, 1994, № 3.

2. *Петрова Т.В.* О почитании святого апостола Андрея в России // Живая старина, 1994, № 3.

3. *Калганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. – М., 2000.

4. *Лимеров П.Ф.* Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. – М., 2008.

5. *Маркелов А.В.* Местночтимые иконы и святые в церковно-общественной жизни Российской провинции второй половины XVII – начале XX в. (На примере Вятской епархии). Автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011.

6. Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. – М., 1990.

7. *Калиев Ю.А.* Мифологическое сознание мари . Феноменология традиционного мировосприятия. – Йошкар-Ола, 2003.

8. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. – Йошкар-Ола, 1991.

9. *Знаменский П.В.* Горные черемисы Казанского края (Из наблюдений очевидца) // Вестник Европы. Т. IV. Отд. I. Декабрь, 1867.

10. Малая Церковь. Настольная книга прихожанина. – М., 1992.

11. Марийцы могли получить некоторое представление о ветхозаветных праотцах Аврааме, Ное, Моисее под влиянием мусульманской религии, в которой они фигурируют как пророки. К сожалению, этот вопрос до сих пор остается не изученным.

12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 134. Д. 996.

13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 140. Д. 384.

14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 142. Д. 1427.

15. *Успенский В.А.* Богословие иконы Православной Церкви. Издательство братства во имя святого князя Александра Невского. 1997. IX. Смысл и содержание иконы // http://www.sedmitza.ru/text/440347.html

16. Священник Павел Флоренский. Иконостас. В кн.: Собрание сочинений. Т.1. – Париж, 1985.

17. *Тарабукин Н.М.* Смысл иконы. М.: Из-во Православного Братства Святителя Филарета Московского, 2001 // http://nesusvet.narod.ru/ico/books/tarabukin/tar6.htm

18. *Малов Е.А.* Мироносицкая пустынь Казанской епархии. История пустыни и современное ее состояние. – Казань, 1896.

19. ГАРМЭ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 112.

20. ГАРМЭ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 300.

21. ГАРМЭ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 54.

22. ГАРМЭ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1.

23. ГАРМЭ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1.

24. НАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120953, л. 13-13 об.

25. НАРТ. Ф. 4. Оп. 134. Д. 58.
26. ГАРМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 628.
27. НАРТ. Ф. 1172. Оп. 3. Д. 47.
28. ГАРМЭ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 322.
29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 199. Д. 1341.
30. ГАКО. Ф. 237. Оп. 159. Д. 638.
31. *Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов народа мари. – Красно-кокшайск. 1927.
32. *Бехтерев С.* Вотяки, их история и современное состояние. Отд. Оттиск из «Вестника Европы». 1880.
33. *Успенский В.А.* Культ Николы в историко-культурном освещении (специфика восприятия и трансформации исходного образа) // Труды по знаковым системам. X. Вып. 463. – Тарту, 1978.
34. ГАКО. Ф. 237. Оп. 143. Д. 1498.
35. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань. 1889.

Nikander Popov

FEATURES OF WORSHIP OF ORTHODOX SAINTS BY MARIS IN XIX AND THE BEGINNING OF XX CENTURIES

The paper considers the factors affecting the distribution of Mari Orthodox shrines of the cult, especially its manifestation in everyday life of the people, the circle of the most revered patrons. There are incidents of identifying the images of deities and traditional Orthodox saints. Maris, contrary to Orthodox teaching, continued to consider holy gods.

СООБЩЕНИЯ

Александр Акшиков
Йошкар-Ола

НОВАЯ РАСШИФРОВКА РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА КАМНЕ, ОБНАРУЖЕННОМ В П. ЮРИНО МАРИЙСКОЙ АССР В 1958 ГОДУ

В 1958 году в п. Юрино при рытье траншеи для водопровода был обнаружен камень с надписью, выполненной древнетюркскими рунами. Некоторое время спустя во время археологической экспедиции его приобрел казанский археолог А.Х. Халиков, для коллекции археологического кабинета Казанского института языка, литературы и истории. Казанский историк М. Усманов так описал камень: «Камень – отсечение, видимо от почти круглого бруска имеет форму неправильного овала размером 11x12 см, толщина неровная, около 1 см. Песчаник, не очень твердый. Надпись из 8 знаков имеется лишь на одной, более ровной стороне» (1, с. 21) (см. прорисовку лицевой стороны камня на рис. 1).

Рис. 1

Как видно на рисунке надпись состоит из двух строк. В верхней строке три знака, а в нижней – пять. Следует сказать несколько слов о способе чтения текстов, написанных древнетюркскими рунами. В.Х. Хаков пишет: «Письмена (рунические – *А.А.*) располагаются по горизонтальным строкам и читаются сверху вниз и справа налево» (2, с. 310). То есть для того, чтобы прочитать рассматриваемую нами надпись, нужно развернуть текст на 90° и тогда первой строкой окажется строка, оказавшаяся справа, руны которой следует читать сверху вниз, а затем читать вторую строку слева, руны которой также следует читать сверху вниз.

Исследователь древнетюркской письменности Э. Тенишев, развернув надпись на 90? против часовой стрелки, пришел к выводу, что первой строкой текста является нижняя строка и предложил следующую транскрипцию рун:

Первая строка: (a)ł (a)čq(y)zy

Вторая строка: m(a)ł (ä)b

Текст, по его мнению, переводится так:

Первая строка: обманчивая стесненность

Вторая строка: от имущества и хозяйства.

Э. Тенишев считает, что текст рунической надписи «напоминает афоризм, крылатое слово – крупицу мудрости, достойную увековечения на камне» (1, с. 23).

Р.Х. Курбатов пришел к выводу, что на камне написано: «Күч үзә дашум» (перевод на русский «Против насилия – мой камень») (3, с. 557).

Таким образом, у двух специалистов по древнетюркской письменности нет единого мнения о том, что написано на камне из Юрино.

Мы предлагаем свою расшифровку рассматриваемой надписи (по фотографии камня, помещенного в «Лингвистическом сборнике» (1, с. 22), отличающуюся от предложенных выше.

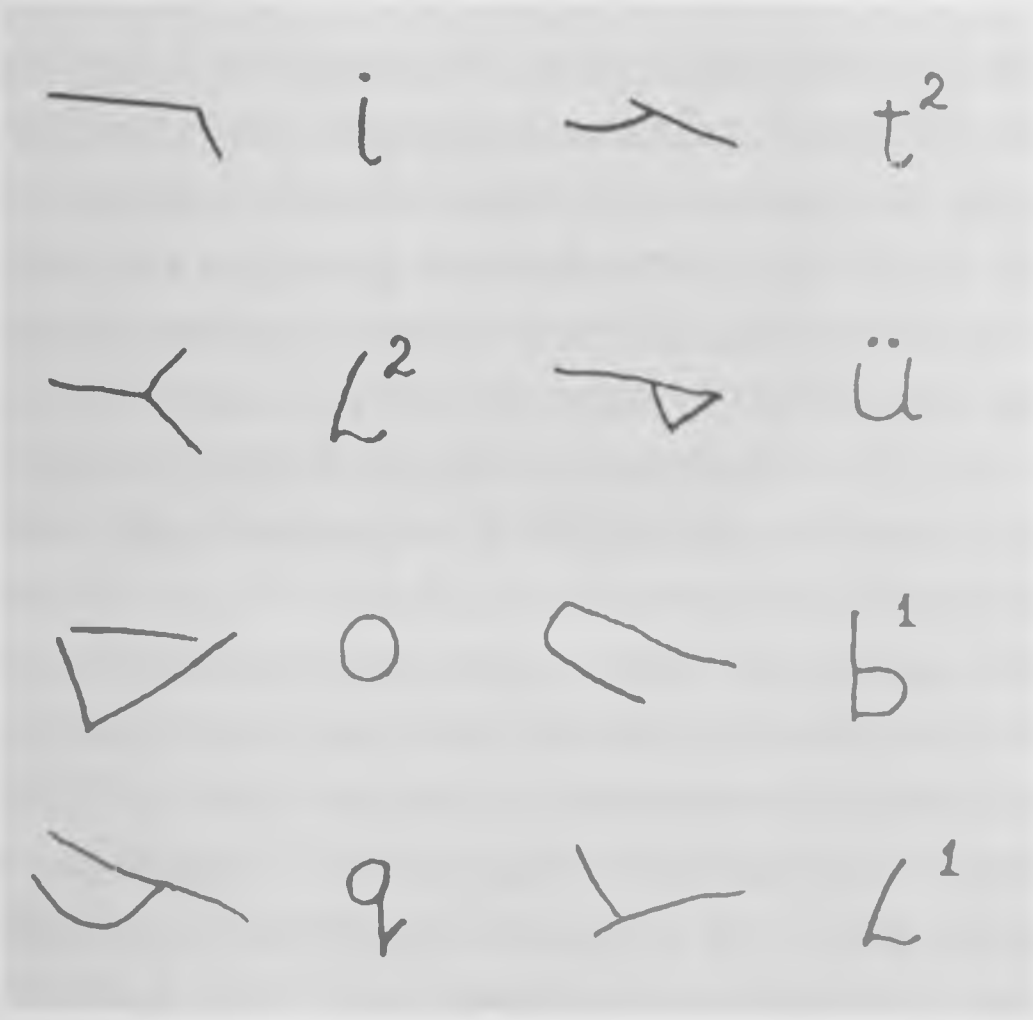

Рис. 2.

Вначале мы выяснили вопрос о том, какую строку считать первой, и пришли к выводу, развернув текст на 90° по часовой стрелке, что таковой является верхняя строка. Транслитерационная передача рунической графики производилась нами по таблице, представленной в книге Д.Д. Васильева (4, с. 7). На рисунке 2 изображен развернутый текст надписи и фонетическое значение (возможно условное) каждой из рун, выраженное соответствующим транслитерационным эквивалентом. При расшифровке текста выяснилось, что надпись выполнена на марийском языке.

В таблице 1 отражены этапы расшифровки и перевода текста:

Таблица 1

Транскрипция рун текста и его разбивка на слова:	t^2ьb^1 iL^2 oqL^1 (индекс ^{1} означает, что звук твердый, индекс ^{2} означает, что звук мягкий)
Передача буквами современного марийского алфавита транслитерационного эквивалента фонетического значения рун:	**тьӱб иль окл**
Изложение текста рунической надписи современным марийским языком:	**тӱп илаш ок лий**
Перевод на русский язык:	[здесь (то есть там, где находился камень с надписью, а, возможно, и в окрестностях вокруг него)] **совершенно** (абсолютно, ни при каких обстоятельствах) **жить** (поселяться) **нельзя**

Обнаружение надписи на марийском языке, написанной древнетюркскими рунами, наглядно подтверждает предположение йошкар-олинского археолога В.В. Никитина о возможности существования у марийцев письменности на основе рунической графики. К такой мысли он пришел при рассмотрении тисте (марийских тамг, знаков), некоторые из которых были абсолютно идентичными рунам (5).

Отметим особенности расшифровки некоторых рун. Это касается 2-й руны первой строки и 1, 3 и 5-й рун второй строки. В таблице 2 сравниваются изображения руны в рассматриваемом нами тексте с вариантами начертания той же руны в древнетюркских текстах. В том, что начертания некоторых рун в марийском руническом тексте несколько отличаются от таких же рун в древнетюркских письменах, по нашему мнению, нет ничего удивительного. Скорее всего, мы имеем текст, написанный на исходе того периода времени, когда руны для письма использовались довольно широко. Это примерно X век нашей эры, возможно, первая четверть I тысячелетия. Весьма вероятно, что с VI (наиболее ранние древнетюркские рунические надписи) по X век и далее начертания некоторых рун подверглись трансформации. Особенно это заметно, как в нашем случае, на периферии ареала распространения рунической письменности. Если же учесть, что руны использовались для передачи не тюркских языков (как в рассматриваемом нами тексте), скорее всего, не тюркских народов, то становится вполне очевидным, что заметные изменения в рунической графике являлись неизбежными.

Таблица 2

Начертание рун в тексте на марийском языке	Обозначаемые рунами звуки	Начертание рун в древнетюркских текстах
	ö, ü	
	i, ï, e	
	o, u	
	L'	

Обратимся к смыслу рассматриваемого нами текста. Из него следует, что там, где находился камень с надписью, нельзя было жить, селиться. То есть смысл надписи, очевидно, запрещающий. Возникает вопрос: с чем был связан запрет? По нашему мнению, здесь было либо какое-то священное место, либо, наоборот, проклятое, и место это находилось там, где ныне стоит п. Юрино. Что интересно, археологические памятники, связанные с марийцами, проживавшими в окрестностях нынешнего Юрино уже с I тысячелетия нашей эры, находятся в основном вокруг поселка, или же на его окраинах (6, с. 229 – 281). Мы полагаем, что данный факт косвенно свидетельствует о том, что марийцы действительно остерегались селиться на территории Юрино по каким-то ныне труднообъяснимым причинам. В надписи вызывает интерес слово «тӱп» (или как в оригинале – «тьӱб»), написанное со значительными интервалами между рунами и помещенное в отдельную строку, хотя места в ней вполне хватило бы чтобы вписать еще что-то. По-нашему мнению, это не случайно. Слово «тӱп» многозначно, и если суммировать все его значения можно прийти к выводу, что оно означает, что-то особенное, исключительное, абсолютное, сакральное (7, с. 348–349). Несомненно, слово очень древнее, обросшее множеством смыслов. Присутствие его в надписи отдельно, в первой строке, служило своеобразным паролем, сигналом, знаком, что к содержанию текста следует отнестись очень серьезно, т.к. запрет связан с чем-то духовным, магическим. Слово «тӱп» если не прямо, то косвенно свидетельствует о сакральном смысле запрета.

Таким образом, наша расшифровка текста, выполненного древнетюркскими рунами на камне, найденном в п. Юрино, показала, что он написан на марийском языке. Если предлагаемая нами версия прочтения верна, то это свидетельствует, что уже примерно в первой четверти I тысячелетия нашей эры марийцы владели

письменностью на основе графики, заимствованной у тюркских народов, а рассмотренный нами эпиграфический памятник на сегодняшний день является самым древним образцом марийской письменности (не позже X века нашей эры).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Цит.: *Генишев Э.* Камень с рунической надписью из Юрьева // Лингвистический сборник. – Ташкент, 1971.

2. Татарская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. – Казань, 2005.

3. *Давлетшин Г.* Письменность и просвещение Булгарии // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. II. – Казань, 2006.

4. *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л., 1983.

5. *Никитин В.В.* Марий тамга мом ушештера? // Ончыко. 1991, № 3. С. 120–126.

6. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

7. Словарь марийского языка. Т. VII // Сост.: В.И. Вершинин, В.М. Максимов, С.С. Сибатрова, Е.А. Черашова. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002.

Alexander Akshikov

A NEW INTERPRETATION OF RUNIC INSCRIPTIONS ON STONE, FOUND IN THE VILLAGE YURINO OF MARI ASSR IN 1958

This article analyzes the inscription, made Old Turkic runes on the stone, found in 1958 in the village area Yurino in Yurinskiy region of Mari ASSR. Author of the publication came to the conclusion that the text of epigraphic monument written in the Mari language. The stone reads: Here, completely impossible to live. This proves that at the turn around in the first quarter of the 1st and 2nd millennium BC Mari owned script-based graphics borrowed from the Turkic peoples. Probably considered epigraphic monument is by far the most ancient example of an ethnic minority writing (not later than the tenth century AD).

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Олег Сергеев,
Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

ВЫПУСКНИКИ-МАРИЙЦЫ КАЗАНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ*

В становлении марийской интеллигенции большая роль принадлежит Казани. Именно в Казанских учебных заведениях зародилась и окрепла марийская интеллигенция. Рождение первой плеяды творческих работников связано с Казанской духовной семинарией. В ее стенах обучалось и воспитывалось немало представителей марийского народа. Отдельные личности из мари получили высшее образование в чувашско-черемисском отделении Казанской духовной академии, которое было открыто в 1854 году на базе кафедр восточных языков (1, с. 78).

В обучении, воспитании, становлении широкоэрудированной личности, любящей и понимающей свой родной язык и народ, ведущая роль принадлежит Учительской (инородческой) семинарии, которая была открыта в 1872 году. В 2012 году ей исполняется 140 лет. Первым директором семинарии был назначен великий реформатор, миссионер-просветитель Н.И. Ильминский. Казанская учительская семинария превратилась в кузницу национальных кадров для земских, министерских и церковно-приходских школ. В стенах учительской семинарии за 43 года** выросла золотая плеяда марийской интеллигенции. Безусловно, ведущая роль в формировании «инородческой» интеллигенции принадлежит Казанской учительской семинарии и ее преподавателям, учителям, законоучителям, разным наставникам и советникам, попечителям.

В данном учебном заведении вместе с русскими обучались крещеные инородцы: татары, чуваши, черемисы, вотяки, мордва. При семинарии были организованы четыре начальные школы для инородцев по 15 воспитанников в каждой, татары учились в татаро-крещенской школе (2), что дало возможность преподавать на родном языке инородцев.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 11-14-12001 а/В.

** Первый выпуск в Казанской учительской семинарии состоялся в 1875 году, а последний – в 1918 году.

Казанская учительская семинария была своего рода центром инородческого просвещения, где готовили народных педагогов, которые вызывали доверие у своих сородичей к школьному образованию. От имени директора писались запросы «относительно открытия новых школ» (2, с. 141).

В истории марийской культуры, языка, литературы, просвещения, общественного движения незабываемую память оставили выпускники Казанской учительской семинарии, впоследствии ставшие выдающимися марийскими личностями. Одни из них стояли у истоков марийской науки, с другими именами связано зарождение марийской литературы, переводческого дела, третьи отвечали за просвещение.

Эту школу окончили известные люди марийского народа. Среди них можно выделить:

– Тихона Ефремовича Ефремова – переводчика, поэта, автора первого марийского гимна, призвавшего родной народ к свету. Текст песни вместе с нотами был опубликован 19 октября 1918 года в газете «Ужара» («Заря»), выходившей в Казани (3, с. 134);

– Владимира Алексеевича Мухина-Сави – первого директора Марийского научно-исследовательского института, внесшего значительный вклад в образование марийского народа и сумевшего «привлечь к научной работе видных ученых Москвы и Казани, направить их деятельность на изучение насущных проблем хозяйственного и культурного развития Марийской Автономной области» (4, с. 7);

– Сергея Григорьевича Чавайна (Григорьева) – автора первого марийского стихотворения, основоположника марийской литературы. Во время учебы в Казанской учительской семинарии им были созданы первые произведения на марийском языке, издана книга «Марий калыкын тошто годсо илышыже» («Из прошлого народа мари»), в которую вошли его рассказы и стихотворения. Семинаристы с хорошим почерком помогли автору в подготовке издания, переписывали его произведения красивым четким почерком (5);

– Петра Эмяша (Григорьева Петра Григорьевича) – ведущего специалиста в области методики преподавания марийского языка, вдохновившего своих учеников на творческую работу (6, с. 695);

– Игнатия Трофимовича Митюка – педагога-организатора, поднимавшего вопросы издания книг на марийском языке, подготовки учительских кадров из мари (7, с. 159–166).

По данным дела «Список, окончивших курс воспитанников с основания семинарии, за 1875–1918 гг.» (8) Национального архива Республики Татарстан, Казанскую учительскую семинарию окончили более 140 марийцев#.

Во время вступительных испытаний основное внимание обращалось на социальное происхождение испытуемого, предпочтение отдавалось «ученикам сель-

---

Этим значком отмечены фамилии семинаристов, которые не фиксированы в данном деле. Однако нами обнаружены их характеристики, свидетельствующие об окончании Казанской учительской семинарии.

ских школ и детям крестьян» (2, с. 139). Об этом свидетельствуют характеристики, анкеты и свидетельства, имеющиеся в личных делах воспитанников.

В этой статье мы публикуем три списка. В первом будут представлены фамилии воспитанников по годам завершения учительской семинарии, во втором списке представим их в алфавитном порядке, а в третьем даны фамилии преподавателей и других лиц, которые были связаны с учебно-воспитательной работой в Казанской учительской семинарии.

I. СПИСОК ВЫПУСКНИКОВ КАЗАНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ (по годам выпуска)

Год выпуска	Фамилия, имя
1876	Аптриев Дмитрий Константинович
	Афанасьев Яков*
	Васильев Михаил Васильевич
	Захаров (Малиновкин) Василий Захарович**
	Ласточкин (Петров) Иван Петрович
1878	Бурнаев Константин Николаевич
	Ласточкин (Петров) Алексей Петрович
	Шишков Карп Алексеевич
1879	Нисский (Низский) Григорий Савельевич
	Смирнов Иван Николаевич
1880	Иванов Михаил
	Королев Кузьма Федорович
1881	Громов Сергей Гаврилович
1882	Гурьянов Василий
	Ерусланов Петр Павлович
	Клопский Михаил
	Любимов Михаил Сергеевич
	Токмурзин Филимон Иванович
1883	Мухин Семен Алексеевич
1884	Колибров Владимир
	Семенов Тимофей Семенович
1885	Кидалашев Александр Иванович
	Смирнов Николай Александрович
	Цветков Семен Степанович
1886	Белогусьев Егор
	Иванов Павел

---

* Здесь и далее в документах отчество не указано.

** Здесь и далее в скобках даются фамилии, которые в период учебы были заменены на другие.

1887	Афанасьев Николай Афанасьевич
	Григорьев Алексей Платонович
	Ефремов Тихон Ефремович
1888	Егоров Федор
	Клопский Андрей
	Сидоров Михаил Сидорович
1889	Астапов Василий
	Люперсольский Василий
	Петров Филипп
1890	Никифоров Александр
	Павлов Николай
	Скворцов Константин
1891	Зверев Матвей
	Кириллов Иван
	Кунаев Петр
	Николаев Антон
1892	Стратилатов Иван
1893	Васильев Роман
	Никифоров Петр
	Семенов Алексей
	Спиридонов Ефим
	Якимов Яков
1894	Белугин Николай Федосеевич
	Ватютов Петр Семенович
	Коведяев Николай Николаевич
	Хлебников Емельян Григорьевич
1895	Алексеев Егор Алексеевич
	Иванов Иван Иванович
	Ишпайкин Иван Павлович
1896	Ильин (Адаев) Петр Ильич
	Маляров Иван Иванович
	Семенов Василий
	Тимоков Григорий Николаевич
1897	Петров Константин Петрович
	Романов Михаил
1898	Аптриев Алексей
1899	Никитин Иван
	Николаев Михаил Николаевич
1900	Александров Михаил
	Иванаев Ефим
	Орлов Иван
1901	Баронов Алексей Михайлович

	Васильев Афанасий
	Васильев Григорий
	Ильин Дмитрий
	Ки(е)льбедин Николай
	Сапараев Михаил
	Шабруков Григорий
1902	Васильев Василий
	Гутков Илья
	Леонтьев Гавриил Леонтьевич
	Матюков Игнатий Трофимович
	Мухин Григорий
	Степанов Алексей
1903	Бутенин Николай Федорович
	Васильев Александр
	Григорьев Петр Григорьевич
	Калистратов Алексей
	Ивайков Яков
1904	Александров Иван
1905	Сергеев Николай Андреевич
	Спиридонов Алексей Спиридонович
1906	Алексеев Василий Алексеевич
	Гаврилов Сергей Гаврилович
	Григорьев Трофим Григорьевич
	Еремеев Емельян
	Мухин Владимир Алексеевич
	Никитин Василий Степанович
1907	Веткин Михаил Иванович
	Еремеев Григорий Еремеевич
	Николаев Яков Сергеевич
	Павлов Иван Дмитриевич
1908	Афанасьев Александр Иванович
	Григорьев Сергей Григорьевич
	Ипатов Василий Александрович
	Черняков Сергей Алексеевич
	Яковлев Василий Михайлович
1909	Алешкин Константин Егорович
	Анисимов Сергей Григорьевич
	Егоров Павел Григорьевич
	Иванов Николай Иванович
	Минеев Сергей Петрович
1910	Анисимов Михаил Анисимович
	Иванов Василий

	Малышев Петр Васильевич
1911	Атласкин Алексей Тимофеевич
	Кидалашев Александр Николаевич
	Тарасов Тимофей Тарасович
	Яковлев Ефрем Михайлович
1912	Веткин Игнатий Иванович
	Коротков Иван Васильевич
	Яманкин Гераким Иванович
1913	Васильев Георгий Васильевич
1914	Алексеев Иван Сидорович
	Быстров Антон Сергеевич
	Игнатьев Егор Игнатьевич
1915	Артюшкин Матвей Димитриевич
	Казанцев Алексей Васильевич
	Николаев Николай Алексеевич
	Паткиев Николай Сергеевич
	Смирнов Алексей Петрович
	Тихонов Василий Тихонович
1916	Васютин Иван Петрович
	Крылов Александр Александрович
	Сидушкин Нифонт Афанасьевич
	Смирнов Григорий Романович
	Соколов Константин Митрофанович
	Тихонов Андрей Петрович
1917	Данилов Иван Павлович
	Митрусков Михаил Васильевич
	Тимофеев Василий Тимофеевич
1918	Михайлов Иван Михайлович
	Якимов Степан Якимович
1897	Семенов Александр#
1913	Васильев Георгий Васильевич#
?	Сидушкин Семен Афанасьевич#

II. СПИСОК ВЫПУСКНИКОВ КАЗАНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ (в алфавитном порядке)

	Фамилия, имя, отчество	Год выпуска
А	Александров Иван	1904
	Александров Михаил	1900
	Алексеев Василий Алексеевич	1906
	Алексеев Егор Алексеевич	1895
	Алексеев Иван Сидорович	1914

	Алешкин Константин Егорович	1909
	Анисимов Михаил Анисимович	1910
	Анисимов Сергей Григорьевич	1909
	Аптриев Алексей	1898
	Аптриев Дмитрий Константинович	1876
	Артюшкин Матвей Димитриевич	1915
	Астапов Василий	1889
	Атласкин Алексей Тимофеевич	1911
	Афанасьев Александр Иванович	1908
	Афанасьев Николай Афанасьевич	1887
	Афанасьев Яков	1876
Б	Баронов Алексей Михайлович	1901
	Белогусьев Егор	1886
	Белугин Николай Федосеевич	1894
	Бурнаев Константин Николаевич	1878
	Бутенин Николай Федорович	1903
	Быстров Антон Сергеевич	1914
В	Васильев Александр	1903
	Васильев Афанасий	1901
	Васильев Василий	1902
	Васильев Георгий Васильевич	1913
	Васильев Григорий	1901
	Васильев Михаил Васильевич	1876
	Васильев Роман	1893
	Васютин Иван Петрович	1916
	Ватютов Петр Семенович	1894
	Веткин Игнатий Иванович	1912
	Веткин Михаил Иванович	1907
Г	Гаврилов Сергей Гаврилович	1906
	Григорьев Алексей Платонович	1887
	Григорьев Петр Григорьевич	1903
	Григорьев Сергей Григорьевич	1908
	Григорьев Трофим Григорьевич	1906
	Громов Сергей Гаврилович	1881
	Гурьянов Василий	1882
	Гутков Илья	1902
Д	Данилов Иван Павлович	1917
Е	Егоров Павел Григорьевич	1909
	Егоров Федор	1888
	Еремеев Григорий Еремеевич	1907
	Еремеев Емельян	1906
	Еруслапов Петр Павлович	1882

	Ефремов Тихон Ефремович	1887
З	Захаров (Малиновкин) Василий Захарович	1876
	Зверев Матвей	1891
И	Ивайков Яков	1903
	Иванаев Ефим	1900
	Иванов Василий	1910
	Иванов Иван Иванович	1895
	Иванов Михаил	1880
	Иванов Николай Иванович	1909
	Иванов Павел	1886
	Игнатьев Егор Игнатьевич	1914
	Ильин Дмитрий	1901
	Ильин (Адаев) Петр Ильич	1896
	Ипатов Василий Александрович	1908
	Ишпайкин Иван Павлович	1895
К	Казанцев Алексей Васильевич	1915
	Калистратов Алексей	1903
	Кидалашев Александр Николаевич	1911
	Кидалашев Александр Иванович	1885
	Ки(е)льбедин Николай	1901
	Кириллов Иван	1891
	Клопский Андрей	1888
	Клопский Михаил	1882
	Коведяев Николай Николаевич	1894
	Колибров Владимир	1884
	Королев Кузьма Федорович	1880
	Коротков Иван Васильевич	1912
	Крылов Александр Александрович	1916
	Кунаев Петр	1891
Л	Ласточкин (Петров) Алексей Петрович	1878
	Ласточкин (Петров) Иван Петрович	1876
	Леонтьев Гавриил Леонтьевич	1902
	Любимов Михаил Сергеевич	1882
	Люперсольский Василий	1889
М	Малышев Петр Васильевич	1910
	Маляров Иван Иванович	1896
	Матюков Игнатий Трофимович	1902
	Минеев Сергей Петрович	1909
	Митрусков Михаил Васильевич	1917
	Михайлов Иван Михайлович	1918
	Мухин Владимир Алексеевич	1906
	Мухин Григорий	1902

	Мухин Семен Алексеевич	1883
Н	Нисский (Низский) Григорий Савельевич	1879
	Никитин Василий Степанович	1906
	Никитин Иван	1899
	Никифоров Александр	1890
	Никифоров Петр	1893
	Николаев Антон	1891
	Николаев Михаил Николаевич	1899
	Николаев Николай Алексеевич	1915
	Николаев Яков Сергеевич	1907
О	Орлов Иван	1900
П	Павлов Иван Дмитриевич	1907
	Павлов Николай	1890
	Паткиев Николай Сергеевич	1915
	Петров Константин Петрович	1897
	Петров Филипп	1889
Р	Романов Михаил	1897
С	Сапараев Михаил	1901
	Семенов Александр	1897
	Семенов Алексей	1893
	Семенов Василий	1896
	Семенов Тимофей Семенович	1884
	Сергеев Николай Андреевич	1905
	Сидоров Михаил Сидорович	1888
	Сидушкин Нифонт Афанасьевич	1916
	Сидушкин Семен Афанасьевич	– ?
	Скворцов Константин	1890
	Смирнов Алексей Петрович	1915
	Смирнов Григорий Романович	1916
	Смирнов Иван Николаевич	1879
	Смирнов Николай Александрович	1885
	Соколов Константин Митрофанович	1916
	Спиридонов Алексей Спиридонович	1905
	Спиридонов Ефим	1893
	Степанов Алексей	1902
	Стратилатов Иван	1892
Т	Тарасов Тимофей Тарасович	1911
	Тимоков Григорий Николаевич	1896
	Тимофеев Василий Тимофеевич	1917
	Тихонов Андрей Петрович	1916
	Тихонов Василий Тихонович	1915
	Токмурзин Филимон Иванович	1882

Х	Хлебников Емельян Григорьевич	1894
Ц	Цветков Семен Степанович	1885
Ч	Черняков Сергей Алексеевич	1908
Ш	Шабруков Григорий	1901
	Шишков Карп Алексеевич	1878
Я	Якимов Степан Якимович	1918
	Якимов Яков	1893
	Яковлев Василий Михайлович	1908
	Яковлев Ефрем Михайлович	1911
	Яманкин Герасим Иванович	1912

III. Список преподавателей и сотрудников Казанской учительской семинарии

Алексеев Михаил Алексеевич – наставник

Анников Степан Иванович – учитель ручного труда

Аросев Вячеслав Яковлевич – преподаватель физики и математики

Ашмарин Николай Иванович – коллежский асессор, преподаватель географии

Беркутов Николай Иванович – фельдшер, коллежский регистратор

Благовидов – учитель

Бобровников Николай Алексеевич – учитель математики и физики

Буртаев Ефим Борисович – учитель мордовской школы при Казанской учительской семинарии

Васильев Валериан Михайлович – учитель черемисского языка при Казанской учительской семинарии

Вилькен Александр Модестович – статский советник

Витевский Владимир Николаевич – надворный советник

Воскресенский Алексей Андреевич – директор Казанской учительской семинарии, статский советник

Гонин Леонид Семенович – эконом

Грачев Константин Абрамович – врач, статский советник

Даулей Роман Павлович – наставник русского языка

Денисенко Николай Яковлевич – учитель приготовительного класса

Евсевьев Макар Евсевьевич – учитель приготовительного класса, надворный советник

Емельянов Аркадий Иванович – наставник славянского языка и русской словесности

Ерлыгин Иван Адрианович – помощник наставников

Ефремов Тихон Ефремович – диакон, учитель черемисского начального училища при Казанской учительской семинарии

Зайцев Филарет Афанасьевич – учитель пения и музыки, коллежский регистратор

Ильминский Николай Иванович – первый директор и основатель Казанской инородческой учительской семинарии

Каменский Никифор – законоучитель, священник

Каминский Григорий Петрович – наставник русского языка, коллежский асессор

Кванин Николай Иванович – капитан, учитель гимнастики

Киселев Николай Иванович – наставник естествознания и физики

Коведяев Николай Николаевич – учитель черемисского училища при Казанской учительской семинарии

Ланмин Сергей Иванович – коллежский асессор

Лежин Николай Гаврилович – наставник математики

Максимов Николай Андреевич – наставник

Максимов Петр Андреевич – наставник

Малов Евфим (Евфлампий) – священник, магистр, преподаватель закона божия

Михайлов Александр Федорович – законоучитель, священник

Михайлов Григорий Михайлович – учитель чувашского начального училища при Казанской учительской семинарии

Михайлов Павел Михайлович – учитель чувашской школы при Казанской учительской семинарии

Михеев Иван Степанович – учитель приготовительного класса при Казанской учительской семинарии, коллежский асессор

Неунылов Александр Михайлович – помощник директора Казанской учительской семинарии, коллежский асессор, кандидат богословия

Никифоров Федор Никифорович – учитель мордовского начального училища при Казанской учительской семинарии

Онуфриев Петр Никифорович – учитель графических искусств

Остроумов Николай – преподаватель русской истории и географии, магистр

Пиотровский Александр Иосифович – учитель черчения, рисования и чистописания

Плохов Григорий Алексеевич – помощник классных наставников

Прокопьев Алексей Прокопьевич – учитель чувашского языка при Казанской учительской семинарии

Прокопьев Михаил Прокопьевич – учитель чувашской школы при Казанской учительской семинарии

Радимов Павел Александрович – учитель рисования

Рожанский Василий Михайлович – учитель математики и естествознания

Рождествин Александр Сергеевич – наставник

Сердобольский Александр Павлович – коллежский регистор, преподаватель русского языка

Сердобольский Иван – учитель

Скворцов Николай Демьянович – наставник математики

Смирнов Иван – преподаватель арифметики и наглядного объяснения явлений природы

Смоленский Степан Васильевич – учитель географии и истории, пения

Соколов Василий Тимофеевич – учитель черемисской школы при Казанской учительской семинарии

Суворов Николай Иванович – учитель пения

Травин Константин Иванович – коллежский асессор, учитель истории и политэкономии

Троицкий Михаил Николаевич – законоучитель, священник, кандидат богословия

Успенский Федор Павлович – законоучитель, священник

Федоров Артемон Захарович – помощник наставников

Чистяков Вячеслав Николаевич – учитель рисования и чистописания, коллежский асессор

Шестаков Петр – преподаватель письма и черчения, коллежский секретарь

Шубин Сергей Иванович – надворный советник, помощник директора

Щетинкин Павел Васильевич – почетный попечитель.

Первый директор семинарии Н.И. Ильминский всячески заботился о своих штатных сотрудниках. Педагоги были «близки не только взглядом на дело», но и – кровным родством. А.П. Сердобольский, старший преподаватель семинарии, был родственником Н.И. Ильминского, фактически управлял школой, был правой рукой директора. А Н.А. Бобровников, сын его лучшего друга и воспитанник, В.Н. Витевский – друг со студенческих лет (2, с. 140).

Следует констатировать то, что поступив в Учительскую инородческую семинарию, отдельные воспитанники по разным объективным или субъективным причинам не смогли окончить данное учебное заведение. К таким ученикам, например, можно отнести Ивана Анисимова, Сергея Николаева, Тимофея Артизанова. Вкратце остановимся на биографиях этих воспитанников.

Иван Анисимов родился 25 февраля 1856 года в деревне Второй-Юнги Пернянгаш Большеюнгинской волости Козьмодемьянского уезда (ныне д. Пернянгаши Троицко-Посадского сельского поселения Горномарийского района Республики Марий Эл. – О.С., Н.Ф.). Выходец из марийской крестьянской среды, образование получил дома. До поступления в Казанскую учительскую семинарию работал в одной из «начальной народной школе» Братства Святителя Гурия.

«Желая получить дальнейшее образование», он в 1878 году поступил в Казанскую учительскую семинарию. В Национальном архиве г. Казани сохранилось его «покорнейшее прошение», написанное «Его Превосходительству, Господину Директору Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминскому». Оно датируется 17 августом 1878 года. В «прошении» имеется пометка: «черемис, 1 класс. Уволен. № 212» (9, л. 32). Архивный материал констатирует, что Иван Анисимов учился только один год, успел закончить только первый класс. Причиной отчисления из семинарии была его неуспеваемость. Это подтверждается разными документами. Например, в материалах «Список воспитанников семинарии на 1878/1879 учебный

год» в пункте «Для поступления в 1 класс семинарии» находим фамилии пяти марийских учеников, среди них и фамилия Ивана Анисимова. Комиссия оценивала их знания и способности. После фамилии Ивана Анисимова один из членов комиссии делал запись карандашом: «плохо пишет» (10, л. 3 об.). В этом же документе находим следующее сообщение: «Анисимов Иван, черемис, 1 класс, 1856 года рождения, воспитывался дома, уволен по неуспеваемости» (10, л. 6).

Педагогический совет Казанской учительской семинарии, как не окончившему полный курс учебной программы, выдал ему свидетельство учителя начального народного училища четвертого разряда. Сохранилось свидетельство: «Предъявитель сего, Иван Анисимов, сын крестьянина из черемис Казанской губернии Козьмодемьянского уезда *деревни Второй Юнги* (выделенное сочетание зачеркнуто. – О.С., Н.Ф.) *села Перняташ* (после зачеркнутого – добавлено данное название. – О.С., Н.Ф.), родился 25 февраля 1856 года, обучался в Казанской учительской семинарии на казенный счет с 1 сентября 1878 года по 31 мая 1879 года … при поведении отличным… уволен из 1-го класса Семинарии по малоуспешности, … пользуется правами … четвертого разряда». Свидетельство выдано 5 июня 1879 года.

Один из документов дает повод говорить, что Иван Анисимов попытался поступить в инородческую семинарию еще в 1876 году. В графе «Для поступления в 1-й класс семинарии» числятся марийцы Михаил Клопский, Семен Мухин, в том числе и «черемис» Иван Анисимов. После фамилии И. Анисимова экзаменационная комиссия отметила карандашом: «Не знает таблицу умножения, задачу сделал верно. По-видимому, сообразителен. Самоучка. 3» (11, л. 4 об.).

Дальнейшая судьба марийского учителя «братской начальной школы» Ивана Анисимова не известна.

Сергей Николаев родился в крестьянской семье 16 июля 1859 года в деревне Малая Мушерань Себеусадской волости Царевококшайского уезда Казанской губернии (ныне д. Малая Мушерань входит в состав Весьшургинского сельского поселения Моркинского района РМЭ. – О.С., Н.Ф.). Окончил с успехом Аринское сельское двухклассное училище. В национальном архиве Республики Татарстан сохранилось его свидетельство об окончании данного учебного заведения. Оно следующего содержания: «Дано сие свидетельство от Аринского двухклассного училища Казанской губернии Царевококшайского уезда, окончившему полный курс учения, ученику … лет (год не указан. – О.С., Н.Ф.), из крестьян Седеусадской волости деревни Весь-Шурга, Сергею Николаеву Николаеву в том, что он, Николаев, во все время учения, поведения был весьма отличного и в преподаваемых предметах при выпускном экзамене оказал успехи: в Законе Божием – отличные, в Русском языке – очень хорошие, в Арифметике – очень хорошие, в Географии – весьма хорошие, в Русской истории – очень хорошие, Черчение – достаточные. В чем и дается сие свидетельство за надлежащим подписем

с приложением училищной печати. 1874 года Апреля 28 дня» (12, л. 48). Под документом подписались: «законоучитель священник» А. Магнитский, «учитель Аринского училища» Новиков, учитель Алексей Кельбедин, «учитель пения священник» Александр Смирнов* .

Сергей Николаев в 1876 году поступил в Казанскую учительскую семинарию. «Прошение» было написано 23 августа 1876 года на имя директора семинарии Н.И. Ильминского. Там он вместо родной деревни Малая Мушерань указал деревню «Весьшюрга»** (12, л. 46), а в свидетельстве написано: «Предъявитель сего, сын крестьянина Казанской губернии Царевококшайского уезда Себеусадской волости *дер. Малой Мушерани*, *околодки Весь шюрга*, Сергей Николаев, родившийся 16 июля 1859 года…» (12, л. 47). Документы свидетельствуют, что его родная деревня находится в окрестностях (околотках) Весьшурги, от д. Малой Мушерани до д. Весьшурги – 5 км. (13, с. 50).

В Казанской учительской семинарии Сергей Николаев учился в «приготовительном классе». В 1876 году «из черемис» вместе с ним в этот класс были приняты еще четыре ученика: Кузьмин Николай, Федоров Павел, Иванов Михаил и Соколов Петр (14, л. 14 об.). Все пять учеников из мари числятся в «Списке воспитанников семинарии на 1876 год» (15, л. 11, л. 21 об.). В другом деле «Список воспитанников Казанской учительской семинарии и приготовительного при ней класса на 1877 гражданский год» также фигурирует фамилия Сергея Николаева. После краткой записи о нем написано: «на 1 кл.»; который, скорее всего обозначает, что Сергей Николаев из «приготовительного класса» переведен в первый класс Казанской учительской семинарии (16, л. 8).

К сожалению, простой марийский парень из небольшой деревушки Сергей Николаев не успел закончить учительскую семинарию. Он «согласно постановлению Педагогического Совета Казанской учительской семинарии» был уволен из первого класса (12, л. 47). Исключение С. Николаева из семинарии также подтверждает помета («уволенъ изъ 1 кл.»), сделанная простым карандашом в его «прошении» (12, л. 46). Причиной отчисления была «слабость здоровья». В то же время была и другая версия. Касаясь этой гипотезы, в одном документе написано: «по слабоуспешности». Однако эта запись зачеркнута и добавлено выражение «слабости здоровья» (12, л. 47).

Тимофей Артизанов родился в 1848 году. В Казанскую учительскую семинарию поступил в 1873 году, о чем свидетельствует дело под названием «Экзаме-

---

* Смирнов Александр Николаевич – священник Аринской церкви. Составитель трех рукописных двуязычных словарей. Автор рукописной марийской грамматики. В настоящее время они хранятся в Отделе рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного (федерального) университета. Его родной брат Смирнов Иван Николаевич был профессором истории Казанского государственного университета.

** В «Списке воспитанников Казанской учительской семинарии за 1875/76 год, приготовительный класс» фигурирует также деревня «Весь Шюрга» (ф. 93, оп. 1, д. № 88, л. 21 об., также см. ф. 93, оп. 1, д. № 103, л. 8).

национный список учеников 1-го класса Казанской учительской семинарии за 1872/73 академический год» (14, л. 10 об.). Под графой «В 1873 году, из черемис» он значится под № 24. Тимофей Артизанов до поступления в семинарию «воспитывался в сельском училище». В «Списке учеников 1-го класса Казанской Учительской Семинарии к 1 июня 1874 г.» находится фамилия марийского ученика Тимофея Артизанова. В этом списке он значится под номером 47, а в графе «лет» указан его возраст. Ему тогда было 26 лет (17). В конце дела имеется подпись директора семинарии Н.И. Ильминского. Учитывая документ, который относится к 1874 году и возраст, когда ему было 26 лет, мы можем сделать вывод, что он родился в 1848 году. По решению педагогического совета Казанской учительской семинарии от 12 июня 1874 года он был переведен во 2-ой класс. Вместе с ним учились марийские ученики Афанасьев Яков, Васильев Михаил, Аптриев Дмитрий и Жданов Сергей (17, л. 2). В «Ведомости успехам учеников II класса Казанской учительской семинарии по географии за истекший 1874/75 учебный год» у него стоит оценка «3». В «Примечании» отмечено: «чисто владеет русским языком» (18, л. 14). Оценка заверена 30 мая 1875 года преподавателем Владимиром Витевским. В этом же документе находится фамилия Тимофея Артизанова, «крестьянина, из черемис», который окончил начальное народное училище. Сверху над его фамилией написано: «исключить», а в «Примечании» другой рукой отмечено: «выбыл» (18, л. 46 об.). Так ученик 2-го класса Тимофей Артизанов по неизвестным нам причинам был исключен из учительской семинарии. Однако он не выпадал из поля зрения администрации семинарии. Директор этого учебного заведения Н.И. Ильминский постоянно хлопотал о трудоустройстве его на учительскую работу. Это подтверждается официальным письмом инспектора народных училищ «1-го района Вятской губернии за № 452», отправленным 24 сентября 1875 года «господину директору Казанской учительской семинарии». В нем сообщается, что «Все вакатные места учителей находятся в местах населенных русскими, за исключением Пектубаевского училища Яранского уезда, в котором обучается несколько черемис. Что касается *вышедшего из 2 класса* Казанской учительской семинарии Артизанова, *рекомендованного Вашим Превосходительством* помощником учителя в одно из народных училищ инородческих, то о нем я представил Г. (господину. – О.С., Н.Ф.) Директору училищ Вятской губернии, прося его изыскать средства на содержание помощника учителя в Люперсольском одноклассном инородческом училище, где такой человек, как Артизанов, был очень полезен» (18, л. 86–86 об.). В конце документа стоит неразборчивая роспись инспектора народных училищ. Инспектор народных училищ стал ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о выделении денежных средств на должность помощника учителя. Прошло всего четыре месяца со дня приказа министра от 10 января 1876 года о разрешении открыть при Люперсольском инородческом училище данную должность «с назначением на жалование 200 рублей в год» (19, л. 114). Выделенная ставка предварительно была предназначена Тимофею Артизанову. Об этом известно из письма

директора народных училищ Вятской губернии С.А. Нурминского (20, с. 67 – 112) директору учительской семинарии Н.И. Ильминскому. Касаясь бывшего ученика инородческой семинарии Т. Артизанова, С.А. Нурминский пишет: «… я и предполагал бы назначить на это должность (должность помощника учителя Люперсольского училища. – О.С., Н.Ф.) рекомендованного Вам Инспектору народных училищ № 1 района Вятской губернии воспитанника Семинарии Артизанова» (20, л. 14). К сожалению, дальнейшая судьба марийского парня неизвестна. Однако С. А. Нурминский в письме, адресованном Н.И. Ильминскому, попросил Тимофея Артизанова, чтобы он явился на работу в назначенное училище с соответствующим документом. По этому поводу в деле говорится: «Вследствие чего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство объявить Артизанову, чтобы он немедленно отправлялся к месту своего назначения, причем я желал бы, чтобы он выдержал установленное испытание в Казани и заручился свидетельством на звание учителя» (20, с. 114). Письмо было написано 3 февраля 1876 года и отправлено из г. Вятки за номером 175. В конце письма имеется подпись директора училища С.А. Нурминского.

Т. Артизанов в списке, окончивших Казанскую учительскую семинарию, не значится.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.) / Радик Исхаков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

2. *Спаский Н.А.* Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. – Самара, 1900.

3. Тихон Ефремов – автор первого марийского гимна // Морко: замечательные люди удивительного края. – Йошкар-Ола, 2002.

4. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 80 лет. 1930 – 2010. – Йошкар-Ола, 2010.

5. Певец народа: воспоминания и документальные очерки о С.Г. Чавайне / Сост. К. Васин. – Йошкар-Ола, 1988.

6. Пётыр Эмаш // Писатели Марий Эл: биобиблиографический спраочник. – Йошкар-Ола, 2008.

7. *Апакаев П.А.* Просветители Марийского края. – Йошкар-Ола, 1990.

8. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1823.

9. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 125.

10. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 127.

11. НАРТ. Ф. 93. Оп.1. Д. 90.

12. НАРТ. Ф. 93. Оп.1. Д. 85.

13. АТД 1986.

14. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 22.

15. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 88.

16. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 103.

17. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 61.

18. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 64.

19. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. № 7

20. *Степанов А.Ф.* История становления марийской национальной школы. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2008.

Oleg Sergeyev, Nadezhda Fedoseyeva

GRADUATES MARIS OF THE KAZAN TEACHER SEMINARY

The publication is dedicated to Mari graduates of Kazan Teachers' Seminary, which played a leading role in training, education, the establishment of an erudite person, loving and understanding their native language and the people. When the seminary was organized four elementary schools for foreigners to 15 students each, the Tatars were in the Tatar-Epiphany School, which gave the opportunity to teach the native language of foreigners. The first graduates of the Kazan seminary took place in 1875, and the last – in 1918. In the history of Mari culture, language, literature, education, social movement Kazan seminary graduates, who subsequently became eminent Mari personalities, left an unforgettable memory. Some of them were at the beginnings of Mari science. with other names emergence of Mari literature of translation is associated, and others responsible for education. In this article we publish three lists. The first are the names of students by year end of seminary, in the second list of names are given in alphabetical order, and the third – the names of teachers and others who were associated with educational work in Kazan seminary.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Алевтина Войтович
Петрозаводск

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН ЛУГОВЫХ МАРИ

Традиция исполнения свадебных обрядовых песен у мари не угасла и существует до сих пор. Эти напевы у луговых мари называются *сӱан муро* (свадебная песня). Кроме исполнения песен, вплоть до 90-х годов XX века свадебный обряд мари сопровождался игрой на традиционных инструментах – шӱвыр (волынке) и тӱмыр (барабане). Барабан не утратил своих позиций и в настоящее время, а функцию волынки выполняет гармонь. Свадебный обряд мари детально описан в трудах Смирнова И.Н., Иванова И.С. и других авторов (1; 2), поэтому этнографические аспекты свадьбы остаются за пределами настоящего сообщения.

Большая часть песен исполняется поезжанами со стороны жениха – *сӱан вате* и *сӱан марий* (свадебными женщинами и свадебными мужчинами), и поезжанами со стороны невесты – *почеш кайыше* (идущие вслед).

Проблемы региональной характеристики певческого фольклора луговых мари на сегодняшний день всё ещё остаются недостаточно изученными. В песенном творчестве луговых мари можно выделить несколько типовых свадебных напевов, характерных для разных локальных групп. В настоящей работе автор ставит задачу сравнения свадебных напевов, принадлежащих двум локальным стилям луговых мари – *моркинскому* и *сернурскому*, концентрирует внимание на вопросах изучения свадебных песен на различных уровнях: поэтическом, ритмическом, мелодическом, композиционном.

При анализе песен автор опирался как на нотные сборники (3; 4; 5; 6; 7; 8), так и на собственные экспедиционные записи 1993–1998, 2005–2007, 2010 гг.

Локальная группа *моркинских* мари проживает на территории Моркинского, Звениговского, Волжского районов республики Марий Эл.

Локальная группа *сернурских* мари расселена на более обширной территории Сернурского, Новоторъяльского, Параньгинского, Мари-Турекского, части Куженерского районов, Шоруньжинского и Шинышинского сельского советов Моркинского района Республики Марий Эл; Байсинского, Уржумского и Изморского сельского советов Лебяжского района Кировской области.

Опираясь на теоретические положения, разработанные Е.В. Гиппиусом и его учениками, последовательно, на нескольких уровнях, рассмотрим локальные особенности свадебных напевов *сернурских* и *моркинских* песен луговых мари (9, с. 23–36).

Различие двух локальных стилей проявляется уже на первом уровне исследования – анализе **поэтических текстов**. Известно, что в развёртывании поэтических текстов марийских песен определяющую роль играет параллелизм и на его основе строится весь песенный текст. Композиционной единицей поэтического текста в песнях луговых мари является строфа, которая может складываться из двустишья, четырёхстишья, восьмистишья, реже – шестистишья (10; 11).

Принципиальное отличие поэтических текстов свадебных песен *моркинских* мари от *сернурских* состоит в том, что в первом случае строфа включает восемь стихов, а во втором – четыре. Но в обоих случаях стихи силлабические, разделены чёткой цезурой. Количество слогов в стихах колеблется от 8 до 12 в *моркинских* свадебных и от 7 до 9 в *сернурских* песнях. Приведём примеры поэтических текстов свадебных песен, исполняемых участниками свадебного поезда жениха.

Поэтический текст моркинской свадебной песни «Волгенче коеш манын ида ман»

(Не говорите, что молния видна)

Волгенче коеш манын ида ман –	5+5	Не говорите, что молния видна –
Мемнан шовыч туге коеш.	4+4	Наши платочки так видны.
Шем пыл кӱза манын ида ман –	4+5	Не говорите, что чёрная туча поднимается,
Мемнан сывын туге коеш.	4+4	Наши кафтаны так видны
Кӱдырчӧ шокта манын ида ман –	5+5	Не говорите, что гром гремит –
Мемнан тӱмыр туге шокта.	4+4	Наш барабан так играет.
Агытан мура манын ида ман –	5+5	Не говорите, что петух поёт –
Мемнан шӱвыр туге шокта.	4+4	Наша волынка так играет (6, с. 168).

Поэтический текст сернурской свадебной песни «Пун тӧшакым» («Пуховую перину»)

Пун тӧшакым, пун кӱпчыкым,	4+4	Пуховую перину, пуховую подушку
Вакшеш шарен кодена.	4+3	Застелили на кровать.
Йӧратыме шольыланна,	4+4	Любимому брату
Ӱдыр налаш каена.	4+3	Едем за невестой*.

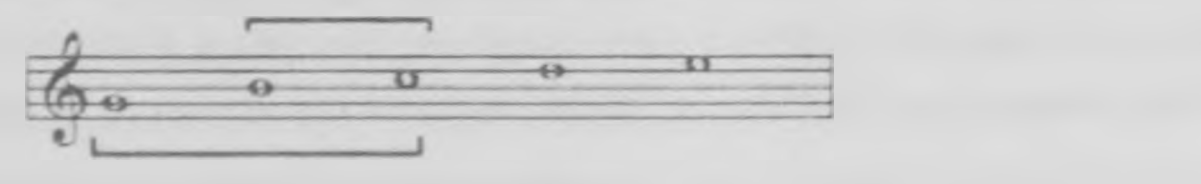
Проанализировав более 150 песен обоих стилей, мы пришли к выводу о том, что в свадебной традиции *сернурских* мари преобладают строфы с коротким стихом, а в традиции *моркинских* мари – строфы с более длинным стихом. Следующий уровень, который учитывался нами при анализе свадебных песен – **ритмический строй**. Здесь различие двух локальных стилей проявляется в том, что

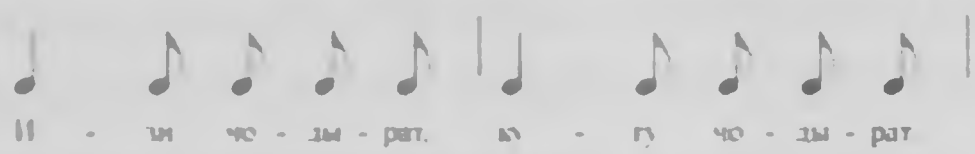
* Записан автором в д. Кучанур Сернурского района Республики Марий Эл в 2003 г. от Е.П. Самарцевой.

ритмический рисунок *сернурских* свадебных напевов основан на ровном движении мелкими длительностями ♪ ♪ ♪ ♪ , а в ритмических рисунках *моркинских* песен преобладает трёхдольность, которая приобретает вид «хорея» ♩ ♪ , часто переходящего в последовательность равных звуков ♪ ♪ ♪ .

В процессе пения при координации песенного стиха с ритмическим строем напева образуются различные формы слогового музыкального ритма (СМРФ). Стиху свадебных напевов *сернурских* мелодий всегда соответствует музыкально-ритмическая форма восьмивременника, внутристиховая цезура которого делит его на две слоговые группы 4+4 (12):

Стихам моркинских мелодий соответствует музыкально-ритмическая форма двенадцативременника (13):

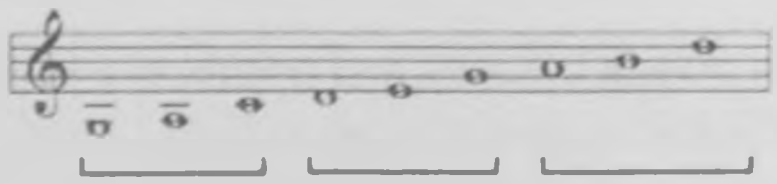
Ритмическое варьирование и в *сернурских*, и в *моркинских* свадебных песнях возникает за счёт дробления и аутментации отдельных времён.

Доказательством того, что свадебные песни двух локальных традиций действительно отличны друг от друга, служит ряд фактов. Прежде всего обратим внимание на **звукоряды** песен.

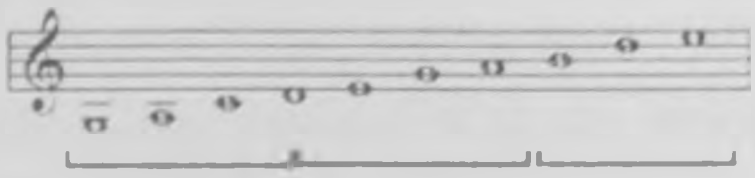
Пятизвучные напевы *сернурских* свадебных песен включает в центральной своей части единственный полутоновый шаг *g-h-c-d-e*, который характерен только для локальной группы сернурских мари:

Для *моркинских* песен характерен более широкий диапазон мелодии – от *g* малой до *e* второй октавы, что позволяет видеть в данном звукоряде симметричные отрезки в виде ангемитонных тетрахордов, трихордов, гексахордов и их либо слитные, либо смежные соединения:

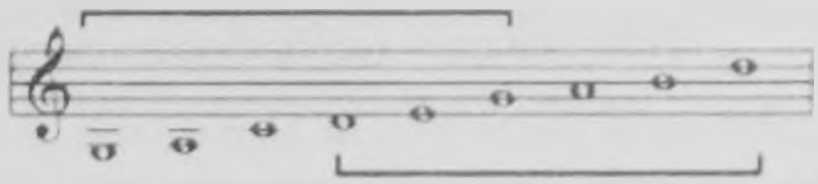
а) смежное соединение трёх трихордов идентичного строения:

в) слитное соединение трёх тетрахордов:
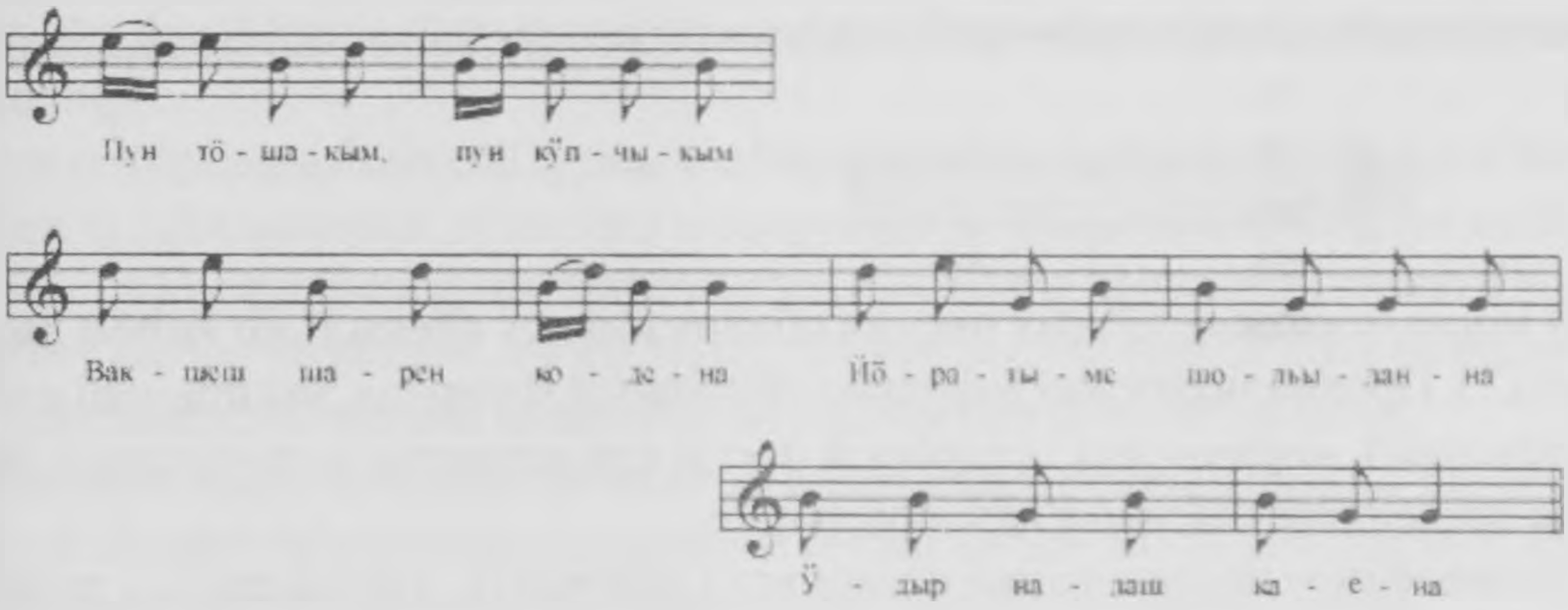

с) соединение двух гексахордов через три общих звука:

Это наблюдение позволяет говорить о высокой степени структурированности данного звукоряда. В свадебных напевах *моркинских* мари закрепился особый принцип звуковысотной организации, модель которого можно представить в регулярном последовании тонов и полутора тонов в виде: 1 т. – 1,5 т. – 1 т. Напевы свадебных песен и моркинских, и сернурских мари имеют нисходящую направленность. Но при этом **мелодическая композиция** *сернурских* напевов явно отличается от поступенно-развёртывающихся *моркинских* напевов. По принципу мелодического развёртывания Н. В. Мушкина (Четкарёва) в *сернурских* свадебных песнях отмечает принцип вариантного соотношения, когда второе предложение является неточным «переносом» первого на более низкий уровень звукоряда (14, с.98).

Свадебная песня сернурских мари
«Пун тӧшакым» (Пуховую перину)
Записана автором в д. Кучанур Сернурского района)

Последовательность мелодических фраз здесь можно выразить следующей композиционной формулой: А
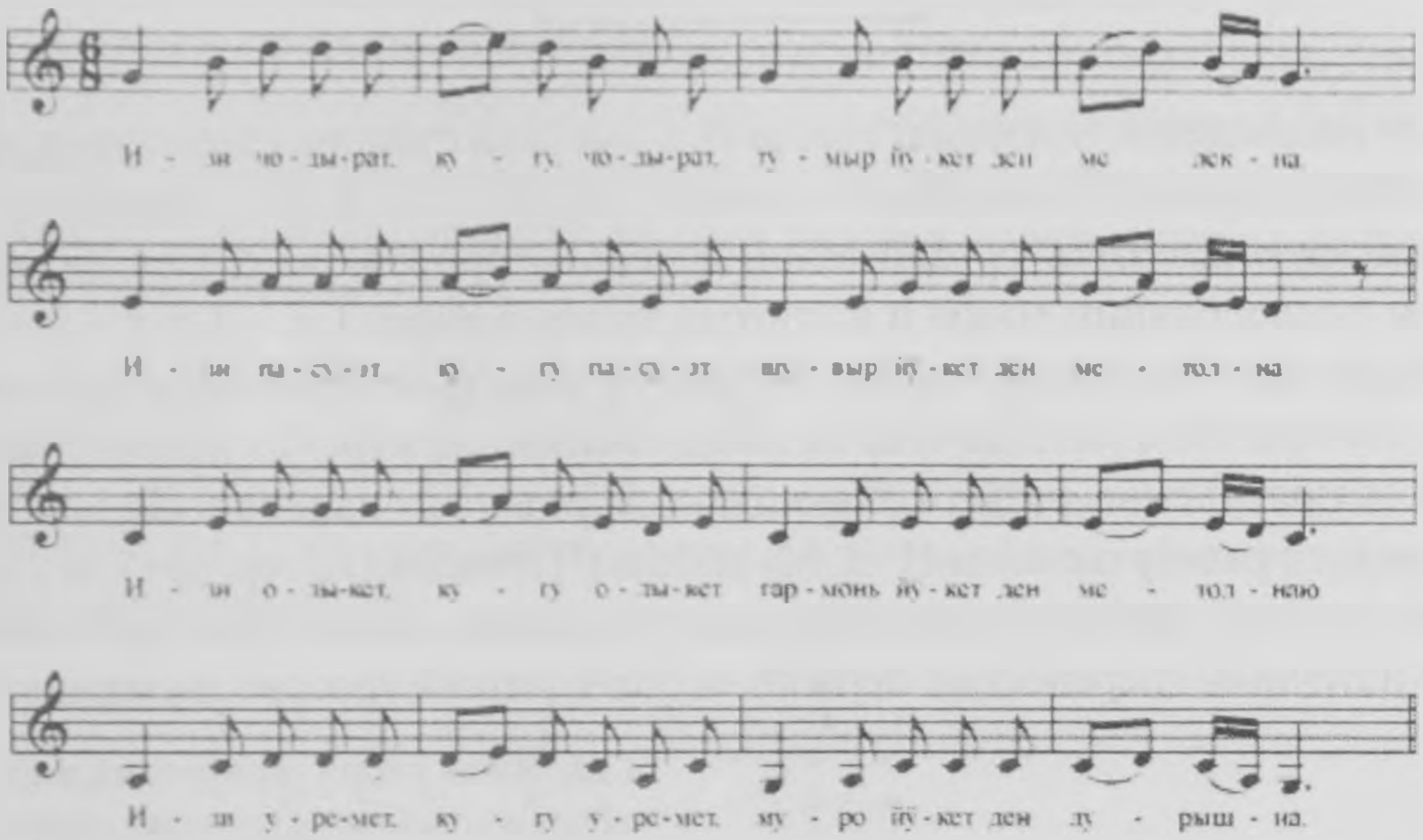
АВ

В

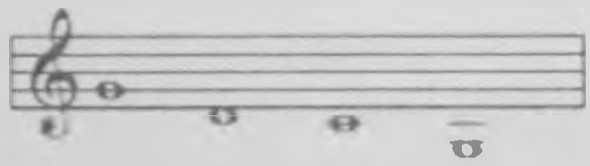
Многоуровневый анализ *сернурских* свадебных песен позволил обнаружить Н.Четкарёвой в основе напевов *сернурских* свадебных песен модальные ладовые образования, принадлежащие **одному ладовому типу**, который характеризуется единым звуковым составом и стабильным положением конечной ладовой опоры на нижней ступени звукоряда (12, с.79–80).

Главным в композиционном строении *моркинских* свадебных песен является последовательность из четырёх симметричных музыкальных фраз, диапазоны которых постепенно «сдвигаются» вниз.

Свадебная песня моркинских мари
«Изи чодырат» («Маленьким лесочком») (4, с.186)

Завершает каждое мелодическое построение каданс – «побочная» опора. Последовательность таких «побочных» опор в напеве определяет тип его ладовой структуры:

В *моркинских* свадебных песнях обнаружились **несколько типов ладовых** форм (13). Проанализировав довольно обширный материал, мы пришли к выводу, что цельность *моркинской* свадебной песни как единства поэтического текста и напева закреплена именно в ладовой форме.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что свадебные песни двух локальных групп луговых мари, *сернурской и моркинской*, неоднородны по своей природе. Локальные стилевые различия свадебных песен закреплены именно в их ладовой и композиционной формах. Следующим этапом работы должно стать изучение и подробное описание свадебных песен ещё одного локального стиля луговых мари – йошкар-олинского, для последующего проведения ареального исследования каждого из выявленных типов и стилей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии и этнографии. – Казань, 1889.

2. *Иванов И.С.* Марий сӱан (Марийская свадьба). – Йошкар-Ола, 1994.

3. *Васильев В.М.* Марий калык муро (Марийские народные песни). – Йошкар-Ола , 1991.

4. *Кульшетов Д.М.* Шернур корнет (По сернурской дороге: марийские народные песни). – Йошкар-Ола, 1990.

5. Марий калык муро (Марийские народные песни) / сост. В. Коукаль. – Л.; М., 1951.

6. *Смирнов К.А.* Олык марий муро (Песни луговых мари). – Йошкар-Ола, 1955.

7. *Шабердин И.Г.* Шернур вел калык муро (Народные песни сернурской стороны). – Йошкар-Ола, 1980.

8. *Эшпай Я.А., Беляев В.М.* Марий калык муро (Марийские народные песни). – М., 1957.

9. *Гиппиус Е.В.* Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Л., 1980.

10. *Бердников В.М., Тудоровская Е.А.* Поэтика марийских народных песен. – Йошкар-Ола, 1945.

11. *Куторов Н.И.* Марийское стихосложение. – Йошкар-Ола, 1976.

12. *Четкарёва Н.В.* Напевы луговых (сернурских) мари // Фольклорная культура и её межэтнические связи в комплексном освещении. – Петрозаводск, 1997.

13. *Войтович А.А.* О песенном искусстве моркинских мари: дипломная работа / Петрозаводская гос. консерватория. Рукопись. – Петрозаводск, 1998.

14. *Мушкина Н.В.* Музыкально-стилевые особенности сернурского песенного диалекта // Проблемы, тенденции и современное состояние искусства в Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2005.

Alevtina Voitovich

STRUCTURAL FEATURES OF WEDDING SONGS OF MEADOW MARI

The tradition of Mari to perform wedding ritual songs has not died away and exists up to now. Meadow Maris call these melodies of wedding songs and sing them throughout the wedding.

One can distinguish several typical wedding melodies in the art of singing of Meadow Mari that are characteristic of various local groups. In the present paper, the author sets herself the task of comparing wedding melodies that belong to two local styles of Meadow Mari; they are the Morki and Sernur styles. We can see the significance of the study of poetic, rhythmic, melodic and compositional peculiarities of wedding songs.

The undertaken research allows us to assert that wedding songs of the two local groups of Meadow Mari are inhomogeneous in their nature. Local differences in the style of wedding songs are fixed exactly in their modal and compositional forms.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

ВАСИЛИЙ ЗАХАРОВ – ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ КАЗАНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ*

Казанская учительская семинария открыта 26 октября 1872 года. У ее истоков стоял видный просветитель поволжских народов Н.И. Ильминский. Он же был и первым ее директором. Н.И. Ильминский родился 23 апреля 1822 года в Пензе в семье протоиерея Николаевской церкви (1, с. 7). В этом году педагогу-миссионеру, ученому-востоковеду Н.И. Ильминскому исполняется 190 лет со дня рождения, а его детищу – Казанской учительской семинарии – 140 лет.

Казанская учительская семинария дала путевку в жизнь и многим марийским парням. Более 140 марийцев являются ее воспитанниками. В первый год в Казанской учительской инородческой семинарии обучались 50 казенных учеников и 7 стипендиатов Чистопольского земства. Среди 57 воспитанников семь человек были жителями Марийского края, из них «черемисы горные» – 5, «черемисы луговые» – 2 (2, л. 1). Одним из представителей горных мари был Василий Захаров.

Из свидетельства, написанного рукой Василия Захарова, узнаем: «Василий Захаров Захаров, сын крестьянина из черемис» родился 4 января 1852 года в деревне Другой Юльшудермар Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне д. Куликалы Картуковского сельского поселения Горномарийского района Республики Марий Эл – *О.С.*). О дате его рождения и крещения свидетельствует документ за подписью священника села Владимирского Константина Нечаева и дьячка Флегонта Нечаева. Согласно этому же документу, отца маленького Василия звали Захар Яковлев, а мать – Прасковья Иванова. В деле написано: «Сим свидетельствуем, что Казанской епархии Козьмодемьянского уезда села Владимирского в метрических книгах церкви Владимирской значится, что указанного из черемис крестьянина деревни Другой Юл-Шудермар Захара Яковлева и жены Прасковьи Ивановой родился сын Василий 1852 года января 4 дня, который крещен того же года и месяца 5-го дня; при крещении его был восприемником той же деревни коренного из черемис крестьянина Игнатия Прокопьева сын Ефим Проковьев». Свидетельство выдано «1872-го года сентября 20-го дня» (3, л. 10; см. также: 4, л. 12 об.).

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 11-14-12001 а/В

Василий Захаров обучался в Казанской учительской семинарии на казенный счет с 26 октября 1872 года по 10 июня 1876 года. При поступлении в семинарию он написал «прошение» «Его Превосходительству, Господину директору Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминскому», оно сохранилось в Национальном архиве Республики Татарстан. К своему заявлению он приложил метрическое свидетельство и согласие своего отца Захара Яковлева. «Прошение» было написано «1872 года сентября 27 числа». В этом документе имеется помета: «Уволен по окончании за № 6 – 1876 года».

Из курса в курс он учился старательно, был прилежным учеником. о чем подтверждают сохранившиеся архивные документы. Например. в деле «Переводные экзамены в Казанской учительской семинарии» (1873 г.) в числе переводимых учеников во 2-ой класс числится и Василий Захаров, «как оказавший по всем предметам удовлетворительные успехи» (5, л. 2). В списке воспитанников 3-го класса на 1875/1876 учебный год и «на испытании 22 мая 1878 года» по географии у него «годовая отметка» была 4, а «отметка по испытании» – «весьма удовлетворительно (4)», что подтверждается подписью преподавателя учительской семинарии Степана Смоленского (6, л. 10). О его старательности свидетельствуют оценки на экзаменах и по другим предметам: Захаров Василий (в списке он под № 8) «крестьянин, черемис, учился в братской сельской школе; священная и церковная история – 4, русский язык – 3, славянский язык – 5, наглядное объяснение тел и явлений природы – 5, геометрия – 3, русская история – 4, география – 5, поведение – 5». А по таким предметам, как катехизис и богослужение, церковное пение. арифметика, педагогика графы пустуют. Внизу – подпись преподавателя: А. Сердобольский (7, л. 11 об.).

В журнале заседания Педагогического совета Казанской учительской семинарии от 12 июня 1874 года читаем: «Рассматривали: … относительно воспитанников 2-го класса 1) перевести из них в 3-й класс следующих: … черемисина Захарова Василия». Имеется примечание, где говорится: «Так как … Переухин Степан, Захаров Василий заявили желание остаться во 2-м классе еще на год, первый – для большого усвоения математических и физических знаний, а прочие – инородцы – для усовершенствования в русском языке, то суждение об этом отложить до окончания вакации» (6, л. 1). На заседании присутствовали: «директор; законоучитель, учитель Иван Сердобольский; преподаватель Остроумов и преподаватель Александр Сердобольский. Мнения же отсутствующих учителей Благовидова и преподавателя Смирнова написаны в представлениях или заблаговременно спискам» (8, л. 1).

В этом же деле имеется «Список учеников Казанской учительской семинарии к 1 июня 1874 г.». В списке 2-го класса находим фамилию и имя Захарова Василия. Указан его возраст – 22 года. Из материала узнаем, что он до поступления в семинарию «воспитывался» дома. В конце дела стоит подпись директора семинарии Н.И. Ильминского.

Василий Захаров, «звания крестьянин, племени черемис», закончил Казанскую учительскую семинарию в 1876 году, «номер свидетельства об окончании курса –

301» (9, л. 120). Свидетельство выдано 30 июня 1876 года, оно следующего содержания: «Предъявитель сего, Василий Захаров Захаров, сын крестьянина из черемис, родившийся Казанской губернии Козьмодемьянского уезда в деревне Другой Юльшудермар 4 января 1852 года, обучался в Казанской учительской семинарии на казенный счет с 26 октября 1872 года по 10 июня 1876 года и окончил **полный курс** положенных уставом учебных предметов. Во все время учения был поведения отличного и в преподаваемых предметах оказал успехи:

В Законе Божием – очень удовлетворительные
Педагогике – удовлетворительные
Русском языке – удовлетворительные
Церковно-славянском языке – очень удовлетворительные
Арифметике и Геометрии – весьма удовлетворительные
Русской истории – очень удовлетворительные
Географии – очень удовлетворительные
Естествознании – весьма удовлетворительные
Чистописании и черчении – удовлетворительные
Церковном пении – весьма удовлетворительные.
Кроме того обучался гимнастике и ремеслам: переплетному.

Окончив полный курс учения в учительской Семинарии, он, Захаров, на основании п. б. ст. 17 Высочайше утвержденного 17 марта 1870 г. Положения удостоен Педагогическим Советом Казанской Учительской Семинарии звания учителя начального училища.

На основании ст. 10 Высочайше утвержденного 27 марта 1872 года Положения о Казанской Учительской Семинарии, за казенное содержание в оной он, Захаров, обязан послужить в должности учителя сельского народного училища не менее **шести лет**.

Как успешно окончивший курс учения в Казанской Учительской Семинарии, он, Захаров, по отправлению воинской повинности, пользуется льготами, предусмотренными *третьему разряду* по образованию.

В удостоверение чего и выдано ему, Захарову, сие свидетельство за надлежащим подписом с приложением печати Семинарии. Город Казань. Июня 30 дня 1876 года».

Внизу – подписи «членов Педагогического Совета Казанской Учительской Семинарии:

Директор семинарии: Н. Ильминский

Законоучитель: Священник Никифор Каменский, М. Федоров, Ив. Сердобольский, Вл. Витевский, С. Смоленский, А. Сердобольский, Н. Остроумов» (3, л. 9 об.).

«Отчет о состоянии Казанской учительской семинарии за 1876 год» свидетельствует, что «из числа окончивших в 1876 году курс воспитанников Семинарии благонадеяснейшим представлялся горный черемисин Василий Захаров» (там же). После окончания учительской семинарии по поручению директора данного учебного заведения Н.И. Ильминского его как прилежного выпускника «для приготови-

тельного ознакомления с луговым наречием на летнее вакационное время» направили «в деревню Унжу Царевококшайского уезда (ныне с. Шор-Уньжа Моркинского района Республики Марий Эл – *О.С.*) в черемисское одноклассное училище Министерства Народного Просвещения» (там же).

После командировки, как отмечает Н.И. Ильминский, «вследствие моего представления Господина Попечителя Казанского учебного округа, предложением от 15 сентября 1876 года за № 4123, допустил Василия Захарова к и.о. учителя черемисской при Семинарии школы» (2, л. 91–91 об.). Это же подтверждается официальным письмом попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова, адресованным директору Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминскому. В частности, в нем говорится «о допущении окончившего в нынешнем году курс в учительской семинарии из черемис Василия Захарова к исправлению должности учителя, при вверенной Вам учительской семинарии черемисской школы …». В данном же документе указана заработная плата: «триста рублей в год из штатной на сей предмет суммы …» (3, л. 2).

В новую «черемисскую школу», открывшуюся при семинарии, надо было набрать учеников. Учиться дети шли неохотно, особенно проблема комплектования была с детьми «луговых черемис». Василий Захаров лично выезжал в марийские села и деревни, проводил собеседования с родителями, агитировал детей. Так, например, по материалам одного документа, «Захаров отправился в село Сотнур Царевококшайского уезда (ныне с. Сотнур Волжского района Республики Марий Эл – *О.С.*), отстоящее от Казани всего в 40 верстах …» (2, л. 91 об.). Директор учительской семинарии Н.И. Ильминский «снабдил его частным письмом к местному Священнику, прося последнего оказать Захарову свое содействие в наборе мальчиков. Нужно было Захарову, в сопровождении духовного лица, обойти почти все дома села и съездить в несколько деревень того же прихода, чтобы уговорить пять-шесть мальчиков с согласия их родителей, отправиться в Казань для обучения в Семинарии школе, но и те чуть не отказались. Чтобы не лишить и этой малой добычи … Захаров ускорил повезти их в Казань несмотря на слякоть, холод и снег. Это было 26-го Сентября 1876 года» (2, л. 92). Из дела становится ясно, что В.Захаров «нанял подводы на свой счет» и привез сотнурских ребят в Казань. В ноябре и декабре этого же года «прибыло несколько мальчиков-горных черемис из Козьмодемьянского уезда, которые не смотря на дальнее расстояние (около 300 верст) охотно и на свой счет приехали в Казань по одному только письму Захарова, потому что они лично знают его и верят ему» (2, л. 92 об.). Многочисленные документы подтверждают то, что эти «мальчики-горных черемис» были выходцами той местности, откуда был родом Василий Захаров. Была неукомплектованность не только марийских «инородческих» классов, но и чувашских, мордовских («мордва тоже отказалась приехать учиться»).

По словам Н.И. Ильминского, «ласковое обращение учителя Захарова, приветливость воспитанников и наставников Семинарии, а вместе с тем содержание … скоро ободрили и воодушевили маленьких Царевококшайских дикарей (о детях

луговых мари – *О.С.*) и они охотно принялись за грамоту и не скучали по родине, но даже на Рождественские праздники не захотели съездить домой, хотя родители и приезжали за ними» (2, л. 93).

В деле «О крещении черемисского мальчика Федора Якаева Ванюшкина (он же Иванюшкин – *О.С.*) и … поступления в число учеников черемисского при семинарии училища» за 1878 год имеется удостоверение, «где руку приложил учитель черемисской школы Василий Захаров 1878 года 13 марта» (10).

Из «прошения», написанного в 1879 году «его Превосходительству Господину Директору Казанской Учительской Семинарии» «учителя начального черемисского, при той же Семинарии, училища Василия Захарова», узнаем, что он хочет создать семью. Касаясь этой темы, В. Захаров пишет: «Желая вступить в брак с дочерью крестьянина, девицею Марфою Гурьевною Фомичевою, – имею честь почтельнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче мне на этот предмет разрешения». Заявление было написано в г. Казани «апреля 12 дня 1879 года».

В связи со вступлением В. Захарова в брак попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков вышел с ходатайством к директору семинарии Н.И. Ильминскому о том, чтобы повысить ему заработную плату. Так с 1 января 1880 года В. Захаров вместо 300 рублей стал получать 420 рублей (3, л. 3).

Из ценнейшего документа, именуемого «Вид», мы можем узнать много о дальнейшей судьбе первого учителя марийского языка Казанской учительской семинарии Василия Захарова. Он как учитель успел поработать всего четыре года. К 1880 году у него была другая фамилия, В. Захаров был известен как Василий Захарович Малиновкин. С 13 мая по 1 сентября 1880 года ему предоставили отпуск. К этому времени у Василия Захаровича и Марфы Гурьевны был четырехмесячный сын Дмитрий (Дмитрий [Дмитрий Васильевич Захаров или Дмитрий Васильевич Малиновкин?] родился предположительно в январе 1880 г. – *О.С.*). Эти факты подтверждаются документом, где зафиксировано: «Предъявитель сего, учитель начальной черемисской, при Казанской Учительской Семинарии, школы, Василий Захарович Малиновкин (слово *Малиновкин* снизу подчеркнуто толстой линией – *О.С.*), согласно прошению уволен в отпуск, на вакационное время в Казанскую и Нижегородскую губернии, сроком от нижеписанного числа по первое сентября сего 1880 года. При нем жена Марфа Гурьевна и *четырехмесячный сын их Дмитрий* (выделенное курсивом сочетание вычеркнуто по середине – *О.С.*). В удостоверение чего и дан ему, г. (господину – *О.С.*) Малиновкину, сей вид, за надлежащим подписом, с приложением печати Семинарии. Город Казань. Мая 13 дня 1880 года». «Вид» подписан «директором Казанской Учительской Семинарии, Действительным Статским Совета и Кавалером» Н.И. Ильминским (3, л. 11). Из следующего документа данного же фонда узнаем печальную весть, что после непродолжительной, но тяжелой болезни 4 августа 1880 года В.З. Захаров (Малиновкин) умер. Его похоронили 5 августа на родине около церкви Владимирское (ныне входит в состав Горномарийского района Республики Марий Эл – *О.С.*). Сказанное подтверждаем письмом священника села Владимирское Константина Нечаева и псаломщика это-

го же села Флегонта Нечаева: «1880 года, августа 5 дня, Вышеозначенный Учитель начальной черемисской, при Казанской Учительской Семинарии, школы Василий Захарович Малиновкин, после непродолжительной но тяжкой болезни, умер сего месяца Августа 4 дня и того же Августа 5-го дня по обряду православной церкви предан Земле при Церкви села Владимирского Владимирский, в чем и дается сим … (из-за очень плохого почерка последнее слово не поддается расшифровке – *О.С.*)». Подпись заверена печатью с изображением церкви и со следующим текстом: «Града Казани Борисо-Глебской церкви» (3, л. 11–11 об.). Необходимо констатировать то, что в семинарские годы Василий Захаров иногда болел. Например, в «Ведомостях успехам учеников II класса Казанской учительской семинарии по Географии за истекший 1874/75 учебный год» стоит оценка «3» и в примечании, сделанном 30 мая 1875 года преподавателем Владимиром Витевским, отмечено: «3 недели был болен» (11, л. 14). Пропущенные дни по уважительным причинам и сказывались на результате учебы. Очень печально и то, что через 26 дней скоропостижно скончалась его супруга, оставив в круглой сироте 6–7 месячного Дмитрия. Марфа Гурьевна Фомичева похоронена 1 сентября 1880 года на Арском кладбище. Об этом свидетельствует материал, подписанный священником Михаилом Пот… (дальше не разборчивая роспись – *О.С.*) и исполняющим должности псаломщика Иоанном Тюрлеминским, закрепленный печатью Борисо-Глебской церкви «града Казани». В деле написано: «У означенного в сем виде учителя Василия Малиновкина жена Марфа Гурьева 30-го августа сего 1880 года волею Божиею померла от воспаления в легких, а 1-го сентября отпета в Борисоглебовской церкви г. Казани и предана земле на Арском кладбище. Что и удостоверяем означенной Борисоглебской церкви» (11, л. 11 об.).

В. Захаров (Малиновкин)* прожил короткую жизнь. За свои 28 лет и восемь месяцев он успел сделать немало в деле просвещения, образования родного народа. Как учитель марийского языка, он привил любовь к родной речи, к родному народу многим детям. В.З. Захаров (Малиновкин) является одним из просвещенных людей марийского народа второй половины XIX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Знаменский П.* На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия. – Казань: Типогр. Н.А. Ильяшенко, 1892.

2. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 17.

3. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 86.

4. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 88.

5. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 38.

6. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 89.

---

* Следует отметить, что в списке «окончивших курс воспитанников с основания Семинарии за 1875–1918 гг.» он фигурирует под фамилией Захаров: *Захаровъ Василій*, чер. (черемис – *О.С.*), 1878 г. (12). Годом окончания учительской семинарии почему-то указан 1878 год. По другим материалам архива известно, что он окончил семинарию в 1876 году.

7. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 90.
8. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 61.
9. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 81.
10. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 126.
11. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 64.
12. НАРТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1823.

Oleg Sergeyev

VASILIY ZAKHAROV – THE FIRST TEACHER OF THE MARI LANGUAGE IN KAZAN TEACHER SEMINARY

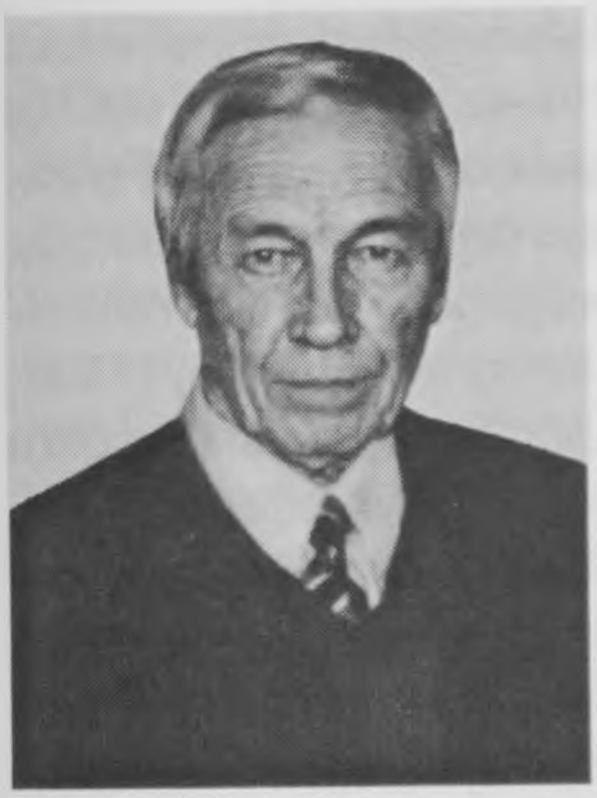
Kazan Teachers' Seminary is opened in October 26, 1872. Opening of seminary for foreigners associated with the name of a prominent educator of peoples of the Volga, teacher, missionary, professor of oriental languages, N. Ilminskiy. From 1872 to 1918 years in Kazan seminary more than 140 Maris are trained. Zakharov (Malinovkin) has studied at the seminary from 1872 to 1876. After a full course of the seminary, he received a certificate of teachers' «Initial Cheremis school». V.Z. Zakharov began his pedagogical career as a teacher of Initial Cheremis school at Kazan seminary. He was diligent teacher, respected among his students and colleagues. At the seminary he has worked all four years. After a short but severe illness he died in August 4, 1880. V.Z. Zakharov was buried near the church Vladimirskoye in the homeland of modern Gornomariyskiy region of the Republic of Mari El.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

ПЕРСОНАЛИИ

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ Г.А. СЕПЕЕВА

Геннадию Андреевичу Сепееву, известному в России и за рубежом этнографу, 5 февраля 2012 года исполнилось 80 лет. Он внес значительный вклад в изучение традиционной и современной культуры родного этноса. Геннадий Андреевич плодотворно работал более 40 лет в отделе этнологии МарНИИЯЛИ.

Г.А.Сепеев родился в семье учителей в селе Куженер Сернурского района (ныне Куженерский район). В 1939 году он поступил учиться в первый класс Конганурской начальной школы. В 1942 году отец Геннадия Андреевича Андрей Петрович Сепеев уходит на фронт, где погибает в декабре этого же года. Мать Г.А. Сепеева Евдокия Семеновна с тремя детьми, из которых Геннадий Андреевич старший, переезжает на родину мужа в деревню Дубники Сернурского района. Здесь Геннадий Андреевич закончил с отличием семилетнюю школу в 1946 году, получил похвальную грамоту. Его мать, несмотря на трудности, старалась дать образование своим детям. В 1946 г. Г.А. Сепеев становится студентом Сернурского педучилища, которое заканчивает в 1950 году. В то время в педучилищах давали разносторонние и глубокие знания, обучали музыкальной грамоте и игре на инструментах. Так, Геннадий Андреевич научился играть на скрипке. Он прилежно учился, поэтому его после окончания педучилища в 1950/51 учебном году направили работать в Дубниковскую, а затем Нижне-Кугенерскую семилетнюю школу.

С детских лет Г.А. Сепеев интересовался историей, поэтому решил продолжить свое образование. В 1951 году он успешно сдает экзамены на историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института

им. Н.К. Крупской и снова становится студентом. В институте Г.А. Сепеев проявил способности к научно-исследовательской работе. Марпединститут Геннадий Андреевич заканчивает с отличием в 1955 году. Необходимо подчеркнуть, что многие выпускники 50-х годов впоследствии стали известными марийскими учеными.

По окончании института в течение 2 месяцев он работал учителем истории и географии в Аринской средней школе Сотнурского района (ныне Моркинский район).

С октября 1955 по апрель 1958 года Г.А. Сепеев служил в рядах Советской Армии. После демобилизации он в течение 1,5 месяца работал воспитателем Токтай-Белякского детского дома Куженерского района. С августа 1958 по август 1961-го он работает учителем истории, а последние два года заведующим учебной частью Мустаевской средней школы Сернурского района. В те годы Мустаевская средняя школа была известна в республике, здесь долгие годы работал талантливый педагог и краевед В.М. Мамаев. Молодой историк в школе проявляет интерес к культуре и истории своего родного края. Заслугой Геннадия Андреевича является сбор этнографических предметов для школьного краеведческого музея, открытие которого приурочено к 70-летию школы. В создании музея помогла книга Т.А.Крюковой по материальной культуре марийцев XIX века, а также его знания культуры и быта народа с детства. Открытие музея состоялось в 1960 году. Геннадий Андреевич заинтересовался этнографией. В Марийском научно-исследовательском институте в те годы не было дипломированных этнографов, поэтому талантливому педагогу предложили поступить в очную аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР по специальности этнография. Для поступления в аспирантуру Г.А. Сепеев написал реферат по марийской свадьбе. Он успешно сдал вступительные экзамены в аспирантуру, где обучался с 1961 по 1964 год. Научным руководителем был назначен известный этнограф, доктор исторических наук, профессор Н.И. Воробьев – исследователь этнографии народов Поволжья и Приуралья. Он определил научно-исследовательскую тему для аспиранта. Г.А. Сепеев выбрал темой исследования материальную культуру восточных марийцев, которая была мало изученной областью в этнографии. В годы учебы он получил хорошую академическую научно-исследовательскую подготовку. Прежде всего аспирант стал тщательно изучать литературу и источники по данной этнографической группе марийцев. Г.А. Сепеев в аспирантские годы кропотливо работал, собрал значительный архивный, музейный, опубликованный материал по диссертационной теме. Очень важными для исследования были и экспедиции, проведенные им на территории проживания восточных марийцев. Экспедиционные материалы были необходимы для исследования, они показывали общее и особенное в культуре данной этнографической группы. Для него было важно окунуться в среду обитания носителей культуры. Собирая этнографический материал, Г.А. Сепеев сделал вывод о том, что культура восточных марийцев имеет много общего с поволжскими марийцами, но также она претерпела значительную аккультурацию со стороны соседних тюркских народов (татары, башкиры).

Завершив обучение в аспирантуре в 1964 г., Г.А. Сепеев стал работать в МарНИИ младшим научным сотрудником отдела истории. Он продолжал работать над диссертацией («Материальная культура восточных марийцев»), а также изучал культуру луговых и горных марийцев, проводил ежегодные этнографические экспедиции. Отдельные аспекты истории и культуры восточных марийцев, анализ выявленных источников рассматривались в ряде его работ: «Архивный документ первой половины XVIII в. о восточных марийцах» (1965), «К вопросу о переселении марийцев в Прикамье и Приуралье» (1967), «К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев» (1967), «Несколько замечаний о материальной культуре восточных марийцев» (1964), «Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных марийцев» (1967), «Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник» (1970) и др.

В 1973 году Геннадий Андреевич успешно защитил кандидатскую диссертацию. На основе исследовательской работы он подготовил монографию «Восточные марийцы», которая была опубликована в 1975 году Марийским книжным издательством. Много лет это исследование пользуется заслуженным признанием не только ученых, но и студентов, всех кто интересуется историей и культурой марийского народа. В книге на основе широкого круга источников и опубликованной литературы исследованы вопросы миграции марийцев из Поволжья в Прикамье и Приуралье, формирование группы восточных марийцев со своеобразными чертами хозяйственного быта и материальной культуры. Автор подробно рассмотрел время и масштабы миграций. причины вызвавшие переселение, топонимы и родовые названия восточных марийцев. В монографии подробно характеризуется хозяйство, социально-экономическое положение во второй половине XIX – начале XX веков, занятия и промыслы данной группы марийцев. Отдельные главы исследования посвящены подробному анализу различных форм поселений, жилищ, построек (гл. III), одежды, обуви, головных уборов (гл. IV), характеристике пищи и утвари (гл. V). Анализируя традиционную культуру данной этнографической группы, Геннадий Андреевич выделил в ней четыре локальные группы, отличающиеся специфическими особенностями в материальной культуре: прикамская, прибельская, икско-сюньская, уральская.

Книга охватывает культуру восточных марийцев во взаимосвязи с культурой других народов Поволжья и Приуралья с учетом экологических, политических, социально-экономических и этнических факторов. Монографическое исследование написано в лучших традициях этнографической науки. Публикация этой книги – одно из самых знаменательных событий в научной и культурной жизни республики в 70-х годах прошлого столетия.

Геннадий Андреевич всегда был верен институту, он работал в МарНИИ на должности младшего (1964–1973) и старшего (1973–1975, 1983–1986) научного сотрудника (до 1969 года – в секторе истории, затем в секторе археологии и этнографии).

С 1975 по 1983 годы Г.А.Сепеев возглавлял сектор археологии и этнографии, в 1986–1992 гг. – сектор этнографии, в 1992–1998 гг. – отдел этнографии, с 1998 г. – ведущий научный сотрудник отдела этнологии.

Стараниями Геннадия Андреевича сектор пополнился выпускниками географического факультета Казанского университета и историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Он сыграл большую роль в подготовке молодых специалистов, читал лекции в университете по общей этнографии и этнографии марийцев, руководил курсовыми и дипломными работами студентов. Под его научным руководством писали свои первые студенческие этнографические работы, ездили в экспедиции для сбора полевого материала И.А. Андреев, В.Н. Петров, Т.Л. Молотова, которые впоследствии пришли работать в его сектор и продолжили свое этнологическое образование в аспирантуре Института антропологии и этнографии АН СССР. В 1986 году был создан сектор этнографии, который он возглавлял до 1998 года.

Заслугой Геннадий Андреевича является и издание совместно с археологами тематического сборника «Археология и этнография Марийского края», первый выпуск которого вышел в 1976 году. В настоящее время издано 30 сборников этой серии.

За многие годы работы в институте Геннадий Андреевич стал высококвалифицированным специалистом с энциклопедическими знаниями, внёс огромный вклад в исследование этнографических проблем. Им опубликовано около 200 статей, очерков, монографий и других работ на историко-этнографические темы, которые широко известны и российским, и зарубежным этнологам. Он является научным и ответственным редактором, членом редколлегии свыше 20 тематических сборников и монографий, изданных институтом.

Основным направлением в тематике исследований Геннадия Андреевича является комплексное историко-сравнительное изучение хозяйства и материальной культуры марийцев и их этнических групп, отдельных хозяйственных и культурно-бытовых отраслей и форм, с выделением исконных и заимствованных, традиционных и современных элементов, общих черт и локальных особенностей, формирующихся и изменяющихся под влиянием разных факторов.

Г.А. Сепеев подробно исследовал конкретные формы традиционной и современной материальной культуры, некоторые из них были мало изучены ранее. В монографиях и статьях он показал эволюцию поселений, жилищ, интерьер и планировку жилищ, рассмотрел особенности земледелия, пчеловодства, средств передвижения, традиционной пищи и др. Геннадий Андреевич в своих исследованиях рассматривал формы традиционной и современной культуры в сравнении с соответствующими формами соседних народов: «Современное жилище марийского сельского населения» (1971), «Материалы к истории пчеловодства» (1979), «Традиционная пища луговых марийцев» (1981), «Основные элементы украшения марийского жилища» (1981), «Особенности типологии и планировки марийских поселений» (1982), «Национальное и интернациональное в материальной культуре марийского народа» (1984), «О некоторых общих традициях в культуре поволжских финно-угров» (1986), «Этнические традиции в питании марийского населения» (1986), «О средствах передвижения марийцев» (1987), «Марийско-русские этнокультурные взаимосвязи по материалам Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии (1991) и др.

В статьях Геннадия Андреевича рассматриваются современные этнические процессы, которые ярко проявлялись не только в материальной культуре, но и в сферах быта, демографических показателях марийского населения: «Основные черты этнических процессов у марийцев» (1976), «Современные этнические процессы и материальная культура марийцев» (1987), «Этносоциальные процессы и этнические традиции в современной марийской деревне» (1990) и др.

Характерной чертой его как исследователя является хорошее знание работ по этнографии марийцев как отечественных, так и зарубежных ученых. Немало работ Г.А. Сепеева посвящены истории этнографического изучения марийцев российскими и иностранными учеными и краеведами в дореволюционный и советский периоды, оценке деятельности и вклада этих авторов в этнологическую науку. Заслугой Геннадия Андреевича является выявление и публикация малодоступных этнографических работ в целях пропаганды исторических знаний среди населения. При его содействии в «Археографическом вестнике» вовлечены в научный оборот ценные рукописи, редкие статьи из фондов научных учреждений и архивов. По его инициативе в отделе этнографии начата подготовка серийного издания «Этнографическое наследие», первый вышедший том посвящен календарно-праздничной обрядности.

За годы работы Геннадий Андреевич собрал значительный полевой материал о культуре марийцев в различных областях и республиках России, его полевые дневники и экспедиционные отчеты обогатили научно-рукописный фонд института. Он участвовал в этнографических экспедициях совместно с сотрудниками Государственного музея этнографии народов СССР, Научно-краеведческого музея Марийской АССР, Национального музея Финляндии.

Г.А. Сепеев тесно сотрудничает с историческими кафедрами МарГУ, будучи преподавателем-почасовиком на отделении истории университета, помимо чтения спецкурса выступал на конференциях, руководил около 20 курсовыми и 10 дипломными работами студентов, рецензировал более 30 дипломных работ. Он является членом редколлегии журнала-ежегодника «Марийский археографический вестник», который выпускает МарГУ.

Геннадий Андреевич никогда не отказывал в научных консультациях министерствам, учреждениям культуры. Так, в 60–70-х годах он консультировал театральных художников по народному костюму и реквизиту при постановке первой национальной оперы и балета, руководителей первого фольклорно-этнографического ансамбля «Марий памаш». В начале 80-х годов Геннадий Андреевич помогал своими консультациями в проекте застройки Музея крестьянского труда и быта (Этнографический музей под открытым небом) в г.Козьмодемьянске, открытого к 400-летию основания города. В 2000 году он принимал участие в экспертизе архитектурно-планировочного проекта «Марийская усадьба» для Музейного комплекса усадеб финно-угорских народов в г. Залаэгерсег (Венгрия).

Геннадий Андреевич в конце 80 – начале 90-х годов принимал участие в научно-методическом руководстве двухгодичным экспериментальным обучением по пред-

мету «Этнография и краеведение», осуществленным в 10-х и 11-х классах двух школ по рекомендации Института национальных проблем образования (ИНПО) Министерства образования Российской Федерации. Он возглавил авторский коллектив по подготовке учебного пособия для старшеклассников «Этнография марийского народа», которое издано в 2000 году и 2001 году на марийском и русском языках. Г.А. Сепеев является автором и рецензентом хрестоматии по курсу «История и культура марийского народа». Написанные им материалы включены в хрестоматии для 8–9-х и 10-х классов.

Геннадий Андреевич пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди сотрудников института. Молодое поколение часто обращается к нему за советом или сведениями по традиционной культуре марийцев, он всегда старается помочь, так как обладает широкими знаниями и эрудицией. Для нас сотрудников отдела Геннадий Андреевич большая опора и пример самоотверженного труда в науке.

Значительный вклад Г.А. Сепеев внес в исследование истории расселения марийцев, в 2006 году была опубликована его монография по данной теме (История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006). В монографии история расселения рассматривается с формирования этноса до настоящего периода. На основе широкого круга источников и литературы хронологически показаны изменения этнической территории, основных ареалов и массивов расселения марийцев под влиянием различных факторов. Книга состоит из введения, четырех глав, заключения. Первая глава посвящена расселению марийцев в эпоху Средневековья (середина I – середина II тыс.н.э.), вторая глава освещает расширение ареалов расселения марийцев в середине XVI–XVIII веков, в следующей главе рассматриваются основные ареалы расселения марийцев в XIX – начале XX веков, в последней главе анализируется расселение марийцев в послеоктябрьский период.

Геннадий Андреевич достойно представлял марийских ученых на многих научных конгрессах и конференциях (международных, всесоюзных, всероссийских, региональных и др.). Представленные им доклады публиковались в Турку (Финляндия), Ленинграде, Ташкенте, Ижевске, Уфе, Петрозаводске, Сыктывкаре, Ереване и других городах. Признанием научного авторитета и учебно-педагогической деятельности являются его награды: Почетная грамота Президиума Верховного Совета Марийской АССР (1980), почетные грамоты министерств образования и культуры, звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (1994). С 1989 года Геннадий Андреевич является зарубежным членом Финно-угорского общества(Финляндия).

Несмотря на то, что Геннадий Андреевич в настоящее время находится на заслуженном отдыхе, он ведет активный образ жизни, выступает с докладами на научных конференциях, является членом общества краеведов, занимается научными исследованиями. Так, в настоящий период он собирает материал по истории Сернурского педтехникума, выпускником которого он является.

Коллектив МарНИИЯЛИ и общественность Республики Марий Эл сердечно поздравляют Геннадия Андреевича со славным юбилеем, желают крепкого здоровья, творческих успехов во всех делах и долгих-долгих лет жизни!

ПУБЛИКАЦИИ Г.А. СЕПЕЕВА ЗА 2000–2010 ГОДЫ

В соавт. с Петровым В.Н. Пища и утварь // Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: «Наука», 2000. – С. 234–241. – (Народы и культуры).

Марий калыкын этнографийже: кугурак кл. тунемше-вл. пособий / Г.А.Сепеев ямдылен. – Йошкар-Ола, 2000. – 207 с.

Вклад Т.А.Крюковой в этнографическое изучение марийского народа // Марийский археографический вестник. – 2000. – № 10. – С. 61–82.

Поселения и жилища // Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: «Наука», 2000. – С. 216-234. – (Народы и культуры).

Средства передвижения. Развитие транспорта // Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: «Наука», 2000. – С. 253–256. – (Народы и культуры).

Расширение ареалов расселения марийцев в XX столетии // История и культура марийского народа: прошлое и настоящее. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 32–36.

История расселения марийцев. – Йошкар-Ола, 2006. – 200 с.

В соавт Айплатов Г.Н., [Рец.: Иванов А.Г., Сануков К.Н. Марий калыкын историйже. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998; Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1999] // Марийский археографический вестник. – 2001. – № 11. – С. 229–231.

Расселение марийцев в послеоктябрьский период // Этническая культура марийцев: (традиции и современность). – Йошкар-Ола, 2002. – С. 15–33. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 26).

В соавт. с Поповым Н.С. Этнографические исследования в МарНИИ за 70 лет // МарНИИ – 70 лет (1930–2000). – Йошкар-Ола, 2001. – С. 36–61.

Мамаев Василий Михайлович: (1891-1968): (к 110-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. – 2001. – № 11. – С. 244–247.

Этнография марийского народа: учеб. пособие для старших кл. / сост. и авт. статей Г.А. Сепеев. – Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 2001. – 183 с.

Хозяйство и материальная культура марийцев конца I – начала II тыс. н.э. в исследованиях Г.А. Архипова // Древности Поволжья и Прикамья. – Йошкар-Ола, 2001. – С. 150–158. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 25.)

Г.И. Соловьева – исследовательница культуры марийского народа // Финно-угроведение. 2002, №1. – С.186–191.

В соавт. с Молотовой Т.Л. Развитие поселений и жилищ марийцев в 80–90-е годы XX века // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 64–75.

Финские ученые и традиционная этнография марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 81–92.

Марийцы в этнологических исследованиях К.И. Козловой // Финно-угроведение. 2002, № 2. – С.103–111.

Ӱу тылзы марынвлӓ лошты [Десять месяцев на марийской земле: супруги Вихманн на горномар. земле] // У сем. – 2002. – № 3. – С. 100–103.

В соавт. с Молотовой Т.Л. Современная пища и утварь // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 89–102.

Molotova T., Sepjev G. Marilaisten kylien ja asuinrakennusten muutokset 1980–1990-luvuilla [Развитие марийских поселений и жилищ в 1980–1990-е годы] // Marit, Mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakirja. – Helsinki, 2005. – S. XVI–XIX.

В соавт. с Molotova T. Changes in Marit villages and houses in the 1980s and 1990s [ ] // Marit, Mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakirja. – Helsinki, 2005. – S. 208–212.

В соавт. с Петровым В.Н. Пища и утварь // Марийцы: историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 108–117.

О расселении русских в Марийском крае // Народы Волго-Уралья: материалы науч.-практ. конф. КГУ, посвящ. 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Е.П. Бусыгина. – Казань, 2003. – С. 81–86.

В соавт. с Ялтаевым И. Патрушев Анатолий Степанович: (к 70-летию со дня рождения) // Финноугроведение. 2004, № 1. – С.104–120.

Рец.: Молотова Т.Л. Традиционное марийское ткачество. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. - 152 с.: ил. // Финно-угроведение. 2005, №1. – С.147–149.

Расселение марийцев // Марийцы: историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 47–64.

Поселения и жилище // Марийцы: историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 91–107.

Средства передвижения. Развитие транспорта // Марийцы: историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 86–91.

Список трудов профессора К.И.Козловой, посвященных истории и этнографии марийского народа. Литература об исследованиях К.И. Козловой / сост. Г.А. Сепеев // Вопросы этносоциальной истории марийского народа. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 185–187. – (Археология и этнография Марийского края, вып. 28).

Этническая история и культура марийцев в трудах К.И.Козловой // Вопросы этносоциальной истории марийского народа. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 19-39. – (Археология и этнография Марийского края: вып. 28).

К юбилею Т.Л. Молотовой // Финно-угроведение. 2006, №2. – С.95–103.

Список научных трудов Т.А.Крюковой, связанных с этнографией марийцев. Литература о Т.А. Крюковой / сост. Г.А. Сепеев // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. – Йошкар-Ола, 2007. - С. 225–227. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 29).

Т.А. Крюкова и этнография марийцев // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 94–102. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 29).

Сепеев Г. Памятные встречи с юбиляром // Финно-угроведение. 2008, №1. – С.16–21.

В соавт. с Шаровым В.Д. Памяти профессора Евгения Прокопьевича Бусыгина (1913–2008) // Марийский археографический вестник. – 2008. – № 18. – С. 264–265.

Памяти коллеги-этнолога // Светлый путь: воспоминания о проф. Р.З.Янгузине. – Уфа: «Китап», 2009. – С. 97–99.

Плоды многолетних исследований: о моногр. О.П.Воронцовой и И.С.Галкина «Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ» // Ончыко. – 2003. – № 4. – С. 181–183.

Опыт составления словаря этнографических терминов // Актуальные проблемы современной марийской терминологии. – Йошкар-Ола, 2005. – С. 45–53.

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Ольга Стрелкова,
Ольга Титова
Ижевск

К ЮБИЛЕЮ НАШЕГО УЧИТЕЛЯ В.К. КЕЛЬМАКОВА

Сюлмаз пычам лемлет мак чеберлык,
Соин, лэся, сое гажа калык.
Г.К. Кириллов

Юбилей – это событие, когда обобщаются и систематизируются все успехи и достижения человека, отмечаются его победы, называются вслух заслуженные им титулы, звания, регалии. У юбиляра Валея Кельмаковича Кельмакова их невероятное количество, едва ли многие другие современные удмуртские лингвисты смогут похвастаться хоть половиной.

Валей Кельмакович Кельмаков – ведущий финно-угровед, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», заслуженный деятель науки УАССР и Российской Федерации, академик Академии наук Удмуртской Республики, член оргкомитета международных симпозиумов по языкам Поволжья, почетный член Финно-угорского общества (Финляндия), член редколлегии журналов «Linguistica Uralica» (Таллинн), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), член диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций Удмуртского государственного университета и Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск), член Союза писателей Удмуртской Республики.

Родился В.К. Кельмаков 14 января 1942 года в д. Верхняя Юмья (Тыло) Кукморского района Татарской АССР в семье крестьянина. После окончания Оштор-ма-Юмьинской средней школы в 1959 году поступил на удмуртское отделение историко-филологического факультета Удмуртского пединститута. Уже в студенческие годы он проявлял большой интерес к удмуртскому языку. На четвертом курсе был направлен на один год в Марийский пединститут для изучения марийского языка. После блестящего окончания Удмуртского пединститута в 1964 году его

рекомендовали в аспирантуру Института языкознания АН СССР. В 1970 году Валей Кельмакович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кукморский диалект удмуртского языка» под научным руководством профессора В.И. Лыткина. По окончании аспирантуры юбиляр два года работал научным сотрудником в Удмуртском научно-исследовательском институте при Совете Министров Удмуртской АССР. С 1971 года трудится в Удмуртском пединституте, преобразованном в 1972 году в Удмуртский университет. В 1993 г. в Институте языкознания РАН защитил докторскую диссертацию на тему «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов».

Научная деятельность Валея Кельмаковича чрезвычайно многогранна. Трудно найти такую область удмуртского языкознания, вопросы которой не были бы затронуты в его научных трудах. Самое большое внимание В.К. Кельмаков уделяет проблемам диалектологии и исторической фонетики. Огромен вклад ученого в исследование истории изучения удмуртского языка, по данной проблеме им издана серия книг и статей. Юбиляром опубликован ряд интересных работ по вопросам удмуртской морфологии, лексикологии, этимологии, ономастики, синтаксиса. Кроме того, В.К. Кельмаковым написано большое количество рецензий на диссертационные работы и на монографические исследования финно-угроведов, отредактирована и издана серия научных сборников по вопросам пермского языкознания. Научные труды Валея Кельмаковича представляют собой ценный вклад в развитие не только удмуртского, но и финно-угорского языкознания в целом.

В.К. Кельмаков добился высоких результатов и в педагогической деятельности. Он является пионером в преподавании и разработке многих лингвистических дисциплин факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета: диалектологии, исторической фонетики и исторической грамматики удмуртского языка, сравнительной грамматики финно-угорских языков, истории изучения удмуртского языка, введения в удмуртскую и финно-угорскую филологию, удмуртской ономастики и других. Примечательно, что современное преподавание данных дисциплин на высоком научном уровне – это заслуга именно Валея Кельмаковича. Кроме чтения лекций и проведения практических занятий по учебным предметам, он разработал по каждому курсу учебно-методическую базу: рабочие программы, учебные пособия, препринты, сборники материалов, монографические исследования.

Валей Кельмакович является не только выдающимся ученым, но и талантливым учителем. Для студентов факультета удмуртской филологии УдГУ он стал символом строгости, требовательности. Из поколения в поколение передаются всевозможные легенды о его принципиальности, но в студенческие годы немногие замечают и понимают, что за внешней строгостью профессора скрываются высокий профессионализм, обаятельность, гибкость ума. Он умеет своевременно похвалить студентов за успехи и может заслуженно отчитать за неуспеваемость или нежелание работать.

Нельзя не отметить Валея Кельмаковича и как авторитетного научного руководителя. Под его руководством написаны и успешно защищены 11 диссертацион-

ных работ (в том числе 1 докторская) по различным направлениям удмуртского языкознания. Для работы с молодежью Валей Кельмакович не жалеет ни времени, ни сил, воспитывая в будущих научных работниках трудолюбие, скрупулезность, профессионализм. Он дает своим аспирантам возможность реализовать свой интеллектуальный и творческий потенциал, всегда помогает ценными консультациями, мудрыми советами и критическими замечаниями. Члены диссертационного совета УдГУ отмечают, что работы, выполненные под его руководством, отличаются высоким научным уровнем и безупречным техническим оформлением. Необходимо также подчеркнуть трогательную заботу Валея Кельмаковича о судьбе своих бывших аспирантов. Он испытывает искреннюю радость от успехов и побед своих учеников, остро переживает их неудачи и проблемы. Валей Кельмакович по-отечески продолжает опекать уже «вылетевших из-под его крыла» молодых специалистов, остается их бессменным консультантом в решении многих проблем (как научных, так и житейских). Он является образцом для подражания для своих учеников.

В.К. Кельмаков – постоянный участник и организатор научных совещаний различного уровня. Он выступал с докладами на международных конгрессах финно-угроведов в Таллине (1970), Будапеште (1975), Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Дебрецене (1990), Ювяскюля (1995), Тарту (2000), Йошкар-Оле (2005), Пилишчаба (2010). По его инициативе проводятся научные симпозиумы по вопросам пермского языкознания.

Валей Кельмакович – личность яркая, многогранная. Он свободно владеет несколькими языками: удмуртским, русским, татарским, марийским, коми, финским, венгерским, немецким. Людей, знакомых с ним, удивляет его тонкое языковое чутьё. Ему присуще чувство юмора, которое он нередко демонстрирует окружающим, рассказывая какой-нибудь очень уместный в данной ситуации анекдот или легкой шуткой подбадривая отчаявшегося, унывающего.

В.К. Кельмаков является истинным ценителем книг. В богатой личной библиотеке ученого имеются ценные книжные издания, написанные российскими и зарубежными авторами. Он постоянно пополняет свою библиотеку новой литературой, с этой целью часто посещает книжные магазины разных городов. Следует также отметить, что юбиляр внимательно следит за книжными новинками и находит время с ними ознакомиться. Работа с книгами дала ему удивительно широкий кругозор. Действительно, Валей Кельмакович – человек с невероятной эрудицией, большой начитанностью, способностью запоминать и держать в голове огромное количество разнообразной информации. Он нередко удивляет коллег и студентов прочитанными наизусть строками из всевозможных произведений как стихами Флора Васильева, так и цитатами, к примеру, из «Божественной комедии» Данте Алигьери.

В.К. Кельмаков и песня – это особая песня! На кафедре общего и финно-угорского языкознания УдГУ шутят, что аспиранты Валея Кельмаковича должны сдать своеобразный экзамен по пению, ведь научный руководитель очень ценит удмурт-

скую народную песню: красивую, нежную, заунывную и непременно спетую на несколько голосов!

Если говорить об увлечениях Валея Кельмаковича, нельзя не отметить, что он очень любит баню. Свободное от работы время с большим удовольствием проводит на садовом участке в семейном кругу. Физический труд и баня помогают ему снять умственную нагрузку и напряжение.

Огромная любовь к истории и культуре своего народа привела В.К. Кельмакова в науку. Вклад, сделанный им в финно-угроведение, неоценим и важен. Энергичность, жизнерадостность, любознательность, умение шагать в ногу со временем, высокий профессионализм, требовательность к себе и окружающим – вот те черты, которые помогли ему достичь высоких вершин.

В честь 70-летия пожелаем юбиляру крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов. Гажано Валей Кельмакович, сӥзиськом Тӥледлы выль азинсконъёс, корт кадь юн тазалык, малпам ужъёсты мед быдэсмозы!

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Гурий Лаврентьев
Йошкар-Ола

ЮБИЛЕЙ Д.Е. КАЗАНЦЕВА

Предельно скромно отметил своё 80-летие учёный, доктор филологических наук, ещё продолжающий научно-педагогическую работу профессор Марийского государственного университета Дмитрий Егорович Казанцев, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл.

Родившийся 20 февраля 1932 года в глухой марийской деревне в многодетной семье Дмитрий Казанцев, сын погибшего в 1942 году на фронтах Великой Отечественной войны солдата, выросший в нужде и нищете, учился с особым прилежанием: семилетнюю школу он окончил с похвальной грамотой, педагогическое училище – с отличием, историко-филологический факультет Марийского государственного пединститута имени Н.К. Крупской – так же с красным дипломом, одно время был Сталинским стипендиатом.

Окончившего вуз в 1958 году и проработавшего один год учителем русской и марийской словесности районной средней школы, Д.Е. Казанцева профессор Н.Т. Пенгитов пригласил учиться в аспирантуру при кафедре марийского языка и литературы Марийского педагогического института.

В 1965 году Д.Е. Казанцев защитил в Тартуском университете кандидатскую диссертацию на тему «Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка» (научный руководитель – профессор Н.Т. Пенгитов.) В своей работе молодой учёный не ограничился лишь распространённым в то время в советском финно-угроведении описанием, систематизацией особенностей диалекта. Пытливый исследователь разрабатывал многие генетические вопросы звукового строя марийского языка, широко используя при этом сравнительно-исторические изыскания отечественных и финских, венгерских, шведских, немецких финно-угроведов. Не случайно первый официальный оппонент академик Эстонской академии наук Пауль Аристэ назвал исследование Д.Е. Казанцева одной из лучших диссертаций по диалектологии.

Уже его первые опубликованные научные статьи свидетельствовали о том, что вступивший на стезю лингвиста Д.Е. Казанцев – приверженец строго научного, сравнительно-исторического языкознания.

Монография Д.Е. Казанцева «Истоки финно-угорского родства» (1979, 113 с.) получила высокую оценку не только в нашей стране, но и за её пределами. «Книга о финно-угорском родстве профессора Казанцева, – заявила в приватной беседе профессор кафедры финно-угорских языков Московского государственного университета А.И. Кузнецова, – является настольной книгой студентов, аспирантов и всех исследователей языков финно-угорской семьи».

В 1985 году сформировавшийся учёный Д.Е. Казанцев издал монографию «Формирование диалектов марийского языка. В связи с происхождением марийцев», в которой он, используя материалы смежных с языкознанием наук: археологии, этнографии и истории, обосновал свой вывод об основных вехах развития марийского языка и его местных разновидностей от II–III столетия до XVIII века. Это фундаментальное исследование легло в основу его докторской диссертации «Историческая диалектология марийского языка. (Образование диалектов и сравнительно-историческое описание их фонетики.)», успешно защищённой в 1989 году в том же Тартуском университете.

На рубеже двух веков профессор Марийского государственного университета Д.Е. Казанцев переключил своё внимание на исследование несколько иных, историко-типологических проблем. В 2010 году в издательстве МарГУ выпустил в свет монографию «Типологии и универсалии языков. История и современное состояние. Ч. I: Синхрония», посвящённую 200-летию типологии языков. Этим исследованием, охватившим 127 страниц, профессор Казанцев внёс значительный вклад в общую науку о языке. (В ближайшем будущем завершится работа над II частью и она под названием «Диахрония» будет опубликована в издательстве МарГУ.)

Композиция этого исследования продумана весьма тщательно; мысли в нём изложены предельно чётко, ясно, просто, не употребляются ненужные, порой заумные слова и выражения; научные термины, возникшие на основе слов и их частей западноевропейских, греческого и арабского языков, истолкованы путём перевода на русский язык. В монографии представлено 12 таблиц, отражающих её основные положения.

Д.Е. Казанцев известен и как автор учебных пособий для вузов. В соавторстве с доцентом Марийского пединститута Г.С. Патрушевым им была написана и опубликована в 1972 году книга «Современный марийский язык. Лексикология» (183 с.). Как профессор кафедры русского языка, а затем общего и сравнительного языкознания, он издал в 2003 году «Русские говоры Республики Марий Эл» (108 с.).

О Сернурском районе, в одной из глухих деревень которого профессор Д.Е. Казанцев родился, вырос, он выпустил в свет в 1999 году исследование «Республика Марий Эл: Сернурский район: прошлое и настоящее. Историко-лингвистический очерк» (104 с.), которое нужно расценивать как дар родному району.

Профессор Д.Е. Казанцев завоевал авторитет не только в финно-угорском мире, но и среди тюркологов в ещё сравнительно молодом возрасте. В журнале «Советское финно-угроведение» (1966 г. № 2) он опубликовал отзыв об исследовании чувашского языковеда М.Р. Федотова «Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми» (Чебоксары, 1965. –180 с.). Эта рецензия была встречена мариведами, чувашеведами и пермистами восторженно. Получивший признание Д.Е. Казанцев впоследствии стал членом Диссертационного совета при Чувашском и Удмуртском университетах. Человеку преклонных лет быть вездесущим, конечно, нелегко. Сейчас Д.Е. Казанцев – лишь член Диссертационного совета при Марийском университете.

Д.Е. Казанцевым написано более 70 исследовательских работ, среди них 4 монографии и 2 учебных пособия. Он не старался увеличивать список публикаций, зная, что академической науке важны не количество опубликованных работ и не общее число страниц, а идея, содержание, вложенные в изыскания.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета в молодости работал и в МарНИИ языка, литературы, истории (одно время возглавлял сектор языка), и в Марийском пединституте доцентом кафедры русского языка, проректором по заочному обучению, 17 лет в общей сложности возглавлял кафедры. И сейчас он в работе. Везде, где бы он ни трудился, работал не покладая рук.

«Пройденный путь не всегда был гладким, – размышляет аксакал марийской словесности Дмитрий Егорович Казанцев и добавляет: – Стойко преодолевал трудности жизни».

Крепкого здоровья, осуществления творческих замыслов, Дмитрий Егорович!

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Елизар Мустаев
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ З.К. ИВАНОВОЙ

Исполнилось 70 лет большому ученому, замечательному методисту Зое Константиновне Ивановой. Ее имя известно не только в ученом мире, Зою Константиновну хорошо знают учителя республики, воспитатели детских садов, работники культуры.

Она кандидат филологических наук (1979), доцент (1984), заслуженный работник культуры Республики Марий Эл (1991), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2002), награждена Почетной грамотой Республики Марий Эл (1997), Почетной грамотой Госсобрания Республики Марий Эл (2011).

Прежде чем прийти в высшую школу, она поработала почти во всех звеньях народного образования, снискала почет и уважение у своих коллег.

Родилась З.К. Иванова 24 марта 1942 года в деревне Олоры Мари-Турекского (ныне Параньгинского) района МАССР в семье служащих. Олорская земля издавна славилась народными талантами, ценителями марийского фольклора. Зоя росла в музыкальной семье. Все дети (их было семь) хорошо пели, участвовали в художественной самодеятельности. Ее детство прошло среди талантливой деревенской детворы. Она часто была организатором концертов, выступлений ребят в школе и клубе. Росли они вместе с Елизаветой Коноваловой – заслуженной артисткой Республики Марий Эл. Их дружба продолжается и сегодня.

Училась в Олорской школе, затем в связи с переездом семьи в поселок Морки продолжила учебу в Моркинской школе. Аттестат о среднем образовании получила в 1959 году в Мари-Турекской средней школе. У Зои всегда была тяга к учебе. В этом же году она поступает в Марийский педагогический институт им. Н.К. Крупской на отделение русского языка и литературы, марийского языка и литературы историко-филологического факультета. Зоя Константиновна до сих пор с большой теплотой вспоминает своих преподавателей: Н.Т. Пенгитова, Ф.И. Гордеева, В.Т. Тимофееву, М.Н. Лебедеву, В.Ф. Пашукова и многих других. В годы учебы в

институте была активной участницей художественной самодеятельности, старостой студенческого научного кружка.

После окончания института работала учителем русского языка и литературы Нартасской средней школы (1963–1965), инспектором Мари-Турекского роно (1965–1968). Как ищущего, пытливого, профессионального специалиста З.К.Иванову переводят в Йошкар-Олу, в Марийский институт усовершенствования учителей. Здесь она сначала работает методистом, затем заместителем директора института (1968–1975).

В 1975 году Зоя Константиновна поступила в аспирантуру при кафедре финно-угорских языков Тартуского государственного университета (Эстония). Ей повезло с научным руководителем – она попала к знаменитому финно-угроведу, академику Академии Эстонской ССР, профессору Паулю Аристэ. Эстонская школа оказала весьма благотворное влияние на формирование научного мировоззрения начинающего исследователя. Здесь она получила хорошее лингвистическое образование. Тема ее диссертации – «Однородные члены предложения в марийском языке». На защите диссертации я был одним из оппонентов и выступил с анализом научного труда аспирантки. Члены специализированного диссертационного совета дали высокую оценку исследованию Зои Константиновны и единодушно проголосовали за присвоение ей степени кандидата филологических наук.

С 1979 года З.К. Иванова работала в Марийском пединституте: сначала ассистентом, затем старшим преподавателем, доцентом кафедры марийского языка и литературы. По совместительству в 1995–2010 гг. была старшим, затем ведущим научным сотрудником Марийского филиала Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации.

Зоя Константиновна – человек, влюбленный в искусство. В 1982 году в пединституте она создала (вместе с В.А.Кольцовым, ныне руководителем службы радио) студенческий ансамбль песни и пляски «Марий сем» («Марийская мелодия»). Сотни одаренных девушек и юношей прошли через этот коллектив. Вскоре ансамбль стал настолько популярным, что его стали приглашать соседние республики и области. За годы своего существования «Марий сем» побывал с концертами во всех районах республики, с успехом выступал в Башкортостане, Карелии, Татарстане, Удмуртии, Мордовии, Мурманской и Кировской областях, Москве и Санкт-Петербурге, Эстонии.

За время своего существования ансамбль достиг высокого исполнительского мастерства, завоевал популярность у зрителей. Он многократный лауреат фестиваля «Студенческая весна», дипломант I, II Всесоюзного фестиваля студенческих коллективов финно-угорских народов, II Всесоюзного фестиваля искусств, I республиканского фестиваля танцевальных коллективов. Ансамбль награжден медалью «За отличную службу» за выступление на эсминце «Отличный» Краснознаменного Северного флота, а также грамотой НИИ Академии педагогических наук СССР.

В 1988 году ансамблю присвоено звание «Народный самодеятельный коллектив».

По инициативе Зои Константиновны с 1992 года впервые в истории культуры народа мари стали проводить городские и республиканские смотры-конкурсы творческих коллективов детей дошкольного возраста «Пеледше тукым» («Цветущее поколение») и школьников I–X классов «Самырык тукым» («Молодое поколение»), изучающих марийский государственный язык.

В 2003–2004 годах по заказу Марийской телерадиовещательной компании совместно с начальником отдела воспитательной работы МарГУ Л.И. Кошкиной проводили телеуроки «Марла ойлаш тунемына» («Учимся говорить по-марийски»). Данная программа за победу в республиканском конкурсе журналистских работ 2003 года в номинации «Лучшая публикация для детей и юношества», а также на XI Международном фестивале телефильмов и программ «Финно-угорский мир» (г. Сыктывкар, 2004 г.) в номинации «За пропаганду родного языка» отмечена дипломами и кубком.

С 2008 года Зоя Константиновна работает в Марийском государственном университете – она доцент кафедры марийского языка, одновременно является заместителем директора по воспитательной работе Института финно-угроведения.

З.К. Иванова наряду с учебно-методической и воспитательной работой занимается научной деятельностью, продолжает исследовать вопросы синтаксиса марийского языка, методики преподавания родного языка в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях. Опубликовала более 70 научных работ, программ, учебных пособий по марийскому языку и литературе для воспитателей детских садов, учителей общеобразовательных школ и студентов вуза. Была научным руководителем и научным консультантом эксперимента по обучению детей дошкольного возраста марийскому языку в детских садах Йошкар-Олы и Козьмодемьянска.

Результаты своих исследований она регулярно представляет на различных конференциях, конгрессах, симпозиумах в республике и за ее пределами.

З.К. Иванова – одна из признанных ветеранов университета, эрудированная, инициативная, она профессиональный педагог и воспитатель, наставник студенческой молодежи, пользуется заслуженным авторитетом у студентов и коллег по работе.

Искренне желаем Вам, Зоя Константиновна, сохранить на долгие годы молодость души и постоянное стремление к достижению положительных результатов в научно-педагогической деятельности. Крепкого Вам здоровья, счастья, семейного благополучия и творческих успехов во всех Ваших делах.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Kielet kohtaavat. SKS, 227. – Helsinki, 2009. – 340 s.

227-й выпуск серии «Tietolipas» вышел в свет под названием «Kielet kohtaavat» (2009). Основой сборника послужили лекции ученых по циклу с одноимённым названием, прочитанные в университете Хельсинки. Тематически книга разделена на четыре части.

Во вступительной статье Ю. Каллиокоски «Tutkimuskohteena monikielisyys ja kielten kohtaaminen» («Предмет исследования – многоязычие и языковые контакты») речь идет о многоязычии и связанном с ним переключении кодов (далее – ПК). Традиционное объяснение явления ПК незнанием языков автор работы связывает с тем, что с 1800-х гг. с началом развития и становления национальных языков основной акцент делался на одноязычии. В настоящее время, по мнению ученого, ситуация в этом отношении меняется на уровне языковой политики. Созданная по инициативе Совета Европы программа «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» подчеркивает многоязычность личности, ценность индивидуального многоязычия. Ю. Каллиокоски отмечает, что под термином «переключение кодов» принято понимать довольно разнообразные языковые явления. Далее излагается объяснение данного явления различными исследователями (Muysken, Ferguson, Blom, Gumperz, Milroy, Li Wei, Auer, Stroud, Goffman, Myers-Scotton, Bahtin, Hill и т.д.). По мнению автора, языковые контакты можно изучать на уровне языковых систем, общества и индивида. Изучение контактирования систем выдвигает на первый план такие проблемы, как взаимовлияние языков на звуковую систему, лексику и грамматику, а также то, как элементы двух или более языков становятся частью одной синтаксической, морфологической или фонологической единицы. На уровне общества, или на макроуровне, с точки зрения социолингвистики центральными вопросами становятся сохранение и исчезновение языков, отношения языков меньшинства и большинства, многоязычие в обществе и разделение функций различных языков в различных ситуациях. На уровне индивида подход может быть психо- и нейролингвистическим. В этом случае объектом изучения является билингв или человек, владеющий несколькими языками, а также овладение языком и потеря языка.

Первая часть сборника называется «Kielioppi ja kielten kohtaaminen» («Грамматика и контактирование языков») и включает в себя три статьи. Работа М. Ковач

«Koodinvaihto ja kielioppi» («Переключение кодов и грамматика») посвящена освещению той роли, которую играет ПК в изменении грамматических конструкций в процессе переключения. Материалом статьи послужили, в основном, примеры из финского языка, на котором говорят финны, живущие в Австралии и Германии. Автор под термином ПК понимает использование двух или нескольких языков во время общения. ПК включает в себя переключения, состоящие из нескольких предложений, а также единичные слова, диалектизмы, даже иностранный акцент. Поскольку исследователь признает переключениями также одиночные слова, то она считает необходимым разграничить их от заимствований. М. Ковач придерживается фонологического подхода. По мнению ученого, заимствования и переключения кодов находятся на противоположных концах одной непрерывной (континуума), между которыми расположены «ситуативные» заимствования. Автором рассматриваются теории ограничений ПК. Исследователь справедливо отмечает, что имеются примеры, которые противоречат всем теориям ограничений ПК. На основе полученных данных М. Ковач описывает два пути отторжения (отхода) от матричного языка. В заключении высказывается мысль о том, что исследование ПК в грамматических конструкциях может дать ответ на существенный вопрос: какие конструкции языка являются более устойчивыми, а какие могут легче и быстрее меняться под влиянием другого языка.

Статья А. Бартенс «Kreolikielistä» («О креольских языках») посвящена креольским языкам, относящимся к атлантической группе. В ней дается этимология слов *пиджин* и *креольские языки*, рассматриваются исторические предпосылки появления креольских языков (колонизация и торговля рабами), указываются первые труды по креольским языкам, кратко освещаются теории креольских языков, разделяемые на романтические и исторические, например: теории baby talk (детская речь), foreigner talk (иностранная речь), обучения иностранному языку Я2, биопрограммы языка с одной стороны и суперстратная, субстратная теории – с другой. Автор статьи приходит к мысли о том, что каждый процесс креолизации отличается от другого лишь до определенного момента. По мнению ученого, креолисты не придерживаются одной господствующей теории, а пытаются прийти к определенному консенсусу. Важным моментом в исследовании нужно считать признание автором пиджина промежуточной стадией развития креольского языка и того, что креольский язык проходит в своем развитии такой же долгий путь, как и все остальные языки. Далее исследователем детально рассматриваются фонетико-фонологические, морфолого-синтаксические и лексические особенности креольских языков. В конце статьи ученый рассуждает о функционировании креольских языков: некоторые исчезают, другие получают статус литературного языка, креольский язык определяет идентитет человека, говорящего на нем. А. Бартенс подчеркивает важную роль языковой политики в стандартизации креольских языков.

Предметом изучения статьи Й. Линдстедт «Balkanin kieliliitto» («Балканский языковой союз») являются языки, относящиеся к балканскому языковому союзу. В начале работы излагается краткая история изучения данного вопроса. Не ослаб-

ляющий интерес к этой теме объясняется тем, что языковой союз представляет собой один из крайних случаев контактирования языков, когда несколько языков сильно влияют на грамматику друг друга. Автор дает собственную классификацию языков, входящих в балканский языковой союз: румынский язык относится к союзу, а торлакский диалект сербского языка исключается из этого списка. Далее ученый рассматривает балканизмы (общие черты) в грамматиках данных языков. В работе представлена таблица, отражающая наличие 12 балканизмов в языках союза, на их основе подсчитан индекс балканизации языков. Наивысший индекс получил македонский язык (12). Исследователь отмечает, что схожие грамматические конструкции выражаются в языках своими собственными морфемами, они заимствуются крайне редко. В статье рассматриваются теории происхождения балканского языкового союза. Как отмечает автор, во всех суб- и адстратных теориях существует одна проблема: нельзя указать язык-источник балканизма. Очевидно, что эти особенности во всех языках развивались в одно и то же время. Исследователь убежден в необходимости более сложной социолингвистической модели для объяснения языкового союза, в которой язык-источник и язык-рецептор были бы четко различимы. Й.Линдстедт выделяет следующие социолингвистические факторы, способствовавшие образованию языкового союза: симметричное многоязычие, формирование языком идентитета человека, поэтому конвергенции подверглась только грамматика, а не лексика. Согласно мнению автора, языки балканского союза не подтверждают тезис о том, что интенсивный языковой контакт приводит к упрощенной структуре языков.

Вторая часть сборника «Variaatio ja koodinvaihto» («Вариация и переключение кодов») начинается статьей И. Кауханен «Diglossia ja koodinvaihto arabian kielessä» (Диглоссия и переключение кодов в арабском языке), посвященной изучению того, как языковая ситуация диглоссии отражается на конструкциях при ПК. Определение диглоссии как языковой ситуации, в которой функции разных регистров языка четко разграничены, на взгляд автора, является слишком узким. Несмотря на то, что арабский язык считается типичным примером языка, в котором существует диглоссия, на практике в нем имеет место варьирование и ПК между разными регистрами. В начале исследования описывается положение арабского языка и дается краткая история его развития. Основанный на классическом арабском языке литературный язык по своей структуре очень сильно отличается от всех его диалектов. В отличие от некоторых ученых И.Кауханен считает, что наличие общего литературного языка и религии позволяют говорить о едином арабском языке. Исследователь указывает также те факторы, которые способствовали созданию подобной языковой ситуации. Кроме религии, языковых контактов большая роль отводится языковому строительству, проводимому в арабских странах. В основной части статьи на основе эмпирического материала, собранного самим автором, и ранее сделанных исследований освещаются особенности варьирования и ПК в арабском языке в условиях диглоссии. По мнению ученого, включение в разговорный язык длинных периодов из нормированного языка не является характерным. Это явление отражает асимметричность использования кодов.

В статье «Koodinvaihto ja sen funktiot suomenkielisissä keskusteluissa» («Переключение кодов и его функции в общении на финском языке») Х. Лаппалайнен представляет результаты изучения варьирования двух регистров финского языка (нормированного и разговорного) на примере общения группы людей, состоящих из 16 человек и относящихся к одному церковному приходу. В работе проанализировано 15 фонетических и морфологических особенностей варьирования в речи каждого информанта. На основе полученных данных утверждается, что в повседневном общении независимо от различных ситуаций нормой является разговорный язык, литературный язык считается отклонением, использование вариантов общепринятого языка требует объяснения. Основной целью исследования является выяснение функций ПК. Ученый полагает, что основную функцию ПК можно назвать одним слово – контраст: переход от одних ролевых отношений, темы к другим. Согласно автору существенным в ее работе является независимость метода исследования от языковых форм, функции ПК должны, на ее взгляд, изучаться как составляющая контекста взаимоотношений с учетом социальных переменных.

В работе Х.Лехтонен «Maahanmuuttajataustaisten helsinkiläisnuorten monikielisyyden ilmiöitä» («Проявления многоязычности молодых людей-эмигрантов, живущих в Хельсинки») рассматривается ПК в речи хельсинкских школьников-эмигрантов с позиций социо- и этнолингвистики (анализ вариативности и ситуации общения). Статья содержит много интересных наблюдений, например, по результатам работы, акцент используется для того, чтобы подчеркнуть свой идентитет, этническую принадлежность, произвести впечатление на противоположный пол, дети могут специально говорить на «плохом» финском языке, чтобы досадить учителям. Исследование показало, что кроме родного и финского языков в речи молодых людей используются единицы других языков. Данное явление называется kielenylitys «пересечение языка» (*перевод В.Г.*). Его социальная значимость состоит в том, что говорящий расширяет свои языковые границы, тем самым вступая на территорию другого этноса. По мнению автора, изучение современного языкового общества может дать ответы на важные общетеоретические вопросы (овладение языком, связь языка и идентитета) и требует применения новых методов. Языковой опыт молодых жителей Хельсинки может быть примером для тех, кто боится говорить на иностранном языке.

Третья часть сборника под названием «Historia, kontaktit ja kielipolitiikka» («История, контакты и языковая политика») начинается статьей А. Нурми «Kielikontaktien vaikutus englannin kieleen» («Влияние языковых контактов на английский язык»), которая посвящена воздействию кельтского, латинского, французского, скандинавских и других языков на английский на всех его уровнях. Особое внимание уделяется заимствованию лексем. Автор подчеркивает, что различение заимствований от ПК является трудным, но это позволяет сделать продолжительное наблюдение над языком. По мнению исследователя, с течением времени в английском языке уменьшается ПК с использованием только одного иноязычного слова: то, что в начале

было ПК, впоследствии стало частью языка, т.е. заимствованием. В работе отмечается, что исторически 70% слов английского языка являются заимствованными, но на современном этапе английский язык не прибегает к этому способу обогащения лексики, у языка достаточно внутренних ресурсов для создания новых слов.

М. Саари в статье «Kielten kohtaaminen autonomian ajan Suomessa» («Контактирование языков в Финляндии во времена автономии») рассматривается функционирование финского и шведского языков во второй половине XIX в. В работе описываются исторические факты в расширении функций финского языка (начало преподавания на нем). Собственно лингвистическая часть исследования посвящена особенностям использования двух языков в переписке трех учителей: письма написаны по-шведски, но для них характерно обильное использование единиц финского языка. Исследователь выделяет следующие случаи ПК: цитаты, устойчивые выражения, дискурсивные маркеры, отдельные слова. Кроме ПК отмечается интерференция. Рассматриваемый период языковой ситуации в Финляндии оценивается ученым как переломный. По ее мнению, для социолингвиста более важным является сам процесс перехода со шведского языка на финский, чем особенности их использования.

Предметом исследования Р.Грюнталь «Suomen kielen vaikutus viron kieleen» («Влияние финского языка на эстонский язык») является воздействие финского языка на эстонский. Работа написана на основе интернет-версий статей эстонских газет и их комментариев, в которых говорится о Финляндии и финнах. В этой статье заимствования и ПК изучаются не в спонтанной речи, а в письменно зафиксированных текстах. Другая особенность исследования состоит в том, что заимствование и ПК изучаются в близкородственных языках. В работе дается хронология финско-эстонских контактов, в начале представляются слова, заимствованные давно, уже зафиксированные в словарях эстонского языка. Отмечается, что заимствования могут быть интенциональными (намеренными) и что заимствование синтаксических конструкций, в отличие от лексем, не всегда является интенциональным, конструкции адаптируются к правилам эстонского языка только частично. Многозначность и обозначение финскими лексическими заимствованиями реалий финской культуры способствуют их использованию в эстонском языке. На взгляд ученого, подобные синтаксические конструкции используются в силу их более точной передачи финского колорита, что труднее было бы передать при помощи эстонского перифраза. Р. Грюнталь приходит к выводу о том, что при помощи ПК реферируется финноязычный контекст.

В четвертой части «Kirjoitus, koodinvaihto ja kielitaito» («Письменность, переключение кодов и знание языков») также представлено три статьи. Первая статья М. Лейво «Kielikontaktit antiikissa» («Языковые контакты в античности») посвящена, в основном, греко-латинским языковым контактам в античное время. По мнению автора, тексты должны изучаться в единстве социального и политического контекста с учетом жанрового своеобразия и функционального назначения. По-

скольку освещение данной темы предполагает работу только с письменными текстами, существует проблема выявления грамматического явления и его графического оформления. Ученый считает, что в изучаемых текстах представлены заимствования, ПК и смешение кодов. В официальных текстах ПК является мотивированным. Традиционно ПК происходит в тех случаях, когда используются культурные заимствования. В других случаях происходит интерференция. М.Лейво отмечает, что данные исследования языковых контактов античного времени необходимы для более глубокого изучения современных языков.

В работе «Tuhat vuotta koodinvaihtoa englantilaisissa teksteissä» П.Пахта анализирует ПК в англоязычных текстах, начиная с появления письменного английского языка до 1710 г. Автором статьи подсчитано использование ПК в разные периоды развития английского языка: из скольких слов состоит включение, какие языки и в каком объеме они представлены. Количество ПК определено также в зависимости от жанра текста. В работе также исследуются функции ПК. П.Пахта отмечает, что наличие ПК на всех этапах развития языка является интересным и новым, поскольку традиционно история языка рассматривается только как история одного языка, а не в связи с другими.

Завершает сборник статья Ю. Каллиокоски «Koodinvihto ja kielitaito» («Переключение кодов и знание языка»), в которой продолжается изложение темы вступительной статьи: многоязычие и ПК с точки зрения изучения и использования иностранного языка. Автор статьи отмечает, что в речи (как письменной, так и устной) изучающего иностранный язык многоязычие является ресурсом взаимовлияния с определенными функциями, игрой слов.

Глобализация, усиление миграционных процессов создают новые языковые сообщества, в которых говорят на многих языках. Тесное соприкосновение языков порождает новые явления, требующие изучения. Рецензируемый сборник посвящен актуальной теме социо- и контактной лингвистики: в нем на примере различных языков (финский, эстонский, шведский, английский, арабский) и с разных научных позиций (социо- и этнолингвистических) рассматриваются многоязычие, языковой контакт (балканский языковой союз, образование пиджинов и креольских языков) и переключение кодов. Несмотря на то что статьи распределены на четыре части, практически во всех работах красной линией проходит тема языкового контакта и, как его следствий, заимствований, и ПК. Каждый автор по-своему понимает ПК. В целом их мнение совпадает: под ПК понимается использование в речи (устной и письменной) единиц разных языков и регистров того же языка. Критерии различения заимствований от ПК у авторов также в общем являются одинаковыми: количественный подсчёт, представление заимствований и ПК как крайних точек единого континуума, степень адаптации иноязычных единиц. Во многих работах (М.Саари, М.Лейво) описывается явление интерференции, но в них не дается определение этого термина. Насколько известно, термин интерференция можно понимать как любое влияние одного языка на другой.

Главная идея книги заключается в подчеркивании важности многоязычия в современном обществе, использование его как ресурса обучения. В работах затрагиваются также вопросы языковой политики. В данном сборнике представлена обширная литература по изучаемым вопросам. В каждой статье кратко излагается история изучения вопроса. Теоретические положения подтверждены фактическим материалом, собранным авторами работ.

На наш взгляд, сборник, содержащиеся в нем исследования вносят существенный вклад в изучение вопросов языковых контактов, переключения кодов в условиях многоязычия и диглоссии.

Валентина Гаврилова

Йошкар-Ола

Рец.: Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Вып. 1.: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2003. – 160 с.; Молодежь Республики Марий Эл // Материал межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 2007. – 172 с.; Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Вып. 3.: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2008. – 176 с.; Молодежь Республики Марий Эл (Реализация государственной молодежной политики в Республике Марий Эл). Вып. 4: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2009. – 160 с.; Молодежь Республики Марий Эл (семья и школа). Вып. 5: сборник статей. – Йошкар-Ола, 2010. – 234 с.

Исследования проблем молодежи в России в настоящее время многообразны и разноплановы. В ряду работ последнего времени, посвященных молодежной проблематике, выделяются сборники, выпускаемые Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл с 2006 г. К настоящему времени подготовлено 5 сборников (6-й находится в печати). Каждый из этих сборников включает в себя большой спектр исследовательских работ, посвященных различным проблемам молодежи. Второй сборник подготовлен по итогам межрегиональной научно-практической конференции. Третий сборник посвящен Году молодежи в Приволжском Федеральном округе, а два последних – четвертый и пятый, посвящены соответственно Году молодежи (2008) и Году учителя (2009).

В каждом сборнике можно найти интересные материалы по проблемам социализации молодежи, образования, политической культуры, ценностных ориентаций молодежи, социального облика различных групп молодого поколения, здоровья, досуга и многих других актуальных вопросов.

Структура сборников приблизительно может быть определена следующим образом: 1) проблемно-теоретические статьи, 2) исследования по вопросам социализации молодежи (вопросы воспитания, образования, профессиональное самоопределение и т.д.) и политической и духовной культуры, 3) исторические статьи. Такая структура вполне отвечает замыслу редакторов сборника, хотя формально она еще не определена. От выпуска к выпуску расширяется тематика исследований и возрастает уровень статей, что, несомненно, свидетельствует о внимании к молодежной проблеме в Марий Эл и повышении квалификации исследователей, занимающихся проблемами молодежи.

Первый и третий выпуск сборника подготовлены на основе материалов социологических исследований «Социальный портрет студенческой молодежи». В пер-

вом выпуске сборника опубликованы результаты исследования, проведенного в 1998 г., а материалы исследования 2005 г. составили основу третьего выпуска. Третий выпуск молодежного сборника не только продолжает и развивает проблемы, поставленные в первом выпуске, но и ставит новые. В него включены как локальные исследования по Республике Марий Эл, так и по Приволжскому федеральному округу. Анализу статей в третьем сборнике будет уделено особое место.

Статья О.В. Орловой «Социальный аспект социальных изменений молодежи», опубликованная в третьем выпуске сборника, посвящена анализу социальной трансформации молодежи и причинам этих трансформаций. Автор справедливо отмечает, что в 90-е годы молодое поколение формировалось не под целенаправленным воздействием идеологических и педагогических доктрин советского периода, а в условиях трансформации политической, экономической, общественной и социально-культурной сфер жизни, что и вызвало в значительной степени негативные явления в среде молодежи: рост уровня преступности, наркоманию, социальную апатию и многое другое. Наряду с изменением в социальной структуре общества шло и формирование различных групп в среде молодежи, определяемых как материальным положением родителей, так и интеллектуальными и этическими параметрами, жизненными целями и идеалами. О.В. Орлова отмечает, что при изучении молодежи необходимо учитывать фактор неоднородности молодежи, и обращает внимание на то, что социальный портрет разных групп молодежи будет значительно отличаться, что проявляется и при изучении студенческой молодежи, ее отношения к образованию, жизни, политике и гражданской позиции.

В третьем выпуске две статьи посвящены этническим вопросам. В них по существу исследуется вопрос о роли этнической идентичности в различных сферах жизни молодежи Марий Эл. В.И. Шабыков в статье «Этническая самоидентификация и отношение к инонациональному в сознании молодежи Республики Марий Эл» (на материалах социологических исследований 1994–2005 гг.) рассматривает этническую самоидентификацию молодежи на основе ряда индикаторов (язык, культура, религия, история, этнические традиции, самоощущение, самочувствие индивида и др.). В статье через систему индикаторов раскрывается также отношение молодежи к инонациональному.

В статье Е.В. Соловьева «Образование как фактор формирования этнического статуса городской и сельской молодежи» исследуются проблемы взаимосвязи образования и социально-профессиональных ориентаций представителей различных этнических групп в зависимости от места проживания (город-село), роли города в этнических процессах и вопросы трансмиссии этнических культурных ценностей. Автор отмечает, что в городе нарушается механизм передачи этнических ценностей, происходит маргинализация личности, что ведет к потере языка и элементов этнической культуры.

Реформированию системы образования и основным задачам в этой сфере посвящена статья заместителя Министра образования и науки Э.З. Идиатуллиной «Развитие инфраструктуры системы профессионального образования в регионе».

Автор анализирует ряд важных документов и программ, направленных на реформирование образования, и отмечает, что в данном вопросе необходим комплексный подход, включающий как развитие инфраструктуры образования и мира труда, так и разработку и внедрение механизмов мониторинга качества образования.

Вопросам молодежной политики посвящены две публикации: Главы Республики Марий Эл Л.И. Маркелова «О задачах государственной молодежной политики в Приволжском федеральном округе» и В.В. Николаева «Реализация государственной молодежной политики в г. Йошкар-Оле». Эти статьи дополняют друг друга, если в первой речь идет о тех задачах, которые стоят перед государственными органами в сфере молодежной политики, то во второй исследуется процесс реализации молодежной политики в конкретном городе и изучаются те вопросы, которые вызывают наибольшую сложность при их реализации в жизнь.

Политическим ориентациям студенчества республики посвящена статья В.В. Александрова. Автор сделал акцент на ряде важных проблем: отношение студенчества к участию в выборном процессе, доверие к руководителям страны и отдельным политикам, политическим партиям и т.д. В.В. Александров приходит к выводу о том, что молодые в определенной мере интересуются политикой, разбираются в политических течениях и партиях, но активной позиции по многим вопросам у них нет и нет уверенности в завтрашнем дне, чем вызвана и аполитичность части молодежи.

Статья С.С. Клюкиной посвящена вопросу о том, кто и как становится лидером в студенческой среде и какие качества формируют лидера.

В статье Г.С. Зеленевой исследуется вопрос о духовно-нравственном облике студенческой и учащейся молодежи, о путях и формах социализации молодежи. Автор отмечает, что важную роль в воспитании молодежи играют семья, религиозные и нравственные ценности семьи, формы проведения досуга и т.д.

Статья О.В. Орловой, К.С. Титова «Ценностные ориентации современной молодежи в вопросах семьи и брака» посвящена роли и значению семьи в современном обществе, анализу причин роста числа разводов и падения рождаемости, проблем прерывания беременности. Особое место в статье занимает изучение особенностей семейных ценностей студенческой молодежи в зависимости от гендерных, возрастных, семейно-статусных (семейный-несемейный) различий.

В приложении сборника опубликованы результаты исследования 2005 г. «Социальный портрет студенческой молодежи», подготовленные Е.А. Ожигановой.

Представленные результаты исследования и статьи, собранные в этих двух сборниках (вып.1 и вып.3.), представляют значительный интерес в сравнительно-региональном плане и будут полезны специалистам из других регионов РФ. Статьи в сборниках дают возможность выявить какие изменения происходили в социальном облике молодежи (не только студенческой, но и других групп) на исходе XX и в начале XXI века.

Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Положение молодежи в финно-угорских регионах Российской Федерации» составили содержа-

ние второго выпуска молодежного сборника. Доклады и выступления социологов, историков, экономистов, лидеров и представителей общественных организаций, аспирантов и студентов охватывают широкий круг вопросов и анализируют важнейшие проблемы молодежи в современных условиях. В сборнике представлены 3 пленарных доклада, 6 докладов круглого стола «Государственная молодежная политика: итоги, современное состояние, перспективы» и 21 доклад с двух секций «Социализация молодежи» (12 докладов») и «Социальный статус и самоидентификация молодежи» (9 докладов).

В докладе заместителя министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Г.С. Ширяевой «Молодежные инициативы по реализации концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл» была дана характеристика деятельности многочисленных молодежных объединений республики и отмечена важность создания либеральных условий для их функционирования.

О.В. Орлова в докладе «Динамика социальных изменений молодежи» сделала глубокий анализ проблем молодежи в постсоветский период. Она отметила изменения в демографическом составе молодежи, проанализировала факторы и причины асоциальных явлений в молодежной среде (преступность, наркомания, пьянство и алкоголизм). Значительное внимание уделила проблемам семьи (ранние браки, сожительство без заключения брака, аборты в молодежной среде), здоровья и физического развития, образования, выбора профессии, безработицы, политических воззрений молодежи, удовлетворенности жизнью и ценностных ориентаций. Она показала динамику изменений в социальном облике молодежи и факторы, определяющие характер этих изменений.

Доклад Э.И. Идиатуллиной «Профессиональное образование как основа социальной адаптации молодежи» посвящен анализу современного рынка труда и той роли, которую должна играть система профессионального образования в социализации молодежи. Автор отмечает, что система профессионального образования должна выстроить гибкие и адаптированные к индивидуальным потребностям молодежи траектории обучения, позволяющие повышать квалификацию и переходить с одной ступени профессионального образования на другую, развивать системы профориентации и консультирования, укреплять связь со сферой труда.

Доклады, представленные на круглом столе «Государственная молодежная политика: итоги, современное состояние, перспективы», условно можно разделить на 2 группы – доклады, посвященные общим проблемам молодежной политики и рассказывающие о деятельности различных общественных и молодежных организаций. Из первой группы следует отметить доклад Е.В. Александрова и Н.Н. Осипова «Финно-угорская молодежь в контексте современных интеграционных и межкультурных процессов», в котором показана динамика формирования межкультурных коммуникаций финно-угров, берущих начало с конца XIX века и проходящих при активном участии национальной интеллигенции. С конца 80-х г. XX века в этот процесс активно включились общественные объединения, в том числе и молодежные, деятельность кото-

рых представлена в данном докладе, и определены те задачи, которые должны и могут быть ими решены. В их числе нравственное воспитание молодежи, повышение образовательного уровня, участие в процессах взаимодействия и взаимообогащения культур финно-угорских народов, освоение информационного пространства и консолидированный ответ на негативные вызовы современности.

Различные стороны деятельности общественно-культурных молодежных объединений раскрыты в работе Л.Г. Миннимухаметовой и М.О. Тенсиной. Проблемы молодежной политики оказались в центре внимания В.В. Николаева и О.В. Бурой.

Участие в научно-исследовательской деятельности, техническом творчестве, добровольческом движении и их влияние на социализацию молодежи были рассмотрены И.И. Пановым, С.С. Клюкиной, О.В. Пчелиной.

Проблемы подготовки кадров и безработицы проанализированы В.В. Кичигиной и А.А. Демановым.

Ценностные ориентации, духовная культура и политическая активность студенчества были подвергнуты анализу в работах Р.Н. Турченковой, Ю.В. Авериной, А.В. Карпова.

Н.В. Семенова дала развернутую характеристику половозрастной структуры молодежи Чувашской республики в 1989–2002 гг. Тему репрессий в молодежной среде в Чувашской республике раскрыл П.Н. Матюшин. Особое внимание он уделил итогам и урокам репрессий, которые проводились в 30-е годы XX в.

Доклады секции «Социальный статус и самоидентификация молодежи» посвящены широкому кругу вопросов и охватывают как социологические, так и психологические проблемы идентификации и адаптации к изменяющимся условиям.

Н.А. Селина, К.С. Титова, М.В. Тенсин, В.В. Константинова раскрыли различные стороны социальной адаптации выпускников школ, студентов, а также этнических групп молодежи в условиях трансформационных процессов в республиках, где проживают народы финно-угорской языковой группы.

В резолюции Межрегиональной научно-практической конференции «Положение молодежи финно-угорских регионов Российской Федерации», которая опубликована в сборнике, были подведены итоги и определены задачи дальнейших исследований в сфере молодежной политики и изучения различных сторон жизни и деятельности такой демографической группы, как молодежь.

В качестве одной из основных задач участники конференции выдвинули проведение систематических научных исследований проблем финно-угорской молодежи, особенно в сельской местности, где в основном проживают финно-угры. Было принято решение проводить конференции, посвященные проблемам финно-угорских народов, систематически (раз в 2–3 года).

Резолюция конференции также содержит предложение о создании сети научного мониторинга по единой методике во всех регионах проживания финно-угров. В ней выражено мнение о возложении координационной и организационной работы на отдел социологии МарНИИЯЛИ, где накоплен богатый эмпирический материал по изучению проблем молодежи.

Четвертый выпуск молодежного сборника посвящен Году молодежи в России и в нем рассматриваются различные стороны реализации государственной молодежной политики в Республике Марий Эл.

Основные задачи молодежной политики в Республике Марий Эл раскрыл Л.А. Гаранин. Он проанализировал законодательные акты в области молодежной политики, работу органов власти республики по решению проблем молодежи в сфере образования, демографии, охраны здоровья и материнства, проблем занятости и безработицы в молодежной среде. Различные стороны государственной молодежной политики и вопросы методико-теоретического изучения молодежи исследует О.В. Орлова. Она выявляет, как меняется государственная молодежная политика в различные исторические периоды и отмечает, что необходимы совместные усилия ученых и политиков как для изучения проблем молодежи, так и при формировании и реализации государственной молодежной политики в России.

Статья Министра образования и науки РМЭ Г.Н. Швецовой «Образование молодежи Республики Марий Эл: современное состояние и перспективы» раскрывает сложные процессы в образовательной сфере, степень доступности образования для различных групп молодежи, дает характеристику образовательного пространства, выявляет слабые и сильные стороны системы образования в республике. Ею сделан анализ роли образовательных учреждений в обеспечении культурных (обучение родным языкам) запросов молодежи, межкультурной коммуникации, системы поддержки одаренных детей, материально-технического и кадрового потенциала учебных заведений, охраны и укрепления здоровья учащихся.

Вопросы профессиональной подготовки молодежи и профессиональной адаптации анализируются Э.Д. Идиатуллиной. Она рассматривает деятельность органов власти по формированию многоуровневых учебных заведений и реструктуризации образовательных организаций в соответствии с запросами рынка труда и работодателей, выясняет те задачи и проблемы, которые требуют своего решения в сфере профориентации молодежи, подготовки кадров и их трудоустройства.

Две работы посвящены проблемам здоровья молодежи. Заместитель министра здравоохранения М.В. Панькова исследует социальные параметры здоровья молодежи в РМЭ, а Министр физической культуры, спорта и туризма РМЭ В.М. Чумаков исследует роль спорта в формировании здорового образа жизни.

Асоциальное поведение и преступность несовершеннолетних стали предметом анализа статьи Т.П. Шутовой. Автор разбирает положительный опыт по профилактике преступлений, накопленный образовательными, воспитательными учреждениями, молодежными и общественно-культурными объединениями по патриотическому и духовному воспитанию молодежи, как действенную меру по профилактике асоциальных явлений в молодежной среде. Она анализирует причины и факторы, способствующие росту преступности в среде несовершеннолетних, отмечает многофакторность этого процесса и указывает на необходимость комплексных мер, направленных на профилактику преступлений.

Положение молодежи на рынке труда исследует руководитель Департамента государственной службы занятости населения А.П. Сычев. Он анализирует работу государственных структур, направленных на решение вопросов занятости населения, снижения уровня безработицы в молодежной среде. А.П. Сычев исследует роль службы занятости населения РМЭ по профориентационной работе выпускников школ. Служба занятости проводит ярмарки вакансий и учебных рабочих мест, в том числе и специализированных, организует общественные работы, проводит временное трудоустройство и оказывает психологическую помощь безработным. Кроме того, служба занятости и местные администрации оказывают помощь и консультации в организации собственного дела, получении кредитов и т.д.

В сборнике представлена подборка нормативных документов, принятых в Год молодежи в Республике Марий Эл. Эту подборку подготовил П.Н. Журавлев – начальник управления по молодежной политике министерства образования Республики Марий Эл. Эти документы показывают насколько обстоятельно и разноплановo подошли в Марий Эл к решению проблем молодежи и какое серьезное внимание уделяется в республике молодежи.

Пятый выпуск молодежного сборника посвящен Году учителя в Российской Федерации. В материалах сборника представлены результаты работы министерств и ведомств Республики Марий Эл и других регионов РФ, ученых, преподавателей вузов. В сборнике рассмотрены вопросы образования, профориентации среди молодежи, проблемы семьи (межнациональные браки, неполные семьи, жестокое обращение с детьми, демографические процессы и др. вопросы).

Часть статей сборника посвящена проблемам образования: кадровому составу образовательных учреждений, роли учителя в системе образования и воспитания и др.

Статья министра образования и науки РМЭ Н.Г. Швецовой «Учитель в системе образования» проблемная. В ней ставится вопрос о роли учителя и престиже этой профессии в современном обществе, указывается на важность диалога между школой и семьей в деле воспитания подрастающего поколения и определяющей роли личности педагога.

В.В. Константинова размышляет о проблеме профессионального становления учителей, выявляет факторы, определяющие профессиональную культуру учителя и важность системы подготовки учителей в высших и средних специальных учебных заведениях. Теоретические положения статьи подкреплены материалами проведенного социологического исследования выпускников педагогических вузов.

Различным сторонам подготовки педагогических кадров, формированию личности учителя посвящены работы М.Ю. Клюкиной и Е.А. Ивановой. М.Ю. Клюкина исследует вопросы формирования у будущих учителей начальных классов готовности к этнохудожественному воспитанию младших школьников и анализирует эту проблему на материалах дисциплины «Художественная культура мира». Работа Е.А. Ивановой посвящена формированию психологической компетентности будущего педагога. По поставленным вопросам близка к этим статьям работа

С.С. Клюкиной «Формирование у студентов способности к самообразованию», в которой исследуются различные формы работы со студентами, которые наиболее эффективны в обеспечении и формировании определенных способностей к собственному развитию, созданию мотивов и интересов, побуждающих к тому, чтобы быть подготовленными к профессиональной деятельности, самореализации и самообразованию.

Группа статей (авторы Е.А. Иванова, Г.Ю. Иванова, В.Т. Михайлов, В.А. Сахаров, Л.Г. Сахарова, А.Г. Поляков) посвящена изучению проблемы взаимодействия семьи и школы, народной педагогике и роли семьи в формировании нравственных идеалов личности. В совместном исследовании В.А. Сахарова, Л.Г. Сахаровой, А.Г. Полякова «Развитие нравственных чувств личности в процессе духовно-нравственного воспитания в семье (на примере Вятского региона)» показана роль семейной педагогики, исследуется роль религиозных и народных традиций при формировании нравственных норм и идеалов. Авторы указывают, что народная педагогика представляет большой научный и практический интерес и заложенный в ней потенциал необходимо изучать и использовать в системе воспитания в современной школе.

Работа В.Т. Михайлова «Жить подобно пчелиной семье (марийская народная педагогика о семейном воспитании)» посвящена вопросу о том, как проходило воспитание детей в семье, какую роль в этом процессе играли традиции, фольклор, члены семьи. Автор отмечает, что народная педагогика давала установку на сохранение семейных традиций: почтительное отношение к родителям, уважительное отношение между членами семьи, и сегодня важно не растерять это наследие.

Отображению семьи и семейных традиций в литературных произведениях посвящены две работы (авторы Н.И. Кульбаева и Н.В. Чикина). Первая работа исследует марийскую драматургию и показывает как в марийских пьесах изображена проблема семьи и семейных отношений: сиротство, безотцовщина, утрата межпоколенческих связей, брошенные родители. Справедлив вывод автора, что драматургия и театр чутко реагируют на происходящие в жизни изменения, обращают внимание общества на актуальные проблемы жизни и с помощью изображения напряженных драматических коллизий через судьбы и характеры персонажей влияют на людей путем воздействия на их эмоции, вызывая сочувствие и сопереживание, разбивая корку равнодушия.

В работе Н.В. Чикиной «Семья и семейные ценности в произведениях писателей Карелии» дан анализ целому ряду произведений, в которых наиболее полное отражение получила тема семьи, нравственности, отношения родителей и детей, любовь к родным и т.д. Литература Карелии стала разрабатываться с 20-х годов XX века, а ее расцвет приходится на 1940–1980-е годы. Поэтому Чикина делает акцент «на наиболее яркие» произведения писателей и поэтов, пишущих на русском и карельском языках и отображающих особенности уклада и проблемы карельской и русской семьи в 20–30-е годы, в годы Великой Отечественной войны и в 50–80-е годы. Автор отмечает, что карельские писатели отдают предпочтение

описанию села и сельской жизни, показывают как идет слом традиционных патриархальных отношений, отображают как влияет урбанизация и иные явления социально-политического плана на людей, на их взаимоотношения в семье.

В двух статьях (авторы Т.П. Шутова и Г.С. Зеленеева) исследуются относительно слаборазработанные и закрытые темы (насилие в семье, жестокость по отношению к детям в обществе, причины негативных явлений в семейных взаимоотношениях, положение одиноких матерей). Т.С. Шутова анализирует причины возникновения жестокого обращения с детьми и отмечает комплексный характер причин, связанный как с изменениями в социуме, так и с асоциальным поведением родителей и детей. Проблема насилия в семье – это не только проблема нашей страны, и потому в 1989 г. ООН была принята «Конвенция о правах ребенка», появление которой свидетельствовало о признании мировым сообществом прав ребенка и необходимости закрепления универсальных, обязательных для всех государств, требований к их защите. Россия ратифицировала Конвенцию в июне 1990 г., вместе с тем, в российском законодательстве нет четких определений, что же есть «жестокое обращение с детьми», «насилие» и т.д. Автор подчеркивает необходимость принятия специальных законодательных актов по защите прав ребенка и защите от жестокого обращения в семье. Внимание читателя привлечет опыт западных стран в этой сфере, который проанализирован Т.С. Шутовой. Она же исследует те инициативы и практические мероприятия, проводимые в РФ и отдельных регионах по профилактике семейного насилия, защиты прав детей и формирования в обществе нетерпимости к насилию над детьми.

Работа Г.С. Зеленевой посвящена современному положению одиноких матерей в столице Республики Марий Эл – г. Йошкар-Ола. Автору удалось дать социальный портрет одиноких матерей (определить их профессионально-отраслевой, образовательный, возрастной и материальный уровень). Исследование подготовлено на базе ряда социологических исследований, что, несомненно, повышает научную ценность работы.

Проблемам межведомственного взаимодействия по формированию комплексной системы профессиональной ориентации молодежи посвящена статья Э.Д. Идиатуллиной. Важную роль в решении данной проблемы занимала республиканская целевая программа «Рабочие кадры Республики Марий Эл на 2009–2012 гг.», о которой довольно подробно рассказывает автор.

Анализу демографических процессов в Марий Эл посвящена статья О.В. Орловой. В ней проанализированы изменения в обществе, которые оказали влияние на формирование и становление поколения молодежи. Автор исследует динамику изменения численности населения республики, которая за межпереписной период (1989–2002 г.) имела тенденцию к сокращению. О.В. Орлова изучает возрастной, гендерный, поселенческий (город-село), этнический состав населения, уровень рождаемости и смертности, причины смертности, особенности и характер роста числа некоторых болезней, характер и направления миграционных процессов в исследуемый и более ранний период. Исследуя изменения в семейной сфере, она отмечает

как положительные, так и негативные процессы, связанные с увеличением численности разводов, распространением внебрачного материнства, ростом числа абортов и др. Автор приходит к правильному выводу, что демографические процессы изучаемого периода в Республике Марий Эл в целом, как и по всей России, обусловлены социально-экономическими факторами.

И наконец, в приложении даны результаты трех опросов: 1.«Семья, как фактор межнациональной интеграции в полиэтническом регионе», 2. «Отношение студенческой молодежи к вопросам семьи и брака», 3. «Современное положение одиноких матерей в городе Йошкар-Оле». Этот материал подготовлен к печати Г.С. Зеленеевой

Связь между статьями и материалами во всех пяти выпусках крепка и очевидна, что дает возможность создать цельное представление и представить объективный социальный портрет молодежи финно-угорского мира.

Издание уже пяти сборников показывает, что выпуски «Молодежь Республики Марий Эл» востребованы профессиональным сообществом и читателями. Особый интерес материалы, напечатанные в сборниках, представляют для молодых людей, которые могут увидеть позитивные и негативные факторы современного состояния различных групп молодежи.

Авторы публикаций, представленных в данных сборниках, ставят широкий круг вопросов, касающихся острых проблем молодежной политики, воспитания, образования, профессионального становления молодых людей, что дает импульс для дальнейшего интереса к данной теме. Вместе с тем они формируют конкретные рекомендации и выявляют какие меры необходимо принимать государству, образовательным, культурно-просветительным структурам, политикам и специалистам, связанным с молодежной проблематикой, чтобы молодые люди могли успешно социализироваться и могли взять на себя в скором времени ответственность за судьбу страны и российского общества.

В молодежных сборниках, выпускаемых МарНИИЯЛИ, есть много полезного и ценного, что может облегчить работу всех заинтересованных структур и специалистов, работающих с разными группами молодежи.

Было бы целесообразно провести сравнительные региональные исследования (например, финно-угорский – кавказский или тюркский мир и т.п.), т.к. они помогут глубже понять сложные процессы современного российского общества.

В заключение пожелаю авторам и редакторскому коллективу сборника «Молодежь Республики Марий Эл» продолжить работу по изучению молодежной проблематики, и я уверена, что в последующих выпусках тематика сборников будет еще более разносторонней и многоплановой.

Светлана Аккиева
Нальчик

Рец.: М.Е. Евсевьев: жизнь мордвы в фотографиях. Фотоальбом / сост. А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин, Т.А. Шигурова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004. – 176 с.; Фотолетопись мордовского села (100 лет из жизни села Волгапино): этнограф. фотоальбом / Этнографический музей МГУ им. Н.П. Огарева и др., автор-сост. Н.Ф. Мокшин. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2009. – 200 с.; Т.П. Федянович. Мордва. Этнографический альбом. Материалы мордовской этнографической экспедиции 1953 –1969. – М. : Наука, 2011. – 166 с.

Публикацию в течение последнего десятилетия трех указанных фотоальбомов, посвященных этнографии мордвы, безусловно, следует считать существенным вкладом в этнографическое источниковедение, причем не только отечественное, но и международное. Уникальные фотоснимки, сделанные этнографами-профессионалами, начиная с конца XIX вплоть до начала XXI вв., посвященные различным аспектам материальной и духовной культуры, общественного и семейного быта, религиозных верований и обрядов, дают возможность воочию рассмотреть жизнедеятельность мордовского народа во всей ее конкретике и динамике, точности и документальности. Неслучайно значимость открытия фотографии для человечества сравнивают с открытием книгопечатания.

Мордовский этнограф М.Е. Евсевьев, начавший заниматься фотографией в 1880-х гг., был одним из первых исследователей, хорошо осознавших роль фотографии в научной работе и музейной практике, сделавший фотоаппарат непременным инструментарием исследователя-этнографа в деле собирания, сохранения, изучения и популяризации народной культуры, ее достоверной фиксации. С 1880-х гг. составление фотоальбомов неизменно включается в планы этнографических поездок ученого, в результате которых ему удалось создать фотогалерею не только мордвы, но и ряда других народов Поволжья. Фотоальбом, представленный М.Е. Евсевьевым на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г., включавший до 250 фотоснимков мордвы, чувашей, татар, марийцев, удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков, калмыков, был удостоен Выставочным комитетом золотой медали. Успех фотоальбома мордовского ученого повторился и на международной выставке в Париже, где его составитель также был награжден золотой медалью.

В фотоальбом «М.Е. Евсевьев: жизнь мордвы в фотографиях», выпущенный в Саранске к 140-летию со дня рождения мордовского ученого, включено более двух-

сот фотографий по его негативам, хранящимся в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее, публикуемых впервые. Фотоальбом открывается обширной статьей доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Мокшина, посвященной анализу жизни и творческого пути М.Е. Евсевьева (с. 5–28), в которой автор раскрывает методику полевой работы исследователя, трудности, связанные с фотографированием тех или иных объектов, созданием фототеки, ее значимости для научно-исследовательской и музейной деятельности. В статьях кандидата педагогических наук (ныне доктора культурологии) И.А. Зеткиной «Макар Евсевьевич Евсевьев – фотограф» (с. 29–32) и кандидата исторических наук Т.А. Шигуровой «Коллекция негативов М.Е. Евсевьева – запечатленная история мордовского народа» (с. 33–37) детализируется проведенная Евсевьевым работа по фиксации с помощью фотосъемки историко-этнографического материала. «Современное значение фотографического наследия М.Е. Евсевьева огромно, – верно отмечает И.А. Зеткина, – это и возможность реконструкции историко-культурного пласта конца XIX – начала XX века, и история самой фотографии, и материал для продуцирования современных произведений национального искусства. Заинтересованным исследователям предстоит работа по поиску и атрибуции фотографий в этнографических записках музеев» (с. 32).

Завершая анализ коллекции негативов М.Е. Евсевьева, хранящихся в фондах Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея, Т.А. Шигурова обращает внимание на ее многогранную историко-этнографическую и искусствоведческую ценность. «Несомненное значение имеет коллекция прежде всего для мордовской истории (этнографии), краеведения, – подчеркивает она, – негативы дают неоценимый фактический материал, который охватывает разные детали и атрибуты материальной культуры, явления быта, социальные нормы поведения, религиозные верования, обрядовые формы конца XIX – начала XX века и может быть использован для разработки отдельных тем» (с. 37).

Фототека М.Е. Евсевьева в целом – уникальный источник для изучения культуры и быта мордовского народа на рубеже XIX–XX веков. Ее информационный потенциал со временем лишь возрастает, поскольку то, что в свое время удалось зафиксировать Евсевьеву, в наше время запечатлеть на фото уже невозможно.

«Фотолетопись мордовского села (100 лет из жизни села Волгапино): этнографический фотоальбом» – уникальная работа подобного рода, впервые публикуемая в Мордовии. У ее истоков стоял известный мордовский ученый-путешественник М.Е. Евсевьев (годы жизни 1864–1931), неоднократно посещавший это село в конце XIX – начале XX в. и сделавший там ряд фотоснимков. Они в основном посвящены религиозно-обрядовой сфере жизни. «Спустя целый век, – отмечает автор предисловия Н.Ф. Мокшин, – мы можем лицезреть ритуальную атрибутику молений мордвы: вдохновенные лица молящихся, их обрядовую одежду, пищу, утварь, окружающую природу, сельскую архитектуру» (с. 4).

В 1920-х гг. ряд экспедиционных поездок по сбору мордовских этнографических экспонатов и фотоматериалов для Пензенского естественно-исторического музея совершила заведующая отделом археологии и этнографии этого музея Н.И. Спрыгина. В 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве была представлена подборка собранных ею коллекций по быту мордвы, за которую она была удостоена диплома 1 степени. По материалам экспедиции 1925 г. ею была опубликована работа «Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губернии» (Пенза, 1928). Сохранилось семь фотоснимков, сделанных Н.И. Спрыгиной в селе Волгапино, которые приводятся в данном фотоальбоме.

Летом 1965 г. в Волгапине работала этнографическая экспедиция Мордовского государственного университета под руководством Н.Ф. Мокшина, в которой принимала участие и научный сотрудник Эстонского этнографического (ныне национального) музея, что в г. Тарту, Эви Сарде (Астель), приезжавшая в Мордовию для сбора этнографических коллекций финно-угорских (шире уральских) народов. В процессе сбора этнографических экспонатов она фотографировала те или иные ритуалы, бытовые сюжеты сельской жизни, по-своему продолжая ту фотолетопись села Волгапино, у истоков которой стоял М.Е. Евсевьев, и передала эти снимки Мордовскому университету.

Но наибольший вклад в этнографическое летописание мордовского села Волгапино внес кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры этнографии (ныне этнологии) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова С.П. Поляков (в настоящее время доктор исторических наук, профессор этой же кафедры), работавший в составе этнографической экспедиции МГУ им. Н.П. Огарева в 1978–79 годах. Сотрудничество двух МГУ (Московского и Мордовского) началось в 1970-х гг., когда был подписан соответствующий договор между ними, предусматривавший ряд совместных мероприятий, в том числе и экспедиций, по изучению археологии и этнографии мордовского народа.

Более двухсот черно-белых фотокадров и цветных слайдов, снятых С.П. Поляковым для этнографического музея Мордовского университета, открывшегося 19 декабря 1979 г., запечатлели не только жителей села, но и их одежду как будничную, так и праздничную, жилища и хозяйственные сооружения, общественные здания, архитектуру крестьянских построек, домашнюю утварь, сюжеты сельского труда, обрядовую жизнь, окружающую природу. Слайды, снятые С.П. Поляковым в этой экспедиции, составили обширную цветную панораму села и его обитателей конца 70-х годов прошлого века.

В январе 2004 г. Мордовия отмечала 140-летие со дня рождения М.Е. Евсевьева. Одним из знаменательных событий, связанных с этой датой, было открытие в средней школе с. Волгапино этнографического музея его имени, в котором принимали участие представители как республиканских, так и местных организаций. Событие это запечатлено на фотоснимках, выполненных корреспондентом газеты «Мок-

шень правда» Ф.А. Гавриловым. Фотографии, завершающие альбом, выполнены корреспондентом газеты «Эрзянь правда» Э.Н. Ретунским в сентябре 2008 года.

Особенностью этого фотоальбома является не только фотолетопись вековой жизнедеятельности мордвы-мокши села Волгапина, выступающая в виде своеобразного видеоряда, но и обстоятельное описание культуры и быта мордвы, сопровождающее его, принадлежащее перу мордовского историка и этнографа Н.Ф. Мокшина, описание, в котором на примере одного села отражена многовековая история всего мордовского народа.

В этнографическом альбоме Т.П. Федянович «Мордва» публикуются фотоснимки и рисунки, сделанные во время работы Комплексной Мордовской этнографической экспедиции, организованной в 1953 г. Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР и проработавшей с небольшими перерывами до 1969 года. Возглавляла экспедицию известный специалист по этнографии народов Поволжья и Приуралья В.Н. Белицер (годы жизни 1903–1983), светлой памяти которой указанный альбом и посвящается.

Экспедиция вела работу среди двух субэтносов мордвы – эрзи и мокши и этнографических групп – мордвы-каратаев, мордвы-терюхан, теньгушевской («шокшинской») мордвы. Маршруты экспедиции проходили по территории Мордовской АССР и всему Среднему Поволжью. Публикуемый иллюстративный материал отражает различные стороны самобытной народной культуры мордвы, воссоздает ее традиционные элементы, во многом утраченные в настоящее время. Автор-составитель альбома кандидат исторических наук Т.П. Федянович – специалист по этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья, научный сотрудник Института этнографии АН СССР.

Иллюстративной части рецензируемого фотоальбома предшествует написанный автором-составителем очерк (с. 3–64), в котором рассказывается о работе Мордовской этнографической экспедиции (с. 3–36), характеризуется ее традиционная культура (хозяйственные занятия, орудия труда, домашняя утварь, поселения, жилище, хозяйственные постройки, женская одежда, украшения, головные уборы, женская обувь, обычаи и обряды) (с. 37–64).

В процессе экспедиции ее участниками, а также работавшими в ней художниками был собран большой, уникальный иллюстративный материал – рисунки и фотографии, отражающие различные элементы народной культуры мордвы – одежды и украшений, жилища и хозяйственных построек, поселений, хозяйственных занятий, орудий труда и др. Большая часть фотографий была сделана самой В.Н. Белицер. Среди других авторов – Л.М. Сабурова, Т.П. Смирнова (Т.П. Федянович), А.А. Линденберг. Рисунки выполнены квалифицированными художниками Е.С. Масловой, Т.И. Коведяевой, В.Г. Демьяновым, М.Р. Семашкевич, Л.Н. Родионовой, М.М. Санниковым, Е.М. Золотаревым и З.С. Золотаревой, в разные годы

работавшими в составе экспедиции. Как правило, все зарисовки они делали во время работы в полевых условиях.

Представляется, что публикация этих материалов, хранящихся в электронном фотоархиве (фотографии) и в научном архиве (рисунки) Института этнологии и антропологии РАН, несомненно, имеет научную значимость и актуальность. Они воссоздают во многом утраченные к настоящему времени элементы традиционной культуры и быта самого крупного по численности на территории нашей страны финно-угорского этноса. Что касается фотографий, посвященных работе и быту сотрудников экспедиции в «поле», то они хранятся в личном архиве автора-составителя данного альбома.

Елена Мокшина
Саранск

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЗЕЙ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ РОССИИ И ФИННО-УГОРСКОГО МИРА», ПОСВЯЩЕННАЯ 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТИМОФЕЯ ЕВСЕЕВИЧА ЕВСЕЕВА

Международная научно-практическая конференция – часть проекта «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл», заявленного Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева в 2011 году. Она входит в цикл мероприятий, посвященных празднованию 125-летия со дня рождения краеведа, этнографа Тимофея Евсеевича Евсеева. Ежегодно 1 февраля Национальный музей проводит День открытых дверей, приуроченный ко дню рождения основателя музея. В 2012 году в этот день на здании музея была открыта мемориальная доска, посвященная Т.Евсееву, также открыта фотовыставка «Дорогой времени…» (по материалам экспедиции по маршруту Т.Евсеева), стационарная выставка «Писатель этого сведения». 2 февраля 2012 года в работе конференции приняли участие 83 исследователя из регионов России (Ханты-Мансийский АО, Республика Коми, Удмуртская Республика, Республика Мордовия, Республика Татарстан), Финляндии, муниципальных районов Республики Марий Эл.

Пленарное заседание открыл директор Национального музея Республики Марий Эл, к.и.н. Муравьев Анатолий Васильевич, который в своем докладе представил основателя музея Тимофея Евсеева как краеведа и исследователя, раскрыл новые факты его биографии. На пленарном заседании с научными докладами выступили Ильдико Лехтинен, старший научный сотрудник Национального музея Финляндии, доктор наук; Хват Александр Иванович, начальник Управления по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия РМЭ; Чузаев Родион Иванович, к.и.н., доцент, декан факультета культуры и искусств МарГУ; Федорова Светлана Николаевна, д.п.н., профессор МарГУ. По окончании пленарного заседания работа была продолжена по секциям. На 5 секциях было заслушано около 80 докладов научных сотрудников музеев, краеведов, педагогов. Секции работали по следующим направлениям:

– Актуальные вопросы музейной работы;

– Музейная педагогика;
– Культурное наследие и социум;
– Краеведческая работа с детьми и юношеством;
– Личность в истории и культуре. Наследие Тимофея Евсеева.

В ходе работы секций «Актуальные вопросы музейной работы» и «Музейная педагогика» были затронуты такие значительные темы, как эмоциональная, тактильная составляющая музейных занятий. Участники конференции в ходе рассуждений пришли к выводу, что интерактивные занятия с детьми в настоящее время являются самыми востребованными и необходимо совершенствовать эту форму работы с посетителями. Интересным был доклад И.Г. Садовина о современных PR-технологиях в музейной сфере. Актуальной темой в ходе работы конференции стало и новое понимание этнокультурного воспитания подрастающего поколения, по этой теме в форме докладов было представлено несколько проектов, направленных на популяризацию исторического своеобразия этносов в поликультурной среде (Е.В. Алдошина, Е.Е. Хитяева, Л.В. Лисак, М.В. Кабакова, Е.Т. Федотова).

В секции «Культурное наследие и социум» шло обсуждение проблем сохранения духовной и материальной культуры через популяризацию музейными средствами. Были представлены доклады о повседневных и праздничных обрядах (Д.А. Байдимиров, О.Н. Маркелов, М.В. Кугуелова, А.С. Привалов); о научном исследовании фондовых коллекций (Л.А. Кувшинская, Д.Ф. Гатина-Шафикова, С.Л. Кислицина).

Преподавательский состав муниципальных школ и педагоги дополнительного образования вели работу в секции «Краеведческая работа с детьми и юношеством», где была определена роль музея в образовательном и воспитательном процессе, а также большое внимание в докладах было уделено краеведческим исследованиям.

Участники 5 секции «Личность в истории и культуре. Наследие Тимофея Евсеева» основной упор в своих докладах сделали на вклад Тимофея Евсеева в развитие музееведения, этнографии, краеведения. Были освещены неизвестные факты биографии Т.Евсеева, проанализированы собранные им коллекции, представлены современные исследования, которые являются продолжением разностороннего глубокого изучения традиционной культуры марийского народа на современном этапе его развития. Новые сведения биографии Тимофея Евсеева, обнаруженные в архивах и музеях, представляют особый интерес. Они позволяют устранить неточности и разночтения, оценить с современных позиций и данных современной науки значение и актуальность этнографических исследований.

На заключительном заседании был заслушан отчет руководителей секций, подведены итоги конференции. Было принято решение опубликовать материалы конференции. Все участники отметили продуктивную работу секций научно-практической конференции, высокий уровень многих докладов и выступлений, большое количество проектов, а также участие большого количества молодых исследователей.

Надежда Бочкарева
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2012, № 1

ПАМЯТИ ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА ИВАНОВА

11 февраля 2012 года скоропостижно скончался Иван Григорьевич Иванов – доктор филологических наук (1975), профессор (1981), действительный член Академии гуманитарных наук (академик, 1994), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2002), заслуженный деятель науки Марийской АССР (1979), зарубежный член Финно-угорского общества (1983, Хельсинки), член общества М.Кастрена (Финляндия, 1990), почетный профессор Марийского государственного университета (2006), кавалер орденов «Знак Почета» (1991), «Креста Марьямаа IV» Эстонской Республики (2006).

Родился Иван Григорьевич 15 мая 1935 года на куженерской земле в дер. Чодыраял в крестьянской семье. Детство прошло, как у всех сверстников того времени, в трудные годы Великой Отечественной войны.

Учился сначала в Нурсолинской начальной, затем в Большецаранурской семилетней школе.

В 1949 году Иван Григорьевич окончил семилетнюю школу с Похвальной грамотой. Без вступительных экзаменов поступил в Новоторъяльское педучилище. Учился, как сам вспоминал, с увлечением. Окончил его в 1953 году. Имея диплом учителя начальной школы, начал работать в своем родном районе. Получил первый педагогический опыт. Но нужно было учиться дальше, получить высшее образование.

В 1955 году стал студентом Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской. Выбрал историко-филологический факультет, русско-марийское отделение.

После окончания института, поработав немного в редакции республиканской молодежной газеты «Рвезе коммунист» («Молодой коммунист»), будущий ученый-филолог переходит на работу в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Его определяют младшим научным сотрудником в сектор языка. С этого времени начался его путь в большую науку.

Следующий этап в жизни Ивана Григорьевича связан с городом Тарту (Эстония) – в 1961 году становится аспирантом Тартуского государственного универси-

тета. Университет к этому времени стал центром финно-угроведения. Для молодых аспирантов центром притяжения был академик Академии наук Эстонской ССР Пауль Аристэ.

И.Г. Иванову повезло с научной школой – он попал к известному финно-угроведу Паулю Аристэ. Впоследствии он вспоминал: «Профессор Пауль Аристэ для меня и, наверное, для многих моих коллег был идеалом истинного ученого, наставника молодых. Доброжелательность, стремление поддержать начинающего исследователя, помочь, вселить уверенность в своих силах были отличительными чертами этого добрейшего и чуткого человека. В Пауле Аристэ сочетался великий ученый, талантливый педагог и обаятельный человек».

Учеба в Тарту оказала весьма благотворное влияние на формирование научного мировоззрения начинающего исследователя. В Эстонии он получил хорошую лингвистическую подготовку, понял роль родного языка в формировании общественного сознания, необходимость бережного и уважительного отношения к нему.

В 1965 году в Тартуском университете И.Г. Иванов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетика Тоншаевского говора марийского языка». Как отмечали коллеги-лингвисты, это был обобщающий труд, содержащий ценные сведения и новые факты по основным закономерностям межъязыкового взаимодействия на фонетическом уровне и представляющий определенный интерес для теории лингвогеографических исследований.

В конце 60-х и в начале 70-х годов о фонетических и лексических особенностях этого говора Иванов И.Г. опубликовал ряд исследований, среди них: «К вопросу о происхождении тоншаевских марийцев» (1967), «Ударение в тоншаевском говоре марийского языка» (1967), «Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края» (1969). В 1970 году в соавторстве с Г.М. Тужаровым издал первые два выпуска из серии «Марийские диалекты», монографию «Северо-западное наречие марийского языка» и в 1971 году – «Словарь северо-западного наречия марийского языка».

Научную деятельность продолжил после перехода на работу в 1966 году в Марийский научно-исследовательский институт им. В.М. Васильева. Сначала трудился старшим научным сотрудником, затем начал заведовать сектором языка. Здесь расширился круг научных интересов молодого ученого: в его поле зрения оставалось северо-западное наречие марийского языка – тоншаевский говор (опубликовал, как отмечали выше, ряд исследований), кроме того, занимался проблемами письменности, лексикой марийского языка.

МарНИИ возглавлял тогда И.С. Галкин. Он попросил молодого сотрудника включиться в составление русско-марийского словаря. Это дело было новым, хотя до этого были изданы несколько словарей. Надо было в новых условиях решить немало проблем, связанных с лексикографической работой: определить структуру словаря, решить, какие слова включить в словарь, а какие нет, объем и т.д. Дело в том, что даже в 60-х годах чувствовалась реформа 1938 года, когда от традиций, заложенных В.М. Васильевым, Г.Г. Кармазиным и другими языко-

ведами, резко отошли: языковые явления марийского языка стали рассматривать через призму русского языка, национальное своеобразие родного языка почти не учитывалось, во многом стали подражать русскому языку. Новые слова (неологизмы), рожденные в 20-х годах, а также диалектные слова включать в словарь тогда опасались.

В период работы в МарНИИ Иван Григорьевич интенсивно начал заниматься проблемами возникновения и становления марийского литературного языка. Опубликовал монографию «История марийского литературного языка» (1975) и в этом же году в Тартуском университете успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Возникновение и развитие марийского литературного языка». Автор показал, что литературный язык у народа мари появился с возникновением письменности, задолго до 1917 года. Он исследовал этапы развития и становления языка, формирование орфографических, лексико-грамматических и стилистических норм марийского литературного языка.

И.Г. Иванов с большой настойчивостью выдвигал идею создания у народа мари единого литературного языка. Он писал: «Существование у одного народа двух форм литературного языка – явление печальное. Оно расщепляет культурные силы народа, сдерживает консолидацию нации, ее культурное и национальное возрождение».

В 1975 году И.Г. Иванова пригласили работать в Марийский государственный университет заведующим кафедрой. Работы на новом месте было предостаточно: кафедра только что отделилась от другой кафедры, нужно было заново комплектовать ее кадрами, определиться с помещением и оборудованием, составить новый учебный план и т. д. И Иван Григорьевич справился. Более 25 лет руководил он кафедрой марийского языка. Следует добавить, что в 1994–2000 годах по совместительству являлся и заведующим кафедрой марийской филологии и культурологии Марийского института образования.

В 1977 году на ученом совете университета Ивана Григорьевича избрали деканом историко-филологического факультета. С этого времени начал совмещать должности декана и заведующего кафедрой.

И.Г. Иванов был неутомимым тружеником, целеустремленным исследователем, ученым широкого диапазона. Он автор многих учебников и программ для вузов. Из-под его пера вышли учебники и учебные пособия по марийской диалектологии (1981), истории марийского литературного языка (2003), фонетике современного марийского языка (2000), а также биобиблиографический сборник «Марийские филологи» (1988), «Марийские лингвисты» (в соавторстве).

Заметный вклад внес в дело совершенствования марийской орфографии, являлся научным редактором Орфографического словаря 1992 года. По вопросам алфавита и орфографии Иван Григорьевич опубликовал ряд статей: «Латинизация марийского алфавита» (1971), «Этапы развития марийской графики и орфографии» (1975), «Марийский язык. Совершенствование алфавита и орфографии» (1982), «Новый орфографический словарь» (1992), «О сложных словах» (1994), «О некоторых

особенностях употребления согласных в марийском языке» (1996), «Какой алфавит более подходит для марийского языка».

И.Г. Иванов много внимания уделял проблемам лексики марийского языка. Он один из авторов 10-томного «Словаря марийского языка», «Русско-марийского словаря» (1966), «Словаря синонимов марийского языка (в соавторстве) (1975), составитель «Словаря новых слов марийского языка» (2001), «Словаря лингвистических терминов марийского языка» (2004), издал «Словарь цветообозначающих слов современного марийского языка» (в соавторстве), др.

Иван Григорьевич был участником многих международных конгрессов финно-угроведов (Таллин, 1970; Будапешт, 1975; Турку, 1980; Дебрецен, 1990; Ювяскюля, 1995; Тарту, 2000; Йошкар-Ола, 2005), а также многих международных, всероссийских, межрегиональных, республиканских, вузовских научных и научно-практических конференций.

С 2010 года являлся заведующим лабораторией «Марийская школа», заместителем директора по научной работе Института финно-угроведения Марийского государственного университета.

Своими глубокими научными изысканиями он поднял марийское языкознание до международного уровня, прославил марийскую науку в глазах мирового финно-угроведения. Не случайно, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (Москва, 2000) среди всемирно известных языковедов значится имя И.Г. Иванова (551, 692 с.).

Мы его знали как надежного друга, человека с добрым сердцем. В трудную минуту он всегда был готов помочь коллегам, подставить свое плечо. Его спокойный, ровный голос, доброжелательный взгляд всегда привлекали к себе внимание собеседника. Ему были присущи человеческая и научная скромность и простота.

Ушел из жизни талантливый педагог, великий ученый. Светлая память об Иване Григорьевиче Иванове навсегда останется в наших сердцах.

Елизар Мустаев
Йошкар-Ола

Редколлегия журнала скорбит в связи со смертью талантливого ученого, крупного организатора науки, общественного деятеля, доктора филологических наук, действительного члена Академии гуманитарных наук, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного профессора Марийского государственного университета, члена Финно-угорского общества, члена редколлегии журнала «Финно-угроведение» **Ивана Григорьевича Иванова** и выражает соболезнование родным и близким.

Редколлегия журнала «Финно-угроведение»

«Финно-угроведение», 2012, № 1

ПАМЯТИ ГАБОРА БЕРЕЦКИ

4 апреля 2012 г. ушел из жизни профессор Габор Берецки, один из ведущих венгерских ученых – финно-угроведов. Его научная деятельность была связана с исследованием истории марийского языка и фольклора, языковых контактов Волго-Камского региона. В ученом мире он известен также как переводчик финно-угорских фольклорных и литературных произведений на свой родной язык.

Для многих Г. Берецки был прекрасным коллегой, старшим венгерским братом, отличным другом. Он любил свою работу, любил людей, как любой финно-угор, любил петь народные песни, а их он знал превеликое множество. Что удивляло и восхищало его коллег и знакомых, он ко всем неприятным моментам или ситуациям в своей жизни относился с добрым юмором и легкой иронией. Был удивительно толерантным человеком, трудолюбивым, никогда не отказывал в помощи.

Г. Берецки родился 24 марта 1924 г. в маленьком городке Бекеш в юго-восточной части Венгрии, там же окончил гимназию. Еще в годы учебы в гимназии огромное влияние на него и его дальнейшую судьбу оказала книга Миклоша Жираи «Finnugor rokonságunk» («Наше финно-угорское родство»). В 1948 г. Г.Берецки поступил учиться в университет им. П.Пазмани, но со второго курса в качестве стипендиата перевелся в Бухарестский университет для изучения румынского языка и литературы. Усваивать «не финно-угорский язык» помогали ему знания французского и латинского языков. После завершения учебы в 1952 г. вернулся в Будапешт, через год его направили в Ленинградский университет в аспирантуру. Он прекрасно овладел русским языком, посвятил себя изучению истории марийского языка. Одновременно в течение трех лет проработал лектором венгерского языка. Результатом его успешной учебы и плодотворной исследовательской работы явилась кандидатская диссертация на тему «Финно-угорские элементы марийского языка», которую защитил в 1959 г.

В годы учебы в аспирантуре параллельно изучал эстонский язык. Он часто ездил на кафедру финно-угорских языков Тартуского университета к академику Паулю Аристэ, который помогал ему своими советами и направлял в научных изысканиях. Во время поездок в Эстонию познакомился со своей будущей женой Маей Кииск (она долгое время работала лектором эстонского языка в университете им. Л.Этвёша, занималась двусторонним переводом эстонской и венгерской поэзии и литературы). Друзья и коллеги с гордостью отмечали и отмечают, что в их случае венгерско-эстонское языковое родство привело к крепким венгерско-эстонским семейным отношениям.

В 1959 г. Г.Берецки возвратился в Будапешт, стал работать доцентом на кафедре Эдена Беке в университете им. Л.Этвёша. С 1973 по 1986 гг. заведовал данной кафедрой. В 1979 г. получил звание университетского преподавателя.

С 1958 по 1979 гг. совместно с исследователем музыки Ласло Викаром объездил весь регион Средней Волги. Они вдвоем посетили более 300 деревень, записали около 4000 марийских, удмуртских, мордовских, чувашских, татарских и башкирских песен, провели сравнение народной музыки Волго-Камского региона с венгерской народной музыкой. Итогом этих трудных, но чрезвычайно плодотворных поездок стали труды «Cheremis Folksongs» (Будапешт, 1971), «Chuvash Folksongs» (Будапешт, 1979), «Votyak Folksongs» (Будапешт, 1989) и «Tatar Folksongs» (Будапешт, 1999). После опубликования «Марийских народных песен» в 1976 г. Венгерская Академия наук отметила его деятельность наградой. Свои впечатления о поездках Г. Берецки живописно, с присущим ему юмором описал в книге «A Névától az Urálig» («От Невы до Урала») (Сомбатхей, 1994).

В 1986 г. при Венгерской Академии наук Г. Берецки защитил докторскую диссертацию «Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I–II.» («Основы истории марийского языка»). В 2002 г. издал монографию «A cseremisz nyelv történeti alaktana» («Историческая морфология марийского языка»).

С 1986 по 1997 гг. Г. Берецки работал профессором финно-угроведения в университете г. Удине (Италия), где наряду с венгерским языком он преподавал эстонский, финский, марийский языки и финно-угроведение. В 1998 г. вышел на пенсию, по полгода жил в Эстонии на своем хуторе в Каламаа, увлеченно занимался пчелами и огородом, остальные полгода пребывал в Венгрии. Г.Берецки продолжал свою научную, преподавательскую и переводческую деятельность. Как профессор-эмеритус кафедры финно-угорских языков в университете им. Л.Этвёша передавал свои знания студентам.

Профессор Г.Берецки является автором многих научных трудов и учебников для университетов, среди которых следует отметить «Magyar nyelv finnugor alapjai» («Финно-угорские основы венгерского языка») (Будапешт, 1986, последнее переиздание в 2003 г.), «Cseremisz (mari) nyelvkönyv» («Грамматика черемисского (марийского) языка») (Будапешт, 1971), «Chrestomathia Ceremissica» («Хрестоматия черемисского языка») (Будапешт, 1990), «Fondamenti di linguistica ugrofinnica» («Основы финно-угорского языкознания») (Удине, 1998), «Bevezetés a balti finn nyelvészetbe» («Введение в прибалтийско-финское языкознание») (Будапешт, 2000). В последние годы работал над составлением большого эстонско-венгерского словаря, этимологического словаря марийского языка. Над последним успешно трудился совместно с тюркологом Кларой Адягаши (сигнальный экземпляр данного словаря опубликован). Со своей бывшей студенткой он работал и над переводом марийского эпоса «Югорно», появлению которого он очень радовался и которым восхищался.

Автору этих строк посчастливилось быть лично знакомым с профессором Г. Берецки, совместно с ним работать над марийским диалектным словарем ака-

демика Эдена Беке. В дальнейшем довелось посещать вместе со студентами его лекции по проблемам языковых контактов Волго-Камского региона, обучать венгерских студентов по его учебнику марийского языка, принимать участие вместе с ним в конференциях и вечерах, слушать анекдоты, народные песни в его исполнении и узнать его как добродушного, жизнерадостного, счастливого человека, любящего отца и дедушку.

Марийский народ и Правительство Республики Марий Эл высоко оценили деятельность профессора Г.Берецки, его вклад в марийскую гуманитарную науку. За диалектный словарь марийского языка, составленный совместно с Эденом Беке (посмертно), Яношем Пустаи и Маргаритой Кузнецовой в 2003 г. он стал лауреатом Государственной премии Республики Марий Эл им. М.Н. Янтемира. В 2005 г. Габор Берецки удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл». Награду ему вручили 20 августа в Йошкар-Оле на церемонии закрытия X Международного конгресса финно-угроведов.

Марий калык тыйым шарна, пагала, йӧрата. Габор изай! Кийыме верет пушкыдо лийже! Юмо дене пырля! Чеверын…

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акшиков Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарии и Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Бочкарева Надежда Николаевна – заведующая отделом этнографии Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Евсеева

Войтович Алевтина Аркадьевна – преподаватель кафедры музыки финно-угорских народов, заведующая кабинетом фольклора Петрозаводской государственной консерватории (академии) им.А.К.Глазунова

Гаврилова Валентина Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и финно-угорского языкознания МарГУ

Горинова Наталья Васильевна – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной лингвистики МарГУ

Лаврентьев Гурий Иванович – доктор филологических наук.

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии МГУ им. Н.П.Огарева

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Мустаев Елизар Николаевич – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания МарГУ

Некрасова Галина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка Коми НЦ УрО РАН

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории МарГУ

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Стрелкова Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного удмуртского языка и методики его преподавания Удмуртского госуниверситета

Титова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник УИИЯЛ УрО РАН

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

CONTENTS

ARTICLES

Nekrasova G.A. Approximately-locative, the approximate inessive or housing locative? (on the names of postpositional formation cases of the Udmurt language) ... 3

Kuznetsova M.N. For the history of the creation of Eden Beke's dialect dictionary 11

Sanukov K.N. The political repression of the 1930s against the Finno-Ugric peoples of Russia ... 22

Gorinova N.V. A. Luzhikov's drama «Ydzhyd visyom» («Big disease»): the theme of duality ... 29

Popov N.S. Features of worship of Orthodox saints by Maris in XIX and the beginning of XX centuries ... 40

REPORTS

Akshikov A.G. A new interpretation of runic inscriptions on stone, found in the village Yurino of Mari ASSR in 1958 ... 54

Sergeyev O.A., Fedoseyeva N.A. Graduates Maris of the Kazan teacher seminary 59

Voitovich A.A. Structural features of wedding songs of Meadow Mari ... 76

Sergeyev O.A. Vasiliy Zakharov – the first teacher of the Mari language in Kazan teacher seminary ... 82

PERSONS

Molotova T.L. To G.A. Sepeyev's anniversary ... 89

Strelkova O.B., Titova O.V. The anniversary of our teacher V.K. Kelmakov ... 97

Lavrentyev G.I. D.E. Kazantsev's anniversary ... 101

Mustayev E.N. To Z.K. Ivanova's anniversary ... 104

SURVEYS AND REVIEWS

Gavrilova V.G. Rev.: Linguistic contacts. – Helsinki: Society of the Finnish Language, 2009. – 340 p. ... 107

Akkieva S.I. Rev.: Youth of the Republic of Mari El (based on case of sociological studies). Issue 1: collected articles. – Yoshkar-Ola, 2003. – 160 p.; Youth of the Republic of Mari El // Materials of Interregional scientific-practical conference. Issue 2. – Yoshkar-Ola, 2007. – 172 p.; Youth of the Republic of Mari El (based on case of sociological studies). Issue 3: collected articles. – Yoshkar-Ola, 2008. – 176 p.; Youth of the Republic of Mari El (Realization of state youth policy in the Republic of Mari El). Issue 4: collected articles. – Yoshkar-Ola, 2009. – 160 p.; Youth of the Republic of Mari El (family and school). Issue 5: collected articles. – Yoshkar-Ola, 2010. – 234 p. ... 114

Mokshina E.N. Rev.: M.E. Yevsevyev: life of Mordovians in pictures. Album / comp. A.S. Luzgin, N.F. Mokshin, T.A. Shigurova. – Saransk: Mordvinian publishing house, 2004. –176 p.; Chronicles of Mordvinian village (100 years from the life of the village Volgapino) ethnographic photo gallery / Museum of Ethnography of Moscow State University named after N.P. Ogaryov and others, the author-status is N.F. Mokshin. – Saransk: Type. «Crass. October», 2009. – 200 p.; T.P. Fedyanovich. Mordva. Ethnographic album. Materials of Mordvinian ethnographic expedition of 1953–1969. – Moscow: Science, 2011. – 166 p. ... 124

CHRONICLE

Bochkaryova N.N. International scientific-practical conference «Museums and cultural heritage in social and cultural space of the regions of Russia and the Finno-Ugric world», dedicated to the 125th anniversary of Timofei Yevseyevich Yevseyev 129

Mustayev E.N. To I.G. Ivanov's memory ... 131

Kuznetsova M.N. To Gábor Berecski's memory ... 135

Information about the authors ... 138

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ В ЖУРНАЛЕ «ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ»

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению и публикации статьи на русском и английском с кратким резюме на английском или русском языках, соответствующие профилю издания. Текст статьи должен быть подписан автором с указанием полностью ФИО, ученой степени, должности, места работы, информации для контактов (телефон, электронный адрес). Материал должен быть представлен в электронном виде на отдельной дискете (текст набран в Word 2003, RTF) объемом от 5–22 страниц, шрифт 14 пт, интервал 1,0. В статье должен быть пронумерованный список используемой литературы не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте (1, с.12; 6, с.123).

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат несут авторы.

Публикации представляются по адресу 424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44, тел.45-14-73, 45-39-94, marnii@mari-el.ru, ответственному секретарю Т.Л. Молотовой.

Подписано в печать 05.05.2012. Формат 70x100/16.
Усл.п.л. 11, 61. Тираж 300 экз. Заказ № 5313.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Издательский дом «Сельские вести».
425200, РМЭ, п. Медведево, ул. Советская, 5

«Финно-угроведение», 2012, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru